

Веснік

Брэсцкага ўніверсітэта

Рэдакцыйная калегія

Галоўны рэдактар

А. М. Сендзер

Намеснік галоўнага рэдактара

С. М. Севярын

Адкажны рэдактар

Э. М. Севярын

Н. А. Антановіч (Беларусь)
 С. П. Анупрыенка (Беларусь)
 В. М. Ватыль (Беларусь)
 М. М. Громаў (Расія)
 А. М. Грыгаровіч (Беларусь)
 А. М. Данілаў (Беларусь)
 І. А. Дзенісенка (Украіна)
 С. Ц. Кавецкі (Беларусь)
 В. М. Камнеў (Расія)
 Ч. С. Кірвель (Беларусь)
 Г. У. Клімовіч (Беларусь)
 П. П. Крус (Беларусь)
 Б. М. Ляпешка (Беларусь)
 Я. Мірановіч (Польшча)
 Д. Г. Ротман (Беларусь)
 А. В. Самылаў (Расія)
 Я. У. Скакун (Беларусь)
 М. М. Чурылаў (Украіна)
 Э. Ярмах (Польшча)
 Я. С. Яскевіч (Беларусь)

Пасведчанне аб рэгістрацыі
 ў Міністэрстве інфармацыі
 Рэспублікі Беларусь
 № 1335 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
 224016, г. Брэст,
 бульвар Касманаўтаў, 21
 тэл.: +375-(162)-21-72-07
 e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
 ўніверсітэта» выдаецца
 са снежня 1997 года

Серыя 1

ФІЛАСОФІЯ

ПАЛІТАЛОГІЯ

САЦЫЯЛОГІЯ

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць два разы ў год

Заснавальнік – Установа адукацыі
 «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна»

№ 2 / 2020

У адпаведнасці з Дадаткам да загада
 Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь
 ад 01.04.2014 № 94 у рэдакцыі загада Вышэйшай атэстацыйнай
 камісіі Рэспублікі Беларусь ад 30.01.2020 № 22
 (са змяненнямі, унесенымі загадам ВАК ад 20.11.2020 № 271)
 часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1. Філасофія.
 Паліталогія. Сацыялогія» ўключаны ў Пералік навуковых выданняў
 Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў
 дысертацыйных даследаванняў
 па філасофскіх, палітычных і сацыялагічных навуках

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ

Иванчина О. Н. Основные глобальные показатели как репрезентанты социальной реальности (в экономике, политике, культуре).....	5
Карако П. С. Антропокосмическая идея Н. Г. Холодного: сущность и формы выраженности.....	16
Лапгёнок А. С. Социум. Мораль. Личность.....	24
Лепешко Б. М., Лепешко А. Б. Методологический ресурс феноменологии: практический аспект.....	30
Люкевіч У. П. Жак Рагэ: актуалізацыя фундаментальных прынцыпаў філасофіі алімпізму на пачатку XXI ст.	36
Максимович В. А. Стратегические риски и угрозы в социокультурной сфере современного общества и пути их преодоления.....	43
Никонович Н. А. Эпистемологическая конфигуративность религиозно-мифологического дискурса как объект философско-культурологического анализа (М. Элиаде и Дж. Кэмпбелл).....	50
Смирнова Р. А. Социокультурная детерминация смысложизненных мотиваций личности как философская проблема.....	61
Сташис В. О. Мифологизация реальности в современном информационном пространстве.....	67

ПАЛІТАЛОГІЯ

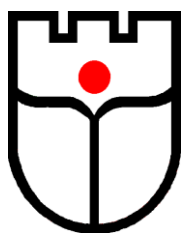
Ватыль В. Н., Ватыль Н. В. Духовно-нравственные основы в философии государства И. А. Ильина.....	73
Веремеев Н. Ю., Курадовец А. Н. К вопросу о категориях «группы интересов» и «группы давления» в политической науке.....	82
Ильина Е. М. Политологическое измерение цифровой трансформации: от теоретической концептуализации к учебной дисциплине.....	87
Мельников А. П., Северин Э. Н. О противодействии коррупции в Скандинавских странах и Финляндии: политологический аспект.....	94
Климович А. В., Жук С. А. Образ либерально-демократической цивилизации в социально-политической философии Ф. Фукуямы и Ф. фон Хайека: компаративный анализ.....	100
Посталовская О. А. Теоретическое измерение экологической политики: концептуальные подходы.....	112
Семенова В. Н. Трансформации политического в эпоху перехода от позднего модерна к постмодерну.....	118

САЦЫЯЛОГІЯ

Балич Н. Л. Методологические подходы к исследованию модернизации агропромышленного комплекса Беларуси.....	127
Кавецкий С. Т. Современная anomia: структура, уровни, категории, измерение.....	135
Лебедева Е. В. Перспективы социологического исследования качества городской среды.....	140
Лысюк А. И., Соколовская М. Г. Концепция любви в творчестве Владимира Соловьева.....	148
Посталовский А. В. Доверие к СМИ как социологическая категория.....	157
Смыкова Е. Ю. Современный музей Беларуси: особенности развития и потребления музейных услуг.....	163

ПАДЗЕІ

Данилов А. Н., Кавецкий С. Т. Памяти ученого. Георгий Петрович Давидюк (05.07.1923 – 10.11.2020).....	171
--	-----

Vesnik

of Brest University

Editorial Board

Editor-in-chief
A. M. Sender

Deputy editor-in-chief
S. M. Sevyaryn

Managing Editor
E. M. Sevyaryn

N. A. Antanovich (Belarus)
S. P. Anupryjenka (Belarus)
V. M. Vatyl (Belarus)
M. M. Gromau (Russia)
A. N. Grygarovich (Belarus)
A. M. Danilau (Belarus)
I. A. Dzenisenka (Ukraine)
S. T. Kavetski (Belarus)
V. M. Kamneu (Russia)
C. S. Kirvel (Belarus)
H. U. Klimovich (Belarus)
P. P. Krus (Belarus)
B. M. Lyapeshka (Belarus)
J. Miranovich (Poland)
D. G. Rotman (Belarus)
A. V. Samylau (Russia)
E. Y. Skakun (Belarus)
M. M. Churylau (Ukraine)
E. Yarmakch (Poland)
Ya. S. Yaskevich (Belarus)

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
nr 1335 from April 28, 2010

Editorial Office:
224016, Brest,
21, Kosmonavtov Boulevard
tel.: +375-(162)-21-72-07
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Published since December 1997

Series 1

PHILOSOPHY

POLITOLOGY

SOCIOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued twice a year

Founder – Educational Establishment
«Brest State A. S. Pushkin University»

№ 2 / 2020

According to the Supplement to the order of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus from April 01, 2014 nr 94 (as revised by the order of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus from January 30, 2020 nr 22) (with the amendments made by the orders of Supreme Certification Commission from November, 20, 2020 nr 271) the journal «Vesnik of Brest University. Series 1. Philosophy. Politology. Sociology» was included to the List of scientific editions of the Republic of Belarus for publication of the results of scientific research in philosophical, political and social sciences

CONTENTS

PHILOSOPHY

Olga Ivanchina. Key Global Indicators as Representatives of Social Reality (in Economy, Politics, Culture).....	5
Piotr Karako. Anthropocosmic Idea of N. G. Kholodny: Essence and Forms of Expression	16
Alexandr Laptенок. Society. Moral. Personality	24
Boris Lepeshko, Alexandr Lepeshko. Methodological Resource of Phenomenology: a Practical Aspect	30
Uladzimir Lukievich. Jacques Rogge: Updating the Fundamental Principles of the Philosophy of Olympism at the Beginning of the XXI Century	36
Valery Maksimovich. Strategic Risks and Threats in the Sociocultural Sphere of Modern Society and Ways to Overcome Them	43
Natalia Nikonovich. Epistemological Configurability of Religious-Mythological Discourse as an Object of Philosophical and Cultural Analysis (M. Eliade and J. Campbell)	50
Rosalia Smirnova. Sociocultural Determination of Personal Meaning-Based Motivations as a Philosophical Problem	61
Vladislav Stashis. Mythologization of Reality in the Modern Information Space.....	67

POLITOLOGY

Victor Vatył, Nikolai Vatył. Spiritual and Moral Foundations in the Philosophy of the State of I. A. Ilyin	73
Nikolai Veremeev, Anastasia Kuradovets. On the Question of the Categories of «Interest Groups» and «Pressure Groups» in Political Science	82
Elena Ilyina. Political Science Dimension of Digital Transformation: from Theoretical Conceptualization to the Academic Discipline	87
Adam Melnikov, Eduard Severin. Tackling Corruption in Scandinavian Countries and Finland: Politological Perspective	94
Hanna Klimovitch, Sergej Zhuk. The Image of the Liberal Democratic Civilization in the Socio-Political Philosophy of Francis Fukuyama and Friedrich Hayek: a Comparative Analysis	100
Olga Postalovskaya. Theoretical Dimension of Environmental Policy: Conceptual Approaches.....	112
Vladislava Semenova. Transformation of the Political in the Era of Transition from Late Modernity to Postmodernity.....	118

SOCIOLOGY

Natalia Balich. Methodological Approaches to Studying Modernization of Agro-Industrial Complex of Belarus	127
Sviatoslav Kavetski. Modern Anomie: Structure, Levels, Categories, Dimension	135
Elena Lebedeva Prospects of Sociological Research of the Urban Environment.....	140
Anatolij Lysiuk, Maryia Sokolovskaya. The Concept of Love in Work of Vladimir Solovyov	148
Alexandr Postalovsky. Trust in the Media as a Sociological Category.....	157
Yevgeniya Smykova. Modern Museum of Belarus: Features of Development and Consumption of Museum Services.....	163

EVENTS

Alexandr Danilov, Sviatoslav Kavetski. Memory of the Scientist. George Davidiuk (5.07.1923 – 10.11.2020) ...	171
---	-----

Ольга Николаевна Иванчина

канд. филос. наук, доц., доц. каф. уголовно-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Olga Ivanchina

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines
of Brest State A. S. Pushkin University

e-mail: onivanchina@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТЫ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ (В ЭКОНОМИКЕ, ПОЛИТИКЕ, КУЛЬТУРЕ)

Предложена характеристика основных показателей глобальной социальной реальности, благодаря которым можно оценивать и сравнивать состояние и развитие различных стран. Показатели представлены в виде трех основных сфер жизни общества (экономика, политика, культура), так как именно в них процесс глобализации осуществляется наиболее явно. Помимо классификации глобальных показателей, представленных в трех таблицах, предлагаются критерии для определения уровня цивилизованности конкретных стран, описываются способы получения глобальных индексов и уровней, предлагаются способы верификации данных.

Key Global Indicators as Representators of Social Reality (in Economy, Politics, Culture)

The article offers a description of the main indicators of global social reality, thanks to which it is possible to evaluate and compare the state and development of various countries. The indicators presented as a reflection of the three main areas of society life (economy, politics, culture), since it is in them that the process of globalization is carried out most clearly. In addition to the classification of the global indicators presented in three tables, criteria for determining the level of civilization of specific countries are proposed, methods for obtaining global indices and levels are described, and methods for verifying data are proposed.

Введение

Предметом социальной философии выступают любые процессы, происходящие в обществе. Она может осмысливать как биологические, так и культурные аспекты бытия человека. И в этом смысле актуален универсализм и энциклопедизм Аристотеля, который сегодня в исследованиях чаще всего называют «междисциплинарным подходом». Современная социальная философия имеет огромные возможности благодаря научным достижениям в различных областях знания, она аналитически и критически описывает и сопоставляет все феномены социума, мышления и ценностей человека, предлагает различные интерпретации явлений в экономике, политике, культуре.

Современная цивилизация существует как «глобальная деревня» (1962 г., М. Маклюэн), в которой важнейшие отношения осуществляются в сферах экономики, политики и культуры. Глобальная цивилизация

стала возможной благодаря техническим открытиям и внедрению средств массовой коммуникации и передачи информации. Все страны мира так или иначе включены в систему мировой экономики. Это касается даже тех обществ, которые в эпоху цифровых технологий живут за счет собирательства, земледелия, охоты и рыболовства (некоторые народы Африки, Латинской Америки и др.) и тех стран, которые реализуют политику изоляционизма (Северная Корея). Все общепризнанные страны представлены на политической карте мира и обозначены основными признаками государства (территория, государственные символы и др.). С большим или меньшим успехом правительства осуществляют внутрисоциальную политику в области сохранения своей культуры и национальной идентичности на фоне активного процесса аккумуляции. Все процессы глобализационного взаимодействия (прежде всего в эконо-

мике, политике, культуре) в настоящее время можно фиксировать и измерять в конкретных показателях. Эти глобальные показатели (global measures), чаще всего выражены в индексах, уровнях, коэффициентах. Важность глобальных показателей заключается в том, что они напрямую влияют на стратегию развития, на принятие значимых решений в государственном, международном и глобальном масштабах.

Целью настоящего исследования является системная репрезентация основных глобальных показателей, благодаря которым формируется современная научная картина мира в рамках социальной философии. Для ее достижения необходимо решить следующие задачи:

1) определить важнейшие глобальные показатели в основных областях социальной реальности (в экономике, политике, культуре);

2) предложить классификацию глобальных показателей (в экономике, политике, культуре);

3) сформулировать перечень показателей цивилизованности государства;

4) выявить зависимости между показателями и социальными явлениями.

Для реализации цели исследования применены следующие способы получения нового знания:

1) дескриптивный метод (описание и систематизация глобальных показателей);

2) метод типологии – для структурирования данных о показателях;

3) компаративный анализ для сопоставления данных.

В качестве источников нами использовались различные обзоры, отчеты, сборники статистических данных, современные научные статьи. Эмпирической основой для исследования являются данные глобальных показателей, международные рейтинги стран, опубликованные в открытых источниках информации.

Типологизация глобальных показателей помогает создавать организованную систему описания, характеристики, объяснения и прогнозирования социальной реальности. Глобальные показатели выступают метаданными, а также верификаторами различных явлений в политике, экономике, культуре.

Показатели как способ описания и верификации мира

Показатели – это выявленные социальные процессы в их количественных и качественных характеристиках, выраженные в статистических данных (в цифрах абсолютного количества, процентах, удельном весе, промиллях, уровнях, коэффициентах и т. д.). Появлению различных показателей наука обязана социологии и статистике. Именно эти области знания позволяют измерять и просчитывать различные социальные явления (события, процессы, условия, факторы, ресурсы, риски и др.), которые могут быть взаимозависимыми и взаимовлияющими друг на друга.

В XIX в. появляется социология как наука, способная измерять социальную реальность. Параллельно с этим начинается системная фиксация уголовных правонарушений и моральной статистики, что стало во многих странах естественной составляющей государственного управления. В странах Западной Европы и в Российской империи в первой трети XIX в. фиксируются как преступления и девиации, так и данные медицины (заболевания, эпидемии, прививки), демографии (рождаемость, смертность, брачность, разводимость), экономики и логистики (товарооборот грузов, урожайность, цены и др.). Таким образом, именно в XIX в. было заложено основание для *глобалистики* – современной области знания, исследующей мир в общепланетарном масштабе. Важнейшая цель глобалистики – на основе научных знаний выработать наилучшие стратегии устойчивого развития планеты, преодолеть кризисы мирового масштаба с помощью синтеза знаний и методологий разных подходов и школ.

В настоящее время огромное значение приобрела деятельность международных организаций, которые аккумулируют данные статистики и эмпирических исследований в различных странах мира. Среди всех международных организаций особую роль играет Организация Объединенных Наций. Деятельность международных организаций позволяет составлять международные рейтинги, выявлять тренды в развитии, актуализировать и разрешать проблемные ситуации.

Есть множество показателей, которые фиксируют географические, геологические,

биологические состояния и ресурсы. Все они так или иначе влияют на жизнь общества, т. к. человек – это биосоциальное существо. В данном исследовании мы не будем затрагивать их напрямую, поскольку существует значительное количество различных показателей, касающихся измерения непосредственных общесоциальных процессов в жизни общества (экономических, политических, культурных). Почему в данном исследовании все используемые показатели группируются только в три группы? Потому что, во-первых, процесс глобализации происходит преимущественно именно в этих сферах жизни общества, во-вторых, такое упрощение позволит объединить огромные объемы знания в краткую классификацию. Необходимо сделать оговорку, что в понятие «культура», в принципе, можно включить и экономику, и политику, и все виды деятельности человека, кроме природных, биологических. В данной статье в понятия «культура», «культурные показатели» мы включаем все то, что не относится напрямую к политике и экономике. Разумеется, предлагаемая нами типология достаточно условна, т. к. существуют «экономические культуры» и «политические культуры», а любое явление экономики и политики также выступает частью культуры.

Чаще всего конкретный глобальный показатель является синтезом из нескольких составляющих критериев, а комплексная оценка какого-либо явления (состояния, процесса) основана на большом количестве показателей. Так, например, в Дорожной карте Национального статистического комитета Республики Беларусь по разработке статистики по Целям устойчивого развития упоминается, что оценка проводится по 225 показателям [1, с. 10]. Это предполагает большую объективность при получении оценки. Кроме того, характеристика одного явления при помощи большого количества различных показателей выступает своего рода верификацией, т. к. многие явления коррелируют друг с другом.

Даже в современном глобальном мире по-прежнему актуальна проблема сбора данных по значительному количеству показателей: не все государства ежегодно аккумулируют необходимую информацию (это требует финансирования статистических бюро и центров, достаточного уровня цифрови-

зации экономики, заинтересованности политических элит в исследованиях и др.), не все методики являются актуальными и работающими на национальном уровне и т. д. Пробелы данных в мировых рейтингах характерны в первую очередь для самых неразвитых в экономическом отношении стран и самых закрытых, недемократичных. Качество предоставляемых данных является отдельной проблемой, которую исследователи и политики ясно осознают.

В мире действуют множество международных организаций, имеющих глобальные цели и задачи. Без результатов их работы невозможно было бы такое быстрое развитие современной науки.

Показатели в экономике

Глобальные экономические показатели появились преимущественно в начале XX в. К ним относят такие понятия, как «валовый внутренний продукт» (1934 г., С. Кузнец), «экономический рост», «инновации» и др. Для оценки экономики в разных странах мира в 1968 г. была сформирована межгосударственная система национальных счетов ООН (СНС ООН), которая представляет собой статистическую базу, включающую в себя систематизированный комплекс макроэкономических счетов, используемый для разработки политики, анализа и научных исследований.

Многие страны мира выпускают ежегодники, статистические обзоры и др., где представляют данные по экономическим показателям. Например, в Российской Федерации Институт Гайдара с 1991 г. издает обзоры состояния национальной экономики, в 2019 г. был издан уже 40-й выпуск [2].

Экономические показатели просчитываются благодаря распространению системы национальных расчетов. Аккумулирование национальных экономических данных осуществляют такие международные экономические организации, как ООН, Международный валютный фонд (МВФ), Международный банк реконструкции и развития (МБРР), Всемирный Банк.

Глобальная экономика оценивается целым рядом показателей, среди которых основными выступают следующие:

1. *Валовый внутренний продукт (ВВП)*. В настоящее время все официально признанные государства делятся на три ка-

тегории: 1) страны с развитой экономической системой («страны с открытой рыночной экономикой», «экономически развитые страны»); 2) страны с переходной экономикой (бывшие социалистические страны); 3) развивающиеся страны («страны третьего мира», «страны с закрытой нерыночной экономикой», «страны с плановой экономикой»).

Это деление производится в первую очередь по важнейшему экономическому показателю – по ВВП страны, т. е. по сумме всех товаров и услуг, которые производятся на территории государства за один год. ВВП страны позволяет выстроить рейтинг стран в зависимости от их вклада в мировую экономику. Показатель рассчитывается ежегодно по методике Всемирного банка и указывает, что в XXI в. стабильно самый значительный экономический успех демонстрируют США, Германия, Япония. В список ведущих экономик мира сейчас входит также Китай, который опередил и Германию, и Японию, уступая в 2018 г. по уровню ВВП лишь США. При этом экономика США составляет около 16 % мирового ВВП, а России – около 2 %. Республика Беларусь в 2018 г. находилась на 79-м месте, а Россия на 11 месте среди 207 стран мира, участвующих в исследовании [3].

2. *Валовый национальный доход на душу населения (ВНД на душу населения)*. Этот показатель представляет собой совокупность стоимости всех товаров и услуг, произведенных в течение года на территории государства (ВВП) и всех доходов, полученных гражданами и организациями страны из-за рубежа. От этой суммы вычитаются доходы, вывезенные из страны иностранными гражданами и организациями. ВНД на душу населения учитывает среднегодовую численность населения страны. Ежегодно Всемирный банк просчитывает этот показатель, и все государства в соответствии с этим делятся на три группы: 1) страны с высоким уровнем дохода на душу населения (от \$ 12 616 и выше); 2) страны со средним уровнем дохода на душу населения (от \$ 1 036 до \$ 12 615); 3) страны с низким уровнем дохода на душу населения (от \$ 1 035 и ниже) [4].

3. *Инфляция* – процесс обесценивания денег, измеряется в процентах за один год. Инфляция сопровождается даже такие стабиль-

ные валюты, как американский доллар и евро. Низкие темпы инфляции (до 5 % в год) свидетельствуют об устойчивости национальной валюты, об успешности экономического развития. Высокие темпы инфляции указывают на неэффективные стратегии экономического развития.

4. *Безработица*. В национальном масштабе высчитывается «Общий уровень безработицы» (используется методология Международной организации труда; количество в среднем за год; измеряется в процентах).

Помимо указанных выше основных экономических показателей, применяется множество других показателей, указывающих на тип экономики, способы экономического взаимодействия, качество жизни и др. (таблица 1).

Экономический понятийный аппарат, безусловно, напрямую связан с различными социальными процессами и изменяется вместе с ними. К таким изменяемым показателям относят «бюджет прожиточного минимума» («минимальный прожиточный бюджет»), «минимальная заработная плата», «медианная заработная плата», «децильный коэффициент», «базовая величина», «бедность», «нищета» и др. Так, понятие «бедность» на мировом уровне принято относить в настоящее время к тем людям и регионам, где человек живет менее чем на 1,9 американских доллара в день.

Конкретное экономическое исследование требует использования специфической совокупности показателей. Так, например, для выявления степени открытости экономики требуются такие показатели, как внешнеторговая квота в ВВП, доля экспорта в объеме производства, доля импорта в потреблении, доля иностранных инвестиций по отношению к внутренним инвестициям. Экономические показатели важны также для определения «среднего класса», который имеет серьезные отличия в разных странах мира. Миграционные процессы влияют на экономические показатели почти всех государств. Согласно американскому прогнозу на период до 2030 г. «сотни миллионов новых представителей среднего класса во всех регионах планеты станут гражданами мира», что положительно повлияет на глобальную экономику и мировую политику» [5, с. 29].

Таблица 1. – Экономические показатели

Виды экономических показателей, отражающих благосостояние и качество жизни населения
ВВП
ВВП на душу населения
ВНД на душу населения
Инфляция
Безработица
Индекс экономической свободы
Паритет покупательной способности
Внешний государственный долг
Платежный баланс
Сальдо торгового баланса
Индекс экономической свободы
Индекс восприятия коррупции
Глобальный индекс инноваций
Прямые иностранные инвестиции
Глобальный индекс потерь продовольствия
Индекс многомерной бедности
Индекс потребительских цен
Индекс конкурентоспособности
Счета и статьи платежного баланса
Производительность труда
Уровень конкурентоспособности
Удельный вес сферы услуг в экономике (в развитых странах – 80 % и более)
Удельный вес возобновляемых источников энергии в энергопотреблении (в развитых странах – 10 % и более)
Объем биржевого рынка фьючерсов
Доля товарных опционов (валютных опционов)
Личный располагаемый доход

Экономические показатели тесно связаны с процессами цифровизации всех сфер жизни, с архитектурой городов (концепции «умного города» и др.), с развитием коммуникаций и т. д. Очевидно, что все официальные данные не учитывают так называемую «теневую экономику», о размерах которой можно судить лишь приблизительно, основываясь на оценках экспертов.

Политические показатели

Политика есть выражение экономических интересов. Этот тезис марксистской философии применим и к социальной реальности нашего времени. В данном контексте

экономика выступает в качестве основания и значимого ресурса политики. Для политики государства характерна инклюзивность – прямое или косвенное регулирование процессов жизнедеятельности в рамках всех сфер жизни общества (экономическая политика, социальная политика, политика в области культуры и др.). Поэтому, исходя из специфики конкретной политической системы, можно говорить и о характере жизнедеятельности общества в целом. Основные политические показатели, которые просчитываются в настоящее время, представлены в таблице 2.

Таблица 2. – Политические показатели

Виды политических показателей
Качество государственного управления (Governance Matters), рассчитывается по методике Всемирного банка
Индекс демократии (полностью демократические, частично демократические, смешанный режим, авторитарный режим)
Индекс верховенства закона (The Rule of Law Index)
Уровень свободы (Freedom in the World)
Индекс свободы прессы (уровень свободы СМИ)

Окончание таблицы 2

Индекс восприятия коррупции
Уровень преступности (уровень безопасности)
Уровень экологической безопасности [6, с. 74–89]
Индекс человеческой свободы (ИЧС), рассчитываемый по 79 показателям рядом учреждений (Институт Катона (Вашингтон, США), Институт Фрезера (Ванкувер, Канада), Фонд Фридриха Науманна (Потсдам, Германия) совместно с Институтом экономического анализа (Москва, Россия) и Институтом Визио (Любляна, Словения)
Уровень убийств (рассчитывается на 100 тыс. населения)
Число жертв умышленных убийств (рассчитывается на 100 тыс. населения)
Глобальный индекс терроризма
Индекс социальной напряженности
Удельный вес среднего класса (методика International Futures: расход на душу населения на уровне 10–15 долларов в день)
Индексы равенства
Уровень доверия к полиции (милиции) и другим правоохранительным органам
Количество заключенных на 100 тыс. населения

Показатели в культуре

В широком смысле понятие «культура» означает все, что искусственно создано человеком (как духовное, так и материальное благо). Показатели культуры корректнее было бы назвать гуманитарным измерением жизни общества. Мы включили сюда огромный пласт гуманитарных показателей, отражающих понимание человека, его развития и благополучия как ценности с точки зрения государства. Глобализация приводит к формированию международных стандартов в понимании «качества жизни», «уровня потребления», «общечеловеческих ценностей», религии, искусства, науки, образования, этикета и т. д. Глобализация все больше нивелирует национальные отличия, формируя «общепланетный тип культуры», понятный и приемлемый на международном уровне трансляции. Так, например, благодаря Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) действует 10-я Международная классификация болезней (МКБ-10), которая позволяет оценивать различные физические и психические состояния одинаково во всех странах мира благодаря одной и той же понятийно-категориальной базе. Скоро начнет действовать 11-ая по счету классификация (МКБ-11). В период пандемии коронавируса стал актуален «Индекс самоизоляции», который измеряется по уровню шума в крупных городах, в Беларуси и Москве его рассчитывает «Яндекс». Мировую статистику по заболевшим и умершим от COVID-19 аккумулируют ВОЗ и Университет Джонса Хопкинса (США).

Показатели культуры – это не только количественное и качественное измерение материального и духовного благосостояния (таблица 3). Это также *показатели благополучности и цивилизованности* конкретных стран. Цивилизация – это не только определенный уровень развития технологий, но и определенный уровень развития мышления, что во многом сегодня отражается в принятии или непринятии норм международного права. Среди таких показателей *цивилизованности* очень важными данными является информация о туризме: самые безопасные страны с богатыми культурными и природными ресурсами выступают одновременно как самые посещаемые туристами и наоборот. Самой посещаемой страной чаще всего называют Францию. К показателям, отражающим *уровень цивилизованности*, можно также отнести следующие:

- 1) ратификация и исполнение норм международного права;
- 2) наличие смертной казни как уголовного наказания для реализации государством монополии на насилие (присутствует более чем в 50 странах);
- 3) наличие публичной смертной казни (Китай, Саудовская Аравия);
- 4) наличие альтернативного правосудия («убийства чести», самосуд, обращение к преступникам (мафии), а не к правоохранителям за справедливостью и др.);
- 5) дискриминация меньшинств (расовых, национальных, религиозных и др.);
- 6) доступ к высокоскоростному Интернету без ограничений для посещения любых сайтов (в ряде стран государство со-

здает свой «внутригосударственный Интернет» с существенными ограничениями для пользователей, что нарушает право на получение информации, например, в Иране) [5, с. 66];

7) уровень использования смартфонов (качество связи, скорость и качество получения информации посредством мессен-

джеров, которые различаются в разных странах);

8) удельный вес бюджетных расходов на развитие культуры (измеряется в процентах от ВВП; в Республике Беларусь эти расходы в 2015 г. составили 0,5 % ВВП, предполагается, что в 2020 г. они составят 1, в 2025 г. – 1,5 ВВП, в 2030 г. – 2 % ВВП [7].

Таблица 3. – Показатели в культуре

Виды культурных показателей, отражающих качество материальной и духовной жизни общества
Индекс человеческого развития (Индекс развития человеческого потенциала)
Международный индекс счастья (в т. ч. «Субъективная удовлетворенность жизнью»)
Средняя продолжительность жизни
Ожидаемая продолжительность жизни
Уровень рождаемости
Уровень рождаемости детей вне брака
Уровень разводов
Уровень повторных браков
Уровень смертности
Уровень смертности среди конкретной группы населения (новорожденные, женщины и др.)
Глобальный коэффициент материнской смертности
Уровень суицидов
Уровень умышленно убитых людей
Размер среднего класса
Уровень религиозности
Социальный капитал
Уровень больных психиатрическими заболеваниями
Количество потребляемого алкоголя на душу населения
Уровень больных алкоголизмом
Уровень лиц, имеющих наркотическую зависимость
Уровень лиц, имеющих табачную зависимость
Уровень бродяжничества
Уровень лиц, страдающих ожирением
Уровень лиц, занимающихся проституцией
Уровень изнасилований
Уровень преступлений, связанных с сексуальными перверсиями (МКБ-10)
Удельный вес лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией
Удельный вес женской преступности
Удельный вес преступности несовершеннолетних
Уровень свободы при вступлении в брак
Минимальный возраст вступления в брак
Количество образованных людей, умеющих читать и писать
Уровень инвестиций в науку и образование (измеряется в процентах в ВВП)
Уровень расходов на научные исследования (НИОКР)
Уровень доступности к высшему образованию
Уровень людей с высшим образованием
Уровень доступности девочек и женщин к получению образования
Доступность всей инфраструктуры для инвалидов (любых зданий и сооружений, средств транспорта, публичных мест)
Уровень доступности получения образования инвалидами
Количество музеев и библиотек
Количество детских домов (приютов)
Уровень социального сиротства (количество лиц, лишенных родительских прав)
Уровень лиц, страдающих СПИДом и заболеваниями, передающимися половым путем
Уровень посещаемости страны туристами

Окончание таблицы 3

Наличие/отсутствие смертной казни в качестве уголовного наказания
Публичная/непубличная смертная казнь в качестве уголовного наказания
Доступ к скоростному Интернету
Уровень использования смартфонов

На процесс аккультурации значительное влияние оказывают такие глобальные феномены, как транснациональные корпорации и культурные площадки (Google, Hollywood, YouTube, Facebook, Amazon и др.), которые осуществляют информационную деятельность, включая распространение продуктов культуры и культурных услуг во многих странах мира. Происходит унификация производства и потребления [8, с. 82–84].

Каждая область экономики, политики, культуры (управление, производство и трансляция общественных благ) сегодня должна быть связана с глобалистикой, чтобы мобильно реагировать на изменения. Тем более это касается науки и системы образования, которые имеют большие возможности для развития, если государство достаточно их финансирует и не создает искусственных барьеров. На основе роста цифровизации образования, науки и других сфер деятельности можно прогнозировать, что в течение ближайших нескольких десятилетий произойдут существенные изменения различных национальных культур, сформируются универсальные цивилизационные нормы и стандарты [9, с. 56].

Глобализация культуры порождает глобальное сознание. И те правительства и страны, которые считают правильным игнорировать этот факт, оставаясь на позициях изоляционизма, неизбежно проигрывают и в экономике, и в политике, и в культуре [10, с. 25]. Научные достижения позволяют избирать самые эффективные способы управления, развития, принятия решений и выработки стратегий. Почему же не все страны их используют? У этого есть две причины: во-первых, отсутствие на это политической воли (из нежелания утрачивать политическую власть, из желания получить краткосрочный экономический эффект и др.) и, во-вторых, отсутствие доступа к ценной информации (политика изоляционизма и милитаризма неразвитых стран ведет к повторению ошибок, не позволяет обмениваться технологиями с развитыми государствами,

тем более внедрять их в управление и демократизировать общество).

Верификация показателей

Глобализация – это процесс и результат унификации всего мира, осуществляющийся на экономическом, политическом и культурном уровнях. На глобальном уровне идут процессы выработки новых международных принципов, стандартов и сертификатов. Это происходит во всех областях жизни. К ним относят, например, экологические требования стандартов ISO 14 000. Существуют показатели для межстранового сравнения состояния экологии и уровня экологической безопасности [6, с. 79, 82–83]. Стандартизация проявляется и в реформировании системы образования (Болонский процесс, рейтинги университетов, стандарты компетенций и др.), здравоохранения (МКБ-10, стандарт GMP, методики диагностики заболеваний и др.). Таких примеров стандартизации можно привести множество. Как правило, многие показатели являются интегрированными, т. е. методика их подсчета предполагает объединение различных показателей в один.

Существенной проблемой в настоящее время выступает качество предоставляемых данных. Оно может оцениваться так: «доверительно», «хорошо», «вероятностно», «данные отсутствуют» и др.

Верификация показателей основана на:

1) *использовании различных методов и методик для оценки одного и того же явления.* Например, Всемирный банк, МВФ и Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) используют свои методики для различных экономических исследований. Их данные (даже прогнозы) обычно незначительно отличаются друг от друга, что является нормальным, исходя из различной методологии, но в целом они всегда указывают на один и тот же тренд, делают приблизительно одинаковые выводы.

2) *проведении исследования разными субъектами* (коллективами ученых, представителями государственных органов, между-

народными организациями и др.). Это позволяет оценить явление с разных позиций, с точки зрения разных наук и снизить политическое давление.

3) *проведении независимых исследований международными организациями* (в первую очередь правозащитными и финансируемыми гражданским обществом). Такие исследования позволяют получить данные или перепроверить информацию, предоставленную правительствами.

4) *сравнении истинных коррелянтов* (взаимосвязанных показателей) в области экономики, политики, культуры. Исследование коррелянтов позволяет выявить скрытые (латентные) процессы, которые по различным причинам не являются открытой информацией.

5) *придании гласности и публичности полученных данных*. Рассекречивание и оглашение данных предупреждает возможные манипуляции с данными статистики. Так, например, информация об экономических показателях помогает рационально распоряжаться временем и ресурсами, грамотно делать инвестиции, помогает сократить убытки и увеличить прибыль. А данные о различного рода опасностях и рисках (экологических, военных, криминальных и др.) позволяет населению вовремя их учесть и принять меры по обеспечению собственной безопасности.

При верификации показателей всегда нужно делать поправки на некоторую латентность (естественную, искусственную и пограничную) различных социальных явлений. Приведем несколько примеров относительности статистических данных из различных сфер. Например, по оценкам ВОЗ реальный уровень суицидов всегда более высокий, нежели это отражается в статистических данных различных стран. Это происходит по целому ряду причин:

1) не всегда есть предсмертное сообщение суицидента, и смерть может быть зарегистрирована как смерть от болезни или несчастный случай;

2) государство не заинтересовано в том, чтобы показывать, как «невыносимо жить в этой стране».

Также общеизвестным является и существование латентной преступности, и теневой экономики, и современного рабства. Данные о них не попадают в официальную

статистику, чаще всего информация об этих явлениях является приблизительными оценками и выявлением общих трендов. Кроме того, по-прежнему существует феномен «государства лжи», где из идеологических соображений существенно «улучшают» статистику.

Однако постоянно искажать данные в глобальном мире невозможно, и именно коррелянты как взаимосвязанные показатели помогают выявить настоящее положение дел в любой стране мира. Рост самосознания, наличие гражданского общества, неограниченный доступ к Интернету способствуют самоорганизации граждан для получения объективной информации и реальной картины мира.

В настоящее время чаще всего различными исследованиями охватывается не менее 190 стран – участниц ООН, но некоторые страны не желают (например, Ватикан, Монако и др.) или не могут (например, Венесуэла, Сирия, Северная Корея и др.) предоставлять ежегодную статистику по конкретным показателям [4]. Поэтому о состоянии различных сфер жизни в таких странах можно судить, основываясь на оценках экспертов. Кроме того, далеко не все аспекты социальной реальности можно корректно измерить. Например, до настоящего времени нельзя адекватно измерить *уровень личной свободы личности*. Общеизвестно, что в Западной Европе, России и Беларуси в целом молодые люди самостоятельно решают, с кем им вступить в брак, в то время как во многих странах (Туркменистан, Турция, Саудовская Аравия и др.) о таком уровне личной свободы молодые люди могут только мечтать – вопрос о кандидатуре для брака решается родителями. На наш взгляд, также нельзя корректно измерить уровень гендерного неравенства. Так, в Швеции отказ мужа есть приготовленный женой ужин считается формой психологического насилия, во Франции нормальным основанием для развода является основание, что муж не уделяет жене внимания, тогда как в мусульманских странах вина за изнасилование нередко лежит на самой потерпевшей и т. д. Нельзя измерить и отношение к рабству или канибализму. Нельзя также измерить и *уровень социального пессимизма, уровень возможности сделать карьеру* и др.

Исходя из данных глобальных показателей социальной реальности, необходимо констатировать, что их невозможно не учитывать для выработки эффективных стратегий устойчивого развития. Разногласия и конфликты на международном уровне нередко решаются с позиции силы. Международные рейтинги становятся фактором косвенного воздействия – «мягкой силой». Стратегия «мягкой силы» может стать более эффективной в долгосрочной перспективе, чем прямое насильственное давление.

Заключение

Современная социальная философия описывает глобальную реальность при помощи категориального аппарата различных областей знания (и не только социогуманитарных наук). Описание является первым шагом к более глубокому исследованию – анализу, типологизации, систематизации. Создание глобальных показателей стало важнейшим способом *отражения* социальной реальности на глобальном уровне, позволило достаточно корректно сравнивать социально-политические и экономические системы, выявлять тренды в их развитии.

Основные показатели глобальной социальной реальности *выполняют ряд важнейших функций*:

- 1) описание и характеристика мира в глобальном масштабе;
- 2) сравнение государств по различным параметрам (составление рейтингов стран);
- 3) анализ ситуации в глобальном масштабе (оценка рисков различных видов);
- 4) выработка стратегий будущего развития на основе полученных данных.

Просчитать глобальные данные можно *несколькими способами*.

- 1) государство предоставляет собственные статистические данные;
- 2) данные предоставляют международные неправительственные организации.
- 3) данные просчитывают эксперты (ученые, научно-исследовательские институты, журналисты).

Открытое предоставление государствами данных указывает на то, что:

- 1) государство стремится к осуществлению международного сотрудничества;
- 2) государство предпринимает реальные меры для решения проблем.

Оценка достоверности данных, предоставляемых государством, должна учитывать следующие условия:

- 1) присутствие (отсутствие) цензуры;
- 2) уровень свободы доступа к информации;
- 3) уровень обеспечения прав человека;
- 4) возможность проведения независимых социологических (и иных) исследований.

Нелинейность развития общества предполагает, что глобальные показатели могут очень быстро изменяться как угодно, так как взаимодействия и взаимовлияния различных социальных явлений могут носить не прямой, опосредованный характер.

Таким образом, без глобальных показателей в настоящее время невозможно проводить исследования в различных областях социогуманитарного знания, определять верные направления развития, улучшать качество государственной политики и управления. Знание глобальной реальности помогает повысить уровень демократизации общества посредством обозначения проблем, выработки оптимальных решений и их реализации.

Безусловно, в рамках одной статьи невозможно описать все глобальные показатели, выявить все проблемы их верификации, проанализировать все мировые рейтинги, представить неизменную универсальную классификацию показателей. Однако можно предложить некую системную базу для дальнейшего исследования глобальных показателей, основываясь на методологических принципах социальной философии и междисциплинарном подходе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дорожная карта Национального статистического комитета Республики Беларусь по разработке статистики по Целям устойчивого развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/SDG/-Road_map_ru.pdf. – Дата доступа: 07.04.2020.

2. Российская экономика в 2018 году. Тенденции и перспективы / Ин-т экон. политики им. Е. Т. Гайдара. – М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2019. – Вып. 40. – 656 с.
3. Рейтинг стран и территорий по размеру валового внутреннего продукта [Электронный ресурс] // Гуманитар. портал. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/ratings/rating-countriesgdp/rating-countries-gdp-info>. – Дата доступа: 07.04.2020.
4. Рейтинг стран мира по уровню валового национального дохода на душу населения [Электронный ресурс] // Гуманитар. портал. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/ratings/rating-countries-gni/rating-countries-gni-info>. – Дата доступа: 07.04.2020.
5. Глобальные тенденции 2030: Альтернативные миры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nkibrics.ru/system/asset_publications/data/53c7/b3a1/676c/-7631/400a/0000/-original/Global-Trends-2030-RUS.pdf?1408971903. – Дата доступа: 07.04.2020.
6. Серга, Л. К. Проблемы оценки уровня экологической безопасности в международной статистике / Л. К. Серга, М. С. Хван, К. А. Зайков // Вестн. НГУЭУ. – 2017. – № 3. – С. 74–89.
7. Какой будет Беларусь в 2030 году? [Электронный ресурс] // Белорус. телеграф. агентство. – 25 нояб. 2014 г. – Режим доступа: https://www.belta.by/economics/view/kakoj-budet-belarus-v-2030-godu-59755-2014#_Точ402435634. – Дата доступа: 07.04.2020.
8. Ильин, А. Н. Глобализация консюмеризма и связанные с ней социокультурные проблемы / А. Н. Ильин // Век глобализации. – 2018. – Вып. 3 (27). – С. 81–94.
9. Ракитов, А. И. Культура, цивилизация и современные технологии в перспективе глобальных трансформаций / А. И. Ракитов // Век глобализации. – 2018. – Вып. 3 (27). – С. 47–57.
10. Гишинский, Я. И. Девиантность, преступность, социальный контроль в обществе пост-модерна : сб. ст. / Я. И. Гишинский ; РГПУ им. А. Герцена, Санкт-Петерб. центр девиантологии. – СПб. : Алетей, 2017. – 282 с.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 15.04.2020

УДК 101,9; 113/119

Петр Семенович Карак*д-р филос. наук, проф., проф. каф. философии и методологии науки
Белорусского государственного университета***Piotr Karako***Doctor of Philosophy, Professor**Professor of the Department of Philosophy and Methodology of Science
of Belarusian State University
e-mail: kafedra628@gmail.com***АНТРОПОКОСМИЧЕСКАЯ ИДЕЯ Н. Г. ХОЛОДНОГО:
СУЩНОСТЬ И ФОРМЫ ВЫРАЖЕННОСТИ**

Раскрываются предпосылки и содержание антропокосмической идеи академика Академии наук УССР Н. Г. Холодного, которые были связаны с направлениями его научных исследований и освоением космических воззрений В. И. Вернадского. Антропокосмизм предстает как определенная линия развития человечества, ориентированная на его всестороннее развитие и утверждение разумных форм отношения к природе. Подчеркиваются связи и отношения Холодного с другими представителями русского космизма.

Anthropocosmic Idea of N. G. Kholodny: Essence and Forms of Expression

The article reveals the prerequisites and content of the anthropocosmic idea of Academician of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR N. G. Kholodny. The first were related to the directions of his scientific research and the development of cosmic views of V. I. Vernadsky. Anthropocosmism appears as a definite line of human development, focused on its comprehensive development and the establishment of reasonable forms of attitude towards nature. Moreover the connections and relations of Kholodny with other representatives of Russian cosmism are emphasized.

Введение

В системе русского космизма особое место занимают воззрения видного украинского биолога, академика Академии наук УССР Н. Г. Холодного (1882–1953). Он является автором антропокосмической идеи в русском космизме. Но особенности этой идеи пока не получают объективного освещения в специальной литературе. С. И. Шлёкин утверждает, что «широкая и многогранная проблематика антропокосмизма сводится им (Холодным. – П. К.)... к этической концепции, в сущности определяющей жизненный смысл человека» [1, с. 244]. С таким выводом нельзя согласиться. В нем выражается весьма узкая трактовка сущности антропокосмической идеи Н. Г. Холодного.

Эта идея была изложена им в труде «Мысли натуралиста о природе и человеке» (1947), но впервые полностью была опубликована только в 1982 г. Причем она сформировалась под благотворным влиянием космических идей В. И. Вернадского (1863–1945). Данный факт фиксируют и некоторые современные исследователи идей русского космизма. Так, в труде «Русский

космизм: Антология философской мысли» (1993) отмечается, что «Вернадский довольно сильно повлиял на своего младшего коллегу» [2, с. 330], т. е. Н. Г. Холодного. Но в чем конкретно выразилось это «влияние»? Ответа на поставленный вопрос в указанном труде мы не находим. С. И. Шлёкин также пишет, что мысли труда Н. Г. Холодного «во многом перекликаются с мыслями В. Вернадского, хотя и выражают более конкретизированную систему взглядов на антропокосмизм» [1, с. 242]. Подтверждения сказанному автор не дает.

В ряде других специальных исследованиях сущности русского космизма имя Н. Г. Холодного вообще «выпадает» из числа представителей этого течения русской мысли. Этот факт имеет место в работах Б. М. Владимирского, В. Н. Демина и т. д. Такое отношение к одному из ярких представителей естественнонаучной ветви русского космизма существенно обедняет число ее представителей и сущности их космических воззрений. Реализация данной тенденции не позволит раскрыть и роли В. И. Вер-

надского на утверждение этих воззрений в русской мысли.

Все сказанное и определило наше внимание к творчеству Н. Г. Холодного. При этом первостепенное значение будет иметь выявление связей и отношений этого ученого с В. И. Вернадским, его влияния на становление и выражения космических воззрений своего младшего друга и единомышленника Н. Г. Холодного.

Предпосылки становления антропо-космической идеи

Для осуществления заявленного исследования принципиальное значение будет иметь раскрытие основ духовного мира Н. Г. Холодного, который определялся его происхождением, местом пребывания и трудовой деятельностью. Родился Николай Григорьевич в 1882 г. в г. Тамбове в семье учителя гимназии. Учился в гимназиях Воронежа и Новочеркасска. Новочеркасскую гимназию он закончил в 1900 г. с золотой медалью. В том же году поступил в Киевский университет. Последующие 40 лет его жизни были связаны с этим университетом. В 1918–1919 гг. вместе с В. И. Вернадским участвовал в создании АН Украины, в 1920 г. он становится ее сотрудником, а с 1929 г. – действительным членом академии.

Полвека жизни на Украине оказало большое влияние на восприятие этой части сначала великой России, а затем – СССР. В своем труде «Воспоминания и мысли натуралиста» (1944–1950) В. И. Вернадский писал: «Долгая жизнь на Украине научила меня любить и украинский народ, его певучую речь, и чудесную украинскую природу. Наука, философия, путешествия сделали меня интернационалистом по убеждениям. Но ничто не могло вытравить во мне чувство живой связи с родным русским народом» [3, с. 78].

Особенно прочными были его «связи» с представителями научного знания России. Среди них первостепенное место занимал выдающийся ученый и мыслитель В. И. Вернадский. Для него, как и для Н. Г. Холодного, предметом внимания были наука, культура, природа и жизнь украинского народа. Этих ученых роднила и общность научных интересов – постижение бытия природы и ее эволюции. Их взаимоотношения, по свидетельству В. И. Вернадского, начались с

совместной работы в Киеве по выявлению воздействия микроорганизмов на каолиновые глины в 1918 г. [4, с. 285]. Хотя эта работа по причине военных событий того времени не была завершена, но она стала основой их дальнейших совместных исследований. На этом пути значительную роль имело пребывание В. И. Вернадского летом 1919 г. на Днепровской биологической станции под Киевом. Здесь в это время вел свои исследования и Холодный. Он ощутил влияние личности Вернадского на все свое последующее творчество, особенно на становление интереса к космизму (в дальнейшем его включили в число представителей русского космизма).

В уже упоминавшейся работе «Воспоминания и мысли натуралиста» Холодный писал, что он «был очень рад возможности больше познакомиться с этим выдающимся, разносторонне образованным ученым и замечательным человеком» [3, с. 91]. Его поражала «исключительная простота, нетребовательность в отношении бытовых условий и огромная работоспособность» этого русского ученого.

Особенно импонировали Холодному совместные с Вернадским прогулки по «лесистым окрестностям» биологической станции. Их беседы «на самые разнообразные темы» оставляли глубокий след в душе молодого украинского исследователя. В статье «Из воспоминаний о В. И. Вернадском» (1945) Холодный более подробно раскрывает содержание бесед с Вернадским, рассказывает о его духовном мире. Для Холодного он представал «подлинным натуралистом-мыслителем, неуклонно стремившимся создать из бесчисленных, но фрагментарных сведений, которыми располагает современная наука, стройную и, по возможности, полную картину величественной и многогранной жизни всего космоса» [5, с. 325].

В те годы самого Вернадского занимали вопросы места и роли живого вещества (совокупность всех форм живого биосферы Земли) в «жизни всего Космоса». Во время пребывания на биостанции он написал труд «Живое вещество», который полностью был опубликован только в 1978 г. В нем выдвигалось положение о космической выраженности жизни и важности такого исследования: «Необходимость признания космичности жизни вытекает из того

положения, что живое является необходимым звеном в цепи минеральных процессов в земной коре и, в частности, в истории всех химических элементов... их перемещениях в земной коре» [4, с. 37].

Прочитанное положение подтверждается им конкретными данными о влиянии живого вещества на другие оболочки Земли (литосферу, гидросферу и нижние слои атмосферы), установленным научным знанием фактом о материальном единстве субстрата Земли и других объектов Вселенной, зависимости бытия живого нашей планеты от энергии Солнца. Эти данные Вернадский считал достаточными основаниями для «научной постановки вопроса» о правомерности суждения о том, что живое вещество Земли «не может быть только земным явлением» [4, с. 37]. Да и биосфера «не есть принадлежность только одной нашей планете» [4, с. 39]. По его убеждению, она имеет и космическую выраженность. На последующих страницах прочитанного труда положение о космичности жизни получает свое дальнейшее обоснование.

Со своими идеями космизма Вернадский знакомил и Холодного во время их тесного общения. Он привлек молодого ученого-биолога к выявлению роли микроорганизмов в структуре и функциях живого в биосфере Земли. По признанию Холодного, именно Вернадский обратил его внимание к исследованию железобактерий в водной среде. Владимир Иванович «с неослабевающим интересом следил в течение многих лет» [5, с. 326] за этими исследованиями. Однако он не только «следил» за ними, но и использовал их результаты в своих трудах. Так, выполненные исследования по выявлению особенностей размножения «железных бактерий» Н. Г. Холодным на Днепровской биостанции, были использованы Вернадским в его труде «Биосфера» (1926) при характеристике автотрофных организмов и их роли в структуре живого вещества биосферы [4, с. 369].

Высоко ценил Вернадский и исследование Холодным роли микроорганизмов почв в обогащении нижних слоев атмосферы (тропосферы) фитогенными веществами. В статье «О значении почвенной атмосферы и ее биогенной структуры» (1944) давалась оценка выполненным Холодным работ за 1942–1944 гг. Им отмечалась не только

их научная значимость, но и практическая ценность этих работ: «Такое исследование должно иметь большое значение для медицины, для метеорологии и особенно для биохимии, ибо разнообразие газовых минералов в тропосфере должно исчисляться тысячами видов» [6, с. 143], которые выделяются живым веществом, в т. ч. и микроорганизмами.

Более обстоятельно научная ценность работ Холодного по исследованию почвенных микроорганизмов отмечена в его «Книге жизни» под названием «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения» (1965). В данном труде отмечается вклад его украинского друга в исследование «почвенной тропосферы», формируемой «почвенными микроорганизмами». «Мне кажется, – писал Вернадский, – что последние работы академика Н. Г. Холодного выдвигают новую огромную область относящихся сюда явлений, до сих пор наукой совсем не затронутых. Новой методикой исследования почвенных организмов Н. Г. Холодный констатировал в них нахождение новых, необычных, неизученных, чрезвычайно примитивных форм микроорганизмов» [7, с. 263]. Далее В. И. Вернадский отмечает научную значимость работы Холодного по выявлению роли почвенных микроорганизмов в формировании в почвах «биогенных газов». Эта работа, по заключению Вернадского, «требует чрезвычайного внимания» [7, с. 255].

Такое внимание было проявлено самим Н. Г. Холодным. Именно им была вскрыта роль космических факторов в появлении и эволюции микроорганизмов. Его статья «К проблеме возникновения и развития жизни на Земле» (1945) начинается с признания положения В. И. Вернадского, что планета Земля является «космическим телом», а зарождение и эволюция биосферы имеет космоземную обусловленность. Далее в статье раскрываются механизмы становления из косной материи поверхности Земли первичных высокоорганизованных химических систем – *пробионтов*, которые стали предшественниками простейших первичных живых существ – *архебионтов*. С их появлением начинается и история биосферы. Источником питания этих существ была атмосфера, содержащая разного рода углеводороды и аммиак. Их жизнедеятельность способствовала накоплению в почвах,

водах и тропосфере кислорода, а сами они затем уступали место качественно иным формам живого – *фотобионтам*. С этого времени начинается и новая эра в истории биосферы.

Характерной особенностью данного этапа ее эволюции является изменение протекающих в ней процессов. Холодный писал, что в этот период на первое место стали «выступают процессы, связанные с поглощением энергии из... мирового пространства – главным образом в виде солнечного излучения» [3, с. 315]. Именно оно стало значимым источником бытия всего живого и биосферы в целом. Появление биосферы существенно повлияло и на всю нашу планету. «В истории Земли, – писал Холодный, – наступила эпоха, когда именно биосфера начала играть решающую роль в процессах, связанных с изменением не только химического состава, но отчасти и физического состояния земной поверхности» [3, с. 315]. Данное заключение, считал он, подтверждает положение Вернадского о биосфере как о «новом геохимическом факторе истории Земли» и о ней самой как о «космическом теле».

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что исследование Н. Г. Холодным истории появления мира микроорганизмов и их места в биосфере Земли, восприятие идей космизма В. И. Вернадского о космической выраженности жизни позволило ему стать приверженцем того течения русской мысли, которое развивал его старший друг и мыслитель. При этом нужно учитывать и следующие суждения Холодного. В 1944 г. в своих «Воспоминаниях...» он писал, что предпосылками его космизма было и увлечение космологическими трудами Платона, которые он постигал еще в гимназические годы, интерес к живой природе, ее разнообразию и красоте. Все это и приводило к тому, что в его «сознании постепенно вырисовывалась все более отчетливо картина мира, космоса, во всем красочном многообразии и во всей его загадочности. В то же время росла вера в силу человеческого разума, в его способность разгадать все тайны природы, осветить все, что пока еще кроется во мраке» [3, с. 45]. Этот мрак рассеивался при постижении трудов Ч. Дарвина в студенческие и последующие годы его научной деятельности.

В период своего пребывания в 1944 г. в Армении он отмечал, что сидит дома, «перечитывает Дарвина и пишет “Мысли дарвиниста о природе и человеке”, в которых ему хочется изложить в сжатом виде мировоззрение современного натуралиста-биолога, основанное на дарвинизме и диалектическом материализме» [3, с. 118]. «Мысли...» в количестве 50 экземпляров были изданы в том же году. По свидетельству автора «Мыслей...», их содержание было положительно оценено рядом естествоиспытателей и философов. «Сочувственно» отнеслись к ним и именитые академики А. Е. Ферсман и А. А. Богомолец [3, с. 124]. Один экземпляр труда автор переслал в Москву Вернадскому, который быстро откликнулся на содержание данного труда. Его автору он писал: «Считаю, что обсуждение этих основных вопросов в науке является чрезвычайно важным для нас сейчас, в данный исторический момент» [Цит. по: 8, с. 129]. Не со всеми выводами Н. Г. Холодного В. И. Вернадский был согласен, и в том же году в журнале «Успехи современной биологии» (1944, т. 18) он опубликовал статью «Несколько слов о ноосфере». Статья, представленная в качестве заключительной 21-й главы, стала последней прижизненной публикацией Вернадского в «Книге жизни».

Н. Г. Холодный, видимо, был одним из первых исследователей, высоко оценивших статью Вернадского и воспринявшего ее положения. Все это было осуществлено в его труде «Мысли натуралиста о природе и человеке» (1947). Что же конкретно воспринял Холодный из данной статьи?

Для Холодного принципиальное значение имела трактовка его старшим другом биосферы как космического тела. «В нашем столетии биосфера, – писал Вернадский, – получает совершенно новое понимание. Она выявляется как *планетное явление космического характера*» [7, с. 339]. У него биосфера – это космоземная оболочка нашей планеты, а потому и все ее компоненты, в т. ч. живое вещество и человек, имеют не только земную, но и космическую выраженность. Но он отмечает и то, что человек и человечество, будучи частью биосферы, существенно отличаются от других ее компонентов. Они занимают особое место в системе биосферы, т. к. являются ведущим

фактором ее эволюции и перехода в качественно новое состояние: «Человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой. И перед ним, перед его мыслью и трудом становится вопрос о *перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого*. Это новое состояние биосферы, к которому мы, не замечая это, приближаемся, и есть “ноосфера”» [7, с. 343].

Эти и другие положения статьи Вернадского разделялись и Холодным. Подтверждением сказанному может быть его пересказ вышепротитированных суждений русского космиста [3, с. 201]. Они стали и методологической основой его антропокосмической идеи. В чем состоят ее существенные особенности?

Необходимость утверждения антропокосмической идеи в сознании людей

Следует подчеркнуть, что данная идея явилась результатом осмысления Холодным развития научного знания и оценки сложившейся практики отношения человека к природе, его места в ней. Итогом его размышлений по этим проблемам стал вывод, что сформировавшийся с периода Нового времени в философии и естествознании антропоцентризм изживает себя. К середине XX в. он, по убеждению Н. Г. Холодного, обнаруживает свою ограниченность и как методологическая установка отношений человека к природе. На смену ей должна придти новая идея – антропокосмизм. Они различны и несовместимы. «Разница между антропоцентризмом и антропокосмизмом выражается в том, – писал он, – что первый сосредоточивает главные усилия ума и концентрирует все внимание на человеке как центральной фигуре мироздания, оставляя в тени то, что его окружает, тогда как второй, наоборот, стремится более или менее равномерно осветить светом сознания весь Космос, и сам человек при этом освещается “отраженными лучами”, поскольку его природа и его судьбы находят себе правильное объяснение только в свете знаний о космосе в целом» [3, с. 182–183].

Антропоцентризм, по заключению Н. Г. Холодного, изолирует человека от его природного окружения. В силу этого человек теряет свое «ощущение органической связи с природой». Для него все более ха-

рактерным становится «безответственное» и «хищническое» отношение к природе и ее ресурсам. Примером последних он называет сложившийся характер потребления лесов в США. Здесь осуществлено «сплошное уничтожение лесов без заботы об их возобновлении» [3, с. 179]. Все это привело к колоссальному размаху явлений эрозии, пыльных бурей и т. д. В наши дни обезлесенные территории этой страны в значительной мере подвергаются разрушениям от дейвий цунами, торнадо и других природных явлений.

Справедливость оценок Холодным антропоцентризма стала очевидной к концу XX в. Многими исследователями этого времени делаются выводы о данной стратегии отношения человека к природе как основной причине современного экологического кризиса. Так, профессор философии университета Виктория (Канада) А. Р. Дренгсон пишет, что антропоцентризм определил технократическую ориентацию современной цивилизации, которая является «важнейшей причиной углубления кризиса в отношениях между обществом и средой его обитания» [9, с. 7].

Об опасных последствиях дальнейшего осуществления антропоцентристской ориентации отношения человека и общества с природой предупреждал и Холодный: человек отрывается от природы и эксплуатирует ее, поэтому принципиальное значение имеет, считал он, формирование у человека антропокосмического мировосприятия, в котором первостепенное место должно занять положение о важности «единения человека с природой», что «обогащает и расширяет его внутреннюю жизнь». Он делает вывод, что «дальнейшее усиление и совершенствование этой способности – прямой путь к развитию космического чувства» [3, с. 196]. Какие же компоненты данного чувства назывались автором антропокосмической идеи?

Антропокосмизм как «линия развития человечества»

Исходным элементом космического чувства им называлось формирование у человека любви к природе. Причем «полное развитие этого высокого чувства возможно только в рамках антропокосмического миропонимания. Бережное отношение ко всей окружающей нас природе – один из основ-

ных его заветов. Человек нового мира не должен забывать о необходимости следовать этому завету на каждом шагу своей повседневной деятельности» [3, с. 179]. На многих страницах рассматриваемого труда Н. Г. Холодного вопросы нравственного отношения человека к природе вновь и вновь поднимаются, обращается внимание и на необходимость формирования такого отношения у нынешних и будущих поколений людей.

Следует отметить, что вопросы нравственного отношения человека к природе были центральными в воззрениях Н. Ф. Федорова, В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева, В. И. Вернадского и других представителей русского космизма. Эта сторона их космизма была предметом освещения в книге автора настоящей статьи [10, с. 123–147] и последующих его работах. Отмеченной традиции русского космизма следовал и Холодный.

Следующим значимым элементом космического чувства Холодный считал эстетическое отношение человека к природе. «Природа во всем ее бесконечном разнообразии, – писал он, – всегда была и сейчас является главным источником, питающим чувство прекрасного в душе человека» [3, с. 153]. Вот почему он подчеркивал важность формирования такого чувства у человека. На эту цель должны ориентироваться не только все виды искусства, но и научное знание. При этом особая роль в постижении красоты природы Н. Г. Холодным отводилась представителям естествознания: «Любой натуралист, если он не лишен от природы эстетического чувства, может подтвердить, что чем глубже наши знания о природе, чем больше деталей открывает научный анализ в том или ином явлении природы, чем богаче и красочнее раскрывающаяся перед исследователем картина, тем сильнее становятся вызываемые ею эстетические переживания. Прекрасен зеленый лист растения, пронизанный лучами солнца, но еще более прекрасным представляется он нашему воображению, если мы знаем его микроскопическое строение и знакомы с чудесным механизмом химических и физиологических процессов, совершающихся в его клетках и тканях» [3, с. 153].

Пример эстетического переживания и описания красоты природы демонстрирует и сам космист в труде «Воспоминания...», в котором его восприятие природы Арме-

нии, особенно окрестностей города Кировокана, вызывают эстетические чувства и у читателей [3, с. 118–119]. Столь же красочной предстает для читателей и его описание природы заповедника АН УССР «Гористое» [11, с. 7]. В последнем труде Н. Г. Холодный обращает внимание на то, как должен натуралист читать великую книгу природы. Хотя эта книга открыта для всех, но, чтобы научиться правильно понимать написанное, необходимо быть прежде всего внимательным и вдумчивым наблюдателем. Не проходить мимо явлений природы, скользя по ним рассеянным взглядом, а останавливаться на каждом из них и на каждой их детали, какой бы несущественной она ни казалась нам вначале. Не быть пассивным созерцателем, а поддерживать в себе неугасимый огонь живой деятельной мысли, умело ставящей природе вопросы и настойчиво добывающей ясности и однозначного ответа на них» [11, с. 22]. Именно таким натуралистом и был сам автор процитированных строк.

Красота природы и эстетическое отношение к ней человека было предметом внимания В. С. Соловьева и других представителей русского космизма [12, с. 89–113]. Но наиболее ярко данные вопросы были освещены в научных и философских работах Вернадского. Их анализ осуществлялся в специальной статье автора [13, с. 18–28].

Н. Г. Холодный, как и В. И. Вернадский, считал, что уже в XX в. становится очевидным «охват» человеком всей биосферы. С ней взаимодействует не только отдельный человек, но и все человечество в целом. Оно становится и важнейшей геологической силой в биосфере, фактором ее перехода в ноосферное состояние. Понимание данного факта – несомненный компонент и космического чувства. «Космическое чувство, – писал Холодный, – должно включать в себя и чувство единения со всем человечеством как важнейшим носителем космической жизни на нашей планете» [3, с. 198]. Такому единению людей будет способствовать, по его убеждению, любовь человека к человеку и всему тому, что было создано им за длительную историю своей практической деятельности, его горячая вера в светлое будущее человечества, в его способности преодолевать все трудности на пути своего исторического развития. Все

это он считал неотъемлемыми сторонами космического чувства.

В системе этого чувства особое место Холодный отводил труду человека. По его заключению, труд является «основным фактором эволюционных изменений человеческой природы» [3, с. 204]. Данную особенность труда следует «учитывать прежде всего в воспитании и образовании подрастающего поколения» [3, с. 145]. Его нужно приучать с самого раннего периода жизни к физическому и умственному труду. Их сочетание в системе образования и воспитания будет «необходимым условием гармоничного и разностороннего развития интеллектуальных способностей человека» [3, с. 145]. Только всесторонне развитый человек, по заключению космиста, будет способен понимать и реализовывать антропокосмическую идею в своей практической деятельности. Именно разумная, созидательная деятельность человека уже в наше время «вскрывает мощь и значение человека как космического фактора, преобразующего природу в обитаемом участке Вселенной» [3, с. 182].

Принципиальной стороной антропокосмической идеи Н. Г. Холодного было и то, что она формулировалась на основе учета положений материалистической диалектики. Именно ее принципы всеобщей связи и развития явились философским основанием этой идеи. Со всей категоричностью он утверждал, что «антропокосмизм как миропонимание, опирающееся на новейшие достижения естествознания, не может быть отделен от диалектического материализма» [3, с. 195]. Им выражалась и уверенность в том, что эта философия в сочетании с антропокосмическими идеями станет программой и руководством к действию в борьбе за правильную линию развития человеческого общества. Осуществление такой линии развития будет способствовать единению человека с космосом, утверждению его космического чувства.

Размышления Холодного о сущности антропокосмической идеи завершаются выводом, что она есть «определенная линия развития человеческого интеллекта, воли и чувства, ведущая человека наиболее прямым, а стало быть, и кратчайшим путем к достижению высоких целей, которые поставлены на его пути всей предшествующей

историей человечества» [3, с. 195]. Осуществление данной линии связывалось им с познанием каждым человеком своей связи с природой, со всем мирозданием, с космосом, формированием и развитием любви к природе и бережном отношении к ней. Он стремился обосновать концепцию антропокосмизма в связи с диалектико-материалистической философией, естественно-научной, экономической, политической и психологической точек зрения. Такого подхода не хватает многим современным исследователям экологических проблем. В этом плане его концепция антропокосмизма может быть примером того, как следует постигать и решать такие проблемы, творчески развивать и обогащать идеи Вернадского. Данному процессу способствовало и восприятие им космических идей ученика и последователя В. И. Вернадского геохимика, академика АН СССР А. Е. Ферсмана (1883–1945), философа и геолога Б. Л. Личкова (1888–1966). Значительные периоды их жизни были связаны с Украиной. Ими был сделан вклад и в развитие научного знания в этой части СССР. Их космические воззрения разделял и Н. Г. Холодный. На всех этапах своей научной деятельности они оказывали ему поддержку, но ведущим лидером для этих космистов являлся Вернадский. Под его влиянием формировались и выражались их космические идеи.

Заключение

Через всю свою жизнь и научную деятельность Холодный пронес признательность и уважение к своему старшему другу. В разделе «Предисловие» к третьему изданию книги «Железобактерии», вышедшей в год смерти ее автора (1953), он вновь подчеркивает причастность Вернадского к определению его исследований железобактерий. Светлой памяти этого крупнейшего русского ученого и создателя многих направлений научного знания он и посвящает настоящий труд [14, с. 18]. Здесь следует добавить и то, что под влиянием космических идей В. И. Вернадского осуществлялось и обоснование идеи антропокосмизма Н. Г. Холодным. Эта идея занимает прочное место в системе русского космизма – его естественно-научной ветви.

Личная дружба и совместные усилия этих ученых по выявлению разумных форм

отношений человека с природой позволили получить результаты, которые и в наши дни не потеряли своей значимости. Они становятся теоретической основой новых разработок экологических проблем и практиче-

ских действий людей в сфере их отношений с природой. Все это следует доводить до сознания студентов, магистрантов и аспирантов в учебной работе с ними.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шлёкин, С. И. Русский космизм: Проблемы иррационального знания, художественного чувства и научно-технического творчества / С. И. Шлёкин. – М. : ЛЕНАНД, 2017. – 344 с.
2. Русский космизм. Антология философской мысли / предисл. С. Г. Семеновой, А. Г. Гачевой. – М. : Педагогика – Пресс, 1993. – С. 328–331.
3. Холодный, Н. Г. Избранные труды / Н. Г. Холодный. – Киев : Навук. думка, 1982. – 444 с.
4. Вернадский, В. И. Живое вещество и биосфера / В. И. Вернадский. – М. : Наука, 1994. – 672 с.
5. Холодный, Н. Г. Из воспоминаний о В. И. Вернадском / Н. Г. Холодный // Почвоведение. – 1945. – № 7. – С. 325–326.
6. Вернадский, В. И. О значении почвенной атмосферы и ее биогенной структуры / В. И. Вернадский // Почвоведение. – 1944. – С. 137–143.
7. Вернадский, В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения / В. И. Вернадский. – М. : Наука, 2001. – 376 с.
8. Сытник, К. М. В. И. Вернадский. Жизнь и деятельность на Украине / К. М. Сытник [и др.]. – Киев : Навук. думка, 1988. – 368 с.
9. Дренгсон, А. Р. Преодоление экологического кризиса. От технократа к планетарной личности / А. Р. Дренгсон. – М., 1991. – 14 с.
10. Карако, П. С. Природа и нравственность / П. С. Карако. – Минск : Экоперспектива, 2013. – 244 с.
11. Холодный, Н. Г. Среди природы и в лаборатории / Н. Г. Холодный. – М. : Изд-во Моск. о-ва испытателей природы, 1949. – 174 с.
12. Карако, П. С. Эстетика природы / П. С. Карако. – Минск : Экоперспектива, 2012 – 246 с.
13. Карако, П. С. Вопросы красоты природы в научном и философском наследии В. И. Вернадского / П. С. Карако // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. – 2017. – № 2. – С. 18–28.
14. Холодный, Н. Г. Железобактерии / Н. Г. Холодный. – М. : Изд-во АН СССР, 1953. – 224 с.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 17.04.2020

УДК 316.6 + 17.02

Александр Сергеевич Лапте́нок*д-р филос. наук, доц., проректор по учебной работе
Академии управления при Президенте Республики Беларусь***Alexandr Laptenok***Doctor of Philosophy, Associate Professor, Vice Rector for Academic Affairs
of Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus*e-mail: laptenok_as@pac.by**СОЦИУМ. МОРАЛЬ. ЛИЧНОСТЬ**

Поднимается вопрос о противоречивом влиянии социокультурных факторов на нравственное развитие личности, наделиши современным человеком некоторых феноменов культуры и морали иллюзорным содержанием, что превращает жизненную драму в игру.

Society. Moral. Personality

The article raises the question of the contradictory influence of sociocultural factors on the moral development of the individual, the giving of modern man some phenomena of culture and morality illusory content, which turns the life drama into a game.

Изменяющиеся социокультурные условия функционирования различных элементов социальной системы актуализируют внимание к их сущностным характеристикам. В духовной культуре, находящейся в постоянном развитии, в разное историческое время в своем функциональном назначении выделяются те или иные феномены, приоритетные для данной социальной ситуации и отражающие конкретные социальные потребности. Соответственно, меняются основания взаимодействия личности и общества, сочетания общественных и личных интересов. Это в полной степени относится и к функционированию морали. Существуют устоявшиеся представления о сущностном назначении морали. В течение длительного исторического времени приоритетной выступала регулятивная функция морали. Поэтому сущность морали сводилась к необходимости приведения поведения индивида в соответствие с существующей системой ценностей и норм, которая является изменчивой и конкретно-исторической и не всегда соответствует гуманистическим тенденциям развития общества.

Специфика современной социокультурной ситуации определяется ценностной неопределенностью. Многообразие «моральных миров» обуславливается особенностями культуры конкретных регионов и народов. Однако в них присутствует определенное инвариантное, универсальное содержание. Именно данная универсальность мо-

рали реформатирует представления о ее сущностном назначении. По нашему мнению, мораль представляет собой ценностную форму культуры, придающую самоценное значение каждой человеческой личности, особый способ духовно-практического освоения мира, в результате которого формируются универсальные требования [1, с. 715].

Устоявшиеся стереотипы, характеризующие сущность морали, уходящие своими корнями в традиционную культуру, не способствуют изменениям воспитательной практики. Консерватизм морального сознания не успевает за радикальными цивилизационными изменениями, суть которых состоит в переходе к диалоговой культуре. Условия социализации личности определяются прежде всего открытостью социокультурного пространства, что разрушает фундаментальные основы традиционной воспитательной практики. В традиционной культуре роль родителей, учителей, воспитателей в передаче социального и нравственного опыта была исключительно важной, т. к. ограниченная социальная мобильность, отсутствие альтернативных источников информации делали устойчивыми паттерны поведения, культивируемые всеми значимыми взрослыми. Снижение их роли и авторитетности в глазах воспитанников в современном социуме связано не только с изменениями содержания воспитательной деятельности, но, скорее всего, с появлением

возможности выбора множества самых разнообразных паттернов поведения. Другое дело, что многие воспитатели не осознают эти перемены. То, что было эффективным ранее, сегодня теряет свою силу. Тем не менее обозначенные стереотипы до нынешнего дня в значительной степени определяют воспитательную практику.

Еще одно положение в массовом сознании приобретает форму устойчивого стереотипа. Все чаще не только в СМИ, но и в научных публикациях можно встретить утверждения о решающей роли биологических, в особенности генетических, факторов в становлении и развитии личности. Более того, в рамках социобиологии утверждается, что мораль предстает таким же элементом эволюции, как все части биологического организма человека, например, рука или желчный пузырь. Характеризуя такое эволюционное происхождение моральных феноменов, подводится основание обоснования универсальности морали. Эта универсальность – в общей биологии человека. Один из основателей социобиологии, Ричард Докинз, в связи с этим утверждает: «Если, подобно сексуальному влечению, наше моральное чувство действительно зародилось в процессе эволюции еще до появления религии, следует ожидать, что в ходе изучения человеческого сознания обнаружатся определенные общечеловеческие нравственные ценности, преодолевающие географические, культурные и, что очень важно, религиозные барьеры» [2, с. 283].

Несомненно, нельзя отрицать значимую роль генетической предрасположенности деятельности индивида. Существуют устойчивые личностные образования, которые напрямую связаны со спецификой темперамента, генетической наследственности. Однако еще И. Кант писал о том, что, исходя из требований морали, индивид может изменить свою природу. Мораль, по мнению философа, не базируется на природной склонности человека, который реализует себя по законам свободы. Личность «есть нечто возвышенное, поскольку она устанавливает моральный закон и только поэтому ему подчиняется» [3, с. 218].

Если нет собственных усилий индивида по выстраиванию своего нравственного мира, мы выходим из логики морали. Если мораль «вырастает» из природы человека

или меняется под воздействием каких-либо препаратов (психотропных или медикаментозных), то в таком случае исчезает фундаментальная основа морали, заключающаяся в возможности совершения выбора. О возможности принудительной моральности писал Ф. М. Достоевский: «Предположится наукой найденный муравейник. Потребуется лишения, условия, ограничения личности. Для чего я стану ее ограничивать. Для хлеба. Не хочу хлеба, и взбунтуется. И еще долго пройдет, когда встанет человек... *Я хочу не такого общества научного... где бы я не мог делать зла, а такого именно, чтоб я мог делать всякое зло, но не хотел его делать сам*» [4, с. 162].

Кроме того, апелляция к природе человека не объясняет многообразия ценностных ориентаций. В этом же ряду популярные в СМИ и ссылки на астрологические прогнозы судьбы (и, соответственно, моральности) человека. Гороскопы – на мониторах в общественном транспорте, на популярных сайтах и т. п. По сути своей такие ссылки содержат явный моральный изъян: у индивида появляется возможность «снятия» части своей моральной ответственности, перекалывания ее на некие анонимные силы, складывающиеся под влиянием положения планет или каких-либо иных факторов. Если нечто дано изначально, то в какой степени индивид несет ответственности за это? Массовое сознание испытывает потребность в простых ответах на сложные вопросы. Чем проще схема, тем меньше рефлексии и необходимости совершения выбора, который иногда бывает мучительным.

Становление и развитие нравственного сознания – это бесконечный процесс задавания вопросов и поисков различных вариантов ответов на них. Отказ от них или констатация «нет ответа» или «все решено» означает отказ от собственно человеческого способа бытия. Человеческая жизнь – это один большой вопрос, как стекло, распадающееся на множество мелких осколков. И каждый миг бытия – это мозаика из этих осколков. Человек или выбирает, или его нет, писал Ж.-П. Сартр: «Выбирая себя, я создаю всеобщее» [5, 337].

Во многом от сущностного понимания морали зависит постановка целей и задач воспитательной практики. Если приоритетными выступают ценности социаль-

ной морали [6], то в значительной степени речь идет о приведении поведения индивида в соответствие с ее нормами. Как правило, их функционирование детерминруется интересами и приоритетами конкретных социальных групп, чаще всего занимающими господствующее положение в социуме на конкретном этапе его развития. Очевидно то, что паттерны одних групп могут вступать в противоречие с другими, что провоцирует возможность появления конфронтации или, по крайней мере, определенных противоречий как на межгрупповом, так и на межличностном уровне. Кроме того, социальная обусловленность содержания морали изначально предполагает ее редукцию к неморальным целям. Соответственно, моральным объявляется все то, что способствует реализации политических, религиозных, национальных и иных целей. Далеко не всегда эти цели соответствуют гуманистическим ценностям. В таком случае моральное вступает в противоречие с социальным. История человеческого общества полна примеров противостояния со стороны индивидуума существующим и всяческим образом пропагандируемым социальным нормам, имеющим антигуманный характер. Ранее [7] сущность морального раскрывалась путем анализа положения человека в экстремальной ситуации, когда в предельной форме выявляются сущностные характеристики морали. Такого рода ситуации четко показывают то, что система моральных норм социума не может выполнять своей регулирующей роли. Более того, в ряде случаев, чтобы остаться в поле моральных ценностей, индивид вынужден поступать вопреки культивируемым нормам. Широко известен пример из давнего исследования Л. Колберга [8], когда респонденту предлагается оценить жизненную ситуацию с кражей мужчиной с невысоким доходом из аптеки дорогостоящего лекарства для спасения больной жены. Большинство опрошенных оправдали данное деяние в силу абсолютной ценности человеческой жизни по сравнению с моральным (и уголовным) преступлением.

Таким образом, становление индивида как морального субъекта (моральная социализация) сопряжена с социальным, однако имеет свои особенности, далеко не всегда вписывающиеся в общую логику, и

не имеет универсальных закономерностей. Более того, вероятно, можно утверждать об индивидуальной траектории моральной социализации индивида. На индивидуализацию такого процесса влияют биопсихологические особенности индивида, специфика семейного воспитания, межличностного взаимодействия с ближайшим окружением, учреждений образования.

В условиях открытого информационного пространства возникают возможности для морально автономной личности выстраивания своей индивидуальной жизненной стратегии. При благоприятных факторах семейного воспитания, системы образования совершение личностных выборов идет в соответствии с собственным произволением. Это способствует, во-первых, нивелированию роли регулятивного воздействия норм традиционной морали. Многообразие выбора совершенно разных паттернов поведения создает предпосылки для понимания моральным субъектом их необязательности, либо признания их фактического отсутствия по причине их множественности обоснований в разных культурах их легитимности. Во-вторых, в условиях демократизации культурной и моральной сферы во многих странах осуществляется политика неприемлемости различных форм дискриминации и защиты прав тех социальных групп, чьи нормы взаимоотношений в традиционном обществе отвергались. Однако по причине обостренного внимания со стороны общественного мнения к процессам, трансформирующим или даже ломающим ценности традиционного уклада жизни, происходит некоторая гипертрофированная «защита» прав меньшинства такого рода. Соответственно, может сложиться впечатление о намеренном культивировании со стороны СМИ соответствующих ценностей.

В процессе личностного развития большое значение имеет обретение нравственной автономии, которая понимается нами как способность индивида к творению своей собственной жизни, заключающемуся в совершении свободного выбора и осознании личной ответственности за него.

Социокультурная динамика сегодня порождает принципиально иные, чем ранее, условия жизнедеятельности людей. С одной стороны, появляются новые возможности, связанные с современными технологиями,

которые в значительной степени облегчают жизнь человека, освобождают его от выполнения рутинных операций, обогащают большим количеством свободного времени, что может способствовать появлению новых возможностей для развития личности. С другой стороны, они же порождают и определенные противоречия, требующего своего разрешения. Прежде всего это связано с тем, каким образом молодой человек распорядится представившимися возможностями.

В современной культуре проявляется множество противоречивых тенденций, оказывающих неоднозначное влияние на формирующуюся личность. Во-первых, в ней представлены многообразные возможности для выбора самых разнообразных паттернов поведения, часть из которых может быть связана с ближайшим окружением, но в значительно большем количестве извлекается из медийного пространства, включающего СМИ, телевидение и, конечно же, Интернет. В условиях легкой доступности информации уже с самого раннего возраста ребенок имеет возможность наблюдать и слышать комментарии взрослых в отношении того, что они получают в виде продукта массовой культуры.

Во-вторых, в условиях развития различных коммуникационных средств чрезвычайно возрастают возможности манипуляции массовым сознанием. Собственно говоря, образцы манипуляторной деятельности присутствовали и ранее, но в современной культуре они приобретают тотальный характер. При этом используются самые современные технологии воздействия, во многом работающие на подсознательном уровне, например, НЛП и др. Это реклама, навязывание стереотипов моды, гламура, пропаганда вызывающей роскоши, образцов «красивой жизни» и т. п.

В результате вырабатываемые таким образом иллюзорные представления вступают в противоречие с реальной действительностью. В качестве альтернатив разрешения этого противоречия наблюдается, во-первых, примирение с действительностью, которое может принимать разные формы: от примитивного бездумного воспроизводства привычных действий, позволяющих «плыть по течению», до попыток выстроить свою жизненную стратегию в рамках предоставляемых возможностей в соответствии с соб-

ственными целями и приоритетами. Во-вторых, проявляются различные формы неприятия существующей действительности: алкоголь, наркотики, криминал, эмиграция, уход в оппозицию, либо, напротив, в частную жизнь, инфантилизм, эскапизм.

Культивирование глянцевыми журналами, телевидением гламурного образа жизни, постоянно публикуемые рейтинги состоятельных людей с описанием роскоши их дворцов и яхт, смакование скандальных эпизодов частной жизни представителей шоу-бизнеса, бесконечные ток-шоу, сопрягаясь с юношеским максимализмом, с его стремлением иметь все сразу и много, порождает серьезные противоречия в процессе самоидентификации, осознания своего назначения и места в этом мире. Одно из главных следствий такого широкомасштабного наполнения социокультурного пространства продуктами массовой культуры характеризуется столкновением, говоря словами Э. Фромма, модусов бытия и модусов обладания. С одной стороны, общество потребления стимулирует все новые и новые приобретения, формируя понимание конечности бытия вещей и необходимости постоянной их смены: все покупается на какое-то определенное время использования, потом продается или выбрасывается для покупки новой, более совершенной модели телефона, телевизора, автомобиля и т. д. С другой стороны, в индивидуальном сознании четко формируются представления о «временности», релятивности: «нет ничего вечного под луной». И если в характеристике вещного мира такие суждения вполне приемлемы (кто теперь хочет покупать что-то «на всю жизнь»?), то в случае распространения их на область человеческих отношений происходит релятивизация ценностей как таковых. В этом случае бытие человека приобретает составительный, фактически игровой характер: один может хвастаться новой моделью смартфона, второй – количеством побед на любовном фронте и т. п. Превалирование принципа обладания над принципом бытия формирует превращенные формы сознания, скрывая за иллюзией реальный смысл явлений и отношений. Поступать в вуз для получения диплома («корочек»), карьера ради того «кресла, которое красит» человека и может служить источником дополнительных благ и т. п. Модус

обладания может распространяться и на межличностные отношения, порождая «симулякры» дружбы, товарищества, любви.

С этим же связана идея «приобщения» к культуре, которая становится неадекватной регулятивной силой, вызывая у растущего индивида неприятие, а в ряде случаев и отвращение в результате коллективных культпоходов в театр, на балет, вместо того, чтобы возвращать начала культурных основ, формируя понимание искусства и потребность в нем. Если эта потребность будет сформирована, отпадет и необходимость в организации таких «мероприятий». Но зато это проявление еще одной иллюзии: в результате культпохода какое-то количество учащихся «приобщилось» к культуре. Соответственно, внешнее превалирует над внутренним, подрывая понимание сущности многих духовных ценностей. Если человек, называя себя верующим, основной смысл веры видит в посещении церкви и выполнении обрядов, но в повседневной действительности отнюдь не утруждает себя реализацией заповедей, то можно ли его считать действительно верующим? Если патриотизм некоторые люди видят в яркости лозунгов и громкости призывов, при этом отправляя своих детей учиться за границу, можно ли их назвать патриотами?

Даже такие ценности, которые по определению должны обладать статусом подлинности, в результате трансформации сознания, теряют свою безусловность. Здоровье – да, по всем опросам – ценность, но для многих получить удовольствие здесь и сейчас гораздо важнее, нежели думать о возможных последствиях употребления алкоголя, наркотиков. Работа – да, но только такая, которая сразу же ассоциируется с приличной должностью и высокой зарплатой. Семья – да, но только до появления первых трудностей, легче «разбежаться», нежели проявлять усилия по ее сохранению [9].

Конечно же, к разряду худших проявлений иллюзорного сознания предстает ложь самому себе, которая также может иметь разные свои формы: во-первых, включение механизмов рационализации в случае оправдания своих действий ссылкой на внешние обстоятельства, которые (они и только они) помешали реализации благих намерений. Во-вторых, проявления разной степени конформизма, худший из которых состоит

в полном понимании моральной ущербности определенных поступков, которые, несмотря на внутреннее несогласие, совершаются. Так и в молодежной среде игра принимается: мы будем давать социально ожидаемые ответы на ваши вопросы (см. выше о здоровье, работе, семье) и обеспечивать массовость в различного рода мероприятиях, но собственное понимание происходящего демонстрировать не стоит.

Релятивизация норм культуры и морали составляет еще один аспект «жизненной» игры, когда сама мораль признается вероятностной и по сути трансформируется только лишь в одно из средств либо самооправдания, либо социальной мимикрии. Если отрицание нормы становится нормой, то отпадает необходимость в самой морали. Толерантность оправданно рассматривается как краеугольный камень и одновременно как значимый показатель любой культуры. Но толерантность также имеет свои границы, преступление которых характеризует переход к противоречащим морали поступкам. Нельзя быть толерантным к преступнику, педофилу и другим подобным субъектам. Толерантность становится действующим принципом взаимодействия между людьми, если она основывается на взаимоуважении. Когда масса мигрантов, приезжая в Европу, не хочет принимать существующие устои социума и, напротив, под лозунгами мультикультурализма и толерантности предлагает альтернативы европейским ценностям, то этот процесс односторонний, не учитывающий интересы других. В противовес этому, толерантность включает в себя то, что можно назвать «презумпцией моральности»: вступая во взаимоотношения с другим человеком, я предполагаю, что он обладает таким же чувством собственного достоинства, как и я сам, является таким же моральным субъектом, как и я сам. Дальнейшая история взаимодействия может свидетельствовать о разочаровании и отсутствии подтверждений этой моральной установки, но тем не менее в ней заложен важный смысл: не чье-то превосходство, не навязывание позиции, а отношения взаимоуважения и признание значимости Другого.

Концептуально «мораль как игра» оформляется в рамках постмодернизма. Плюральность жизненного мира человека приводит к отказу от идеи его целостности,

когда происходит расщепление человеческого пространства. Индивид выступает как источник морали и как ее же мерило. Моральные нормативные системы, которые в классических представлениях интегрируют общество, перестают выполнять свою роль. Сами нравственные нормы приобретают вероятностный характер. Мораль уже не связывается с возможными социальными санкциями – вознаграждением или наказанием – и в рамках традиционной интерпретации теряет смысл своего существования, что позволяет некоторым объявить о смерти морали.

По сути «игры в мораль» приводят к личностной плюралистичности, когда личность теряется в самой себе, в многообразии своих проявлений или в многообразии тех ролей, которые она играет. И, на самом деле, такие игры не совсем небезопасны, как может показаться на первый взгляд именно в силу возможности потери всяческих моральных ориентиров. Одним из глав-

ных следствий моральной дезориентации видится возможность оправдания любых деяний человека. Пожалуй, в настоящее время наиболее изощренным предстает моральное оправдание терроризма, когда убийство ни в чем не повинных людей освящается какими-то более «высокими» целями.

Необходимость диалога культур в условиях современной глобализации предполагает ориентацию на общечеловеческие моральные ценности, благодаря которым отрицаются различного рода препятствия, мешающие взаимному диалогу людей, когда исчезают сословные, политические, этнические и т. п. ограничения. Универсальность морали заключается не в наличии неких неизменных сущностей, нравственных истин или застывших схем в виде той или иной нормативной системы, но прежде всего в необходимости человеку реализовать себя в качестве человека и нравственного субъекта.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лаптёнок, А. С. Мораль / А. С. Лаптёнок // Педагогическая энциклопедия : в 2 т. – Минск, 2016. – Т. 1. – С. 715.
2. Докинз, Р. Бог как иллюзия / Р. Докинз ; пер. с англ. Н. Смелковой. – СПб. : Азбука, 2019. – 512 с.
3. Кант, И. Основоположения метафизики нравов : пер. с нем. / И. Кант // Собр. соч. : в 8 т. – М. : Чоро, 1994. – Т. 4 : Пролегомены. Основоположения метафизики нравов. Метафизические начала естествознания. Критика практического разума. – С. 153–247.
4. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30-х т. / Ф. М. Достоевский. – Л. : Наука, 1972–1990. – Т. 24 : Дневник писателя за 1876 год. Ноябрь – декабрь. – 1982. – 521 с.
5. Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.-П. Сартр // Сумерки богов : сборник. – М. : Политиздат, 1990. – С. 319–344.
6. Лаптёнок, А. С. Социальная этика и индивидуальная мораль / А. С. Лаптёнок // Философия и соц. науки. – 2015. – № 4. – С. 4–8.
7. Лаптёнок, А. С. Нравственная культура общества: преемственность и новации / А. С. Лаптёнок. – Минск : НИО, 1999. – 202 с.
8. Kohlberg, L. The philosophy of moral development: moral stages and the idea of justice / L. Kohlberg. – New York : Harper & Row, 1981. – 441 p.
9. Лаптёнок, А. С. Особенности нравственного воспитания учащихся в системе образования Республики Беларусь / А. С. Лаптёнок // Адукацыя і выхаванне. – 2013. – № 2. – С. 3–8.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 14.10.2020

УДК 141.78 130.121

Борис Михайлович Лепешко¹, Александр Борисович Лепешко²¹д-р ист. наук, проф., проф. каф. философии

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

²ст. преподаватель каф. гражданско-правовых дисциплин

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Boris Lepeshko¹, Alexandr Lepeshko²¹Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy of Brest State A. S. Pushkin University²Senior Lecturer of the Criminal Law Disciplines Department of Brest State A. S. Pushkin Universitye-mail: ¹borys_lepieszko@tut.by; ²a.b.lepeshko@gmail.com**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ РЕСУРС ФЕНОМЕНОЛОГИИ:
ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Рассматриваются возможности применения феноменологических идей в практике работы обществоведов. Характеризуются конкретные результаты исследований в праве (А. В. Поляков), истории (К. А. Свасьян), эстетике (М. Мерло-Понти), психоаналитике (М. А. Шорохова), демонстрируются эвристические ресурсы феноменологической методологии. Обосновывается вывод о границах применения данного вида теоретического знания, исходя из сложившейся практики в некоторых общественных науках.

Methodological Resource of Phenomenology: a Practical Aspect

The possibilities of applying phenomenological ideas in the practice of social scientists are considered in the article. The heuristic resources of the phenomenological methodology is demonstrated in the article in the context of specific results of research in law (A. V. Polyakov), history (K. A. Svasyan), aesthetics (M. Merleau-Ponty), psychoanalytics (M. A. Shorokhova). The article substantiates the conclusion about the limits of application of this type of theoretical knowledge, proceeding from the established practice in some social sciences.

Один из самых часто задаваемых ныне вопросов: а в чем суть той или иной современной методологии в практическом аспекте? То есть как применить теоретические новации последнего времени в практике работы обществоведов? Скажем, феноменология: существует обширная литература, в которой подробно освещаются идеи Э. Гуссерля, описывается суть редукции, интерсубъективности, интенциональности и т. д. Намного хуже обстоят дела с практикой применения этих идей в различных областях обществознания. Прилагаемые заметки – одна из попыток показать интеллектуальные возможности феноменологии в практической сфере.

Один из самых известных (и успешных), на наш взгляд примеров применения феноменологических (в частности) идей к сфере права – это концепция Санкт-Петербургского ученого А. В. Полякова, известного своей коммуникативно-феноменологической теорией права [1]. В основе работ А. В. Полякова своего рода синтез комму-

никативных и феноменологических идей, который выступает как своего рода мета-теория. Феноменологический анализ коммуникации позволяет выстроить новую теорию права на основе следующих элементов: во-первых, любая коммуникация возможна только между субъектами, носителями социального смысла и социальными деятелями; во-вторых, коммуникация основывается на наличии текстов (феноменов), подлежащих интерпретации; в-третьих, речь идет не просто об усвоении некой информации, а во взаимодействии между субъектами на этой основе [2, с. 9]. Феноменологический подход позволяет мыслителю отказаться от формул предшествующего теоретического развития («право – это воля государства», «право – это правовые отношения» и т. д.), «снять» противоречие между субъективным и объективным в познании с помощью феноменологического термина «интерсубъективность», представить право как сложную, многомерную психосоциальную систему. Здесь речь идет не о том, что

человек является творцом права, а о личности, постигшей социальный смысл социальной коммуникации и выступающей активным участником правового процесса.

Правда, здесь стоит оговориться, что связь между феноменологическими идеями и теорией права А. Полякова достаточно полно прослеживается в том случае, когда речь идет об общетеоретических вопросах (сущность права, его принципы и т. д.), но, когда речь заходит о некоторых практических вопросах, связь такого порядка прослеживается не всегда. Например, М. И. Батин полагал, что у теоретиков феноменолого-коммуникативной школы права «нормы права, с одной стороны, противопоставляются законодательству, а с другой – отождествляются с отношениями, которые призваны регулировать» [3, с. 111]. В данном случае мы не будем комментировать этот тезис, отметим лишь, что подобных замечаний существует достаточно много.

Как выглядит механизм применения феноменологической методологии к праву? Первое: это новая терминология, новая терминологическая – феноменологическая – определенность. В частности, адепты теории Гуссерля призывают не определять понятия (догматизм, движение мысли по кругу, устарелость многих терминов, «привязанность» конкретной системы понятийного мышления к определенной методологической схеме и т. д.), а описывать их. Требуется очищать понятие от всего наносного (исторического психологического контекста) и искать так называемый эйдос права, т. е. его чистую сущность. Что интересно, так это тот факт, что теоретические работы санкт-петербургского ученого сопровождаются классическим словарем терминов, выдержанных в аристотелевском (классическом) духе. Второе – это понимание феноменологии именно как методологии правового исследования. Допустим, перед нами стоит проблема интерпретации правового текста – важнейшая проблема методологии феноменологического порядка. А. В. Поляков пишет: «Задача интерпретатора заключается не только в уяснении и объяснении логического смысла правового текста, но и понимании его (скрытая информация), которая дается через восприятие той культурной среды, которая «породила» сам текст» [2, с. 376]. Весь вопрос в том, какая связь

существует между формой правового текста и его смыслом. Как толковать этот самый смысл? Здесь на первый план и выйдут вопросы методологии. В частности, любая интерпретация, как полагает ученый, есть коммуникативный процесс, обусловленный субъективным фактором, и вариантов интерпретаций может быть достаточно много. Третье заключается в том, что самая популярная ошибка в понимании феноменологической методологии (с точки зрения ее адептов) содержится в том, что ее анализ основывается на привычных, апробированных подходах, чаще всего связанных с марксизмом или иными популярными теориями права. А. В. Поляков, как отмечалось, активно полемизирует с профессором М. И. Байтиным, в частности, о критериях правового и неправового закона. Мы опускаем суть полемики, отметим главное: причина непонимания, по мнению автора коммуникативной теории, лежит именно в том, что ученые разговаривают на разных языках. Обращаясь к М. Байтину, Поляков пишет: «Ученый не заметил, что заданные им вопросы могут иметь отношение к либертарной концепции права и закона, но не затрагивают коммуникативный подход» [2, с. 407]. Другими словами, критика и ответ критикам имеет место на разных методологических «полях». Можно заметить, что три отмеченные особенности феноменологической методологии представляют собой единое целое и один пункт сложно представить себе без второго и третьего пункта. К сказанному стоит добавить, что феноменология призывает не абсолютизировать любую методологическую сущность, любую формулу, исходить из того, что результат научного поиска может быть разнообразным, возможно, парадоксальным.

Теперь обратимся к работе «Феноменологическое познание. Пропедевтика и критика» [4]. Здесь ученый апеллирует к новому пониманию исторического материала. Так, например, К. Свасьян обращается к известному историческому факту – переходу Цезаря через Рубикон. Нередуцированное (не феноменологическое) сознание ограничивается самим этим фактом. А уже из этого факта строится система интерпретаций (зачем перешел, как перешел и т. д.). «В реальности картина выстраивается в следующую схему: Цезарь до перехода, Цезарь

во время перехода, Цезарь после перехода». Важно и то, что в «школьной» истории речь идет о факте сознания только Цезаря. Историк-феноменолог «разрывает замкнутую, эмпирически эгоцентричную монаду собственной отчужденности в акте живого и личного приобщения к смыслу человеческой истории» [4, с. 126]. В результате на первый план выходит не та или иная интерпретация, «взору предстает пережитая самоданность истории, ставшая фактом личной биографии» [4, с. 126].

Правда, здесь неясно, чем эта феноменологическая концепция отличается от теории переживания (В. Дильтей), где граница между психическими процессами и теми, которые феноменолог называет мыслительными. Или здесь своего рода «смыкание», тождество? Все решает понятие «смысл» и личное переживание? Неясно, в чем тогда новации феноменологии.

К. Свасьян пытается объяснить: исторические события «уже имели место, но исключая «уже», мы лишь временно налагаем запрет на их фактичность, чтобы дать возможность рефлексии предварить самый миг осуществления, переживая их пророчески вспять» [4, с. 127]. Правда, и здесь возникает вопрос: как же быть с будущим, не возникает ли здесь своеобразный «парадокс редукции», где переживание неуместно в связи с отсутствием фактического материала? В ответ – словесные ухищрения такого рода: «Само будущее, даже в виде простой рефлексии не может мыслиться как некая пустота». «Будущее неразрывно связано с прошлым, и вышеозначенный парадокс снимается уже на уровне этой тривиальности» [4, с. 127].

В этом смысле с точки зрения феноменологов, переживание будущего ничем не отличается от переживания прошлого. Ученый в этом аспекте достаточно интересно рассуждает, прибегая к парадоксу. Для «нормального» сознания «будущее – это то, чего нет, соответственно, и прошлое – это то, чего уже нет, а настоящее – это то, чего еще нет, пока мы его не фиксируем, и то, чего уже нет, когда мы его фиксируем» [4, с. 129]. То есть на выходе получаем «очаровательный парадокс», в котором присутствует «полнота времен». Решить этот парадокс феноменологи предлагают с помощью категории «переживание». Прошлое

современно с помощью категории воспоминание, будущее современно с помощью категории ожидание, а «реальным оказывается текучесть извечно настоящего». Отсюда будущее основано на прошлом.

Насколько этот методологический инструментарий может быть востребован историком? Получается, он сам формулирует абрис будущего – полностью своих переживаний. Он не пассивно ожидает эвристических результатов, завернувшись в тогу беспристрастия (объективности), он включен в процесс творения истории, в процесс сотрудничества. На передний план выходит категория смысла, и исследователь имеет к этому самое прямое отношение. Это вызов привычному объективизму, и в этом, согласимся, есть рациональное зерно. Нет здесь места, полагают феноменологи, и привычному субъективизму, поскольку выбор в результате переживания коренится в прошлом. Прошлое задает определенные рамки, за которыми человек не может выйти, сколько бы необузданной ни была его фантазия.

Но очевидны и минусы такого подхода. Во-первых, сложно понять, каким образом исследователь может обнаружить эйдос, «чистую» суть того или иного факта, того или иного явления. И каким образом он идентифицирует эту суть, с помощью каких критериев. Или переживание находится вне критериев понимания? Во-вторых, феноменологи достаточно часто прибегают к категории «пророк», «пророчество», допустимо понимание прошлого как «пророчества вспять». Достаточно сложно понять, какие средства могут быть использованы в ходе практического применения этой категории. Тот, кто избрал подобный методологический инструментарий, – априори пророк? Конечно, здесь присутствует и традиционный набор сложных словесных конструкций, где парадокс фактически не является таковым. Например, фраза «Мера философского одиночества бесконечна». И далее, как пишет Свасьян, «можно ли говорить об одиночестве там, где атмосфера насыщена полнотою смысла, где окружающая среда соткана из бесконечных оттенков смысла, где сознание, потерявшее неосмысленный мир со всеми его одиночествами, заново обрело мир, вещи, людей во всей изумительности их первородства и вконец распутало также древнюю апорию «одинок-

чества», осознав, что подлинно одинокий никогда не говорит об одиночестве, потому что подлинно одинокий никогда не одинок» [4, с. 131]. Здесь все вместе: и парадокс, и самопровержение, и новый гуманизм (точнее, гуманизм на новой основе), и преклонение перед одиночеством путем его ниспровержения.

Но что же с Цезарем и его переходом через Рубикон? Показательно то, что феноменолог обходит стороной любые пророчества и собственные переживания по поводу этого известного исторического факта. Да, Рубикон был преодолен, но нам важно вспомнить это не для приращения новых исторических фактов или той или иной интерпретации произошедшего, а с целью показать связь времен, единую временную цепь. Благородная задача, но как быть с наукой в традиционном понимании этого слова? Неясно, поэтому получается, что сам выбор методологии означает выбор коренных смысловых координат.

Заметную роль играют исследования феноменологического характера в работах, посвященных психологии, искусствоведению. Один из примеров – обращение крупного мыслителя М. Мерло-Понти к пониманию творчества французского художника-импрессиониста Поля Сезанна. Исследуя его творческую манеру, содержание полотен, Мерло-Понти пишет: «Его живопись – это своего рода парадокс; Сезанн стремится к реальности, но в то же время не отказывается от ощущений, использует в качестве поводыря лишь природу в преходящем впечатлении, не очерчивает контуры, не ограничивает цвет предварительным рисунком и не строит ни перспективу, ни композицию» [5, с. 105]. Отсюда утверждения Мерло-Понти, что Сезанн исключает привычные дихотомии (разум и чувство и т. д.), «он хочет писать материю в процессе обретения формы, возникновение порядка в ходе спонтанного построения». И ведь живопись Сезанна не отрицает ни науку, ни традицию. Сезанн не отрицает реальность, но суть в понимании того непреложного факта, что все случайности в жизни Сезанна «представляют собой часть текста, который природа и история представили ему для расшифровки» [5, с. 113]. Поэтому выводы Мерло-Понти находятся в русле феноменологических исканий: нет ничего устойчиво-

го, ни на что нельзя опереться (ни на биографию того или иного человека, ни на его произведения), поэтому люди, окружающие Сезанна, «не понимали, как преобразовывались в нем события и опыт. Этим людям было не постичь его смысла и того света, который временами его окутывал» [5, с. 118]. Впрочем, полагает ученый, и сам Сезанн видел лишь несостоятельность своих опытов. Говоря привычным языком, ясности при анализе творчества Сезанна нет и быть не может. Тогда в чем смысл? Только в одном: непрекращающемся поиске этого смысла. Показательно название статьи Мерло-Понти: «Сомнения Сезанна». Не открытия, не новые цветовые гаммы, не содержательные откровения, а именно сомнения. Сомнения как венец поиска? А почему и нет? Вывод напрашивается сам: здесь опять опора на парадокс (одна из любимых логических форм феноменологов), на текучесть и изменчивость сущего, на отсутствие истины в классическом понимании этого слова – понять то или иное произведение можно только субъективно, но сама субъективность «снимается» с помощью феноменологической идеи интерсубъективности.

Похожие идеи высказывает и российская исследовательница С. А. Шорохова, обращаясь к такой благодатной для феноменологов теме, как психоаналитика. В частности, она исследует идеи Л. Бинсвангера, по ее характеристике, «психиатра в третьем поколении»: «Целью Бинсвангера было пересмотреть психологическую практику, опираясь на новую феноменологическую и антропологическую теорию» [6, с. 257]. Например, первый усвоенный урок феноменологии – это гуссерлевское требование возврата к самому себе. Что это означает на практике? Изучать следует не причины болезни, но то, как они даются сами по себе. Абстрактно, поэтому С. Шолохова уточняет: болезнь надо изучать так, как она воспринимается самим больным и – одновременно – лечащими врачом. Для людей не существует мира, единого в своих многообразных проявлениях. У каждого свой мир – мир феноменов. Эти феномены и надо в первую очередь изучать. Больной живет в своем особом мире феноменов, и понять этот мир можно, осмысливая его как особую целостность, совокупность фактов и вещей. Отсюда важность вмешательства врача в особый

мир пациента. На каком основании? На том, что они оба одновременно присутствуют в этом мире. Вокруг некий общий мир, специфический для каждого, но в каких-то чертах общий. «Терапевт понимает ситуацию больного постольку, поскольку у него вместе с больным есть нечто существенно общее, а именно бытие-в-мире» [6, с. 259].

Конечно, здесь возникает непростой вопрос: о каком понимании со стороны врача может идти речь, если даже элементарное общение с больным человеком является невозможным? Решить эту проблему можно, прибегая к важнейшим категориям феноменологии. Например, понимать бред «как потерю intersубъективности». Это сложный термин, который, по мнению специалистов, «несмотря на утонченнейшую стилистику феноменологического истолкования в трудах Гуссерля, так и не нашел аподиктически достоверного прояснения» [18, с. 74]. Заметим лишь, что речь идет о преодолении солипсизма, поскольку неясно, каким образом врач может преодолеть свое абсолютное «Я». Но это в целом не решенная феноменологическая проблема. Остается апелляция к возможностям конкретного субъекта. В духе позднейших коммуникативных откровений С. Шолохова делает вывод: «Роль терапевта состоит не в пробуждении сознания у пациента, но прежде всего в установлении контакта с ним, настоящего общения, без которого больному невозможно вырваться из своего патологического состояния» [6, с. 268]. Правда, в этом случае достаточно сложно сказать, где начинается феноменология и заканчивается классический intersубъективный идеализм.

В заключение хотелось бы отметить следующее. Даже краткий и вынужденно фрагментарный анализ некоторых практических результатов научных усилий авторов, прибегающих к феноменологической методологии, демонстрирует определенный эвристический ресурс этой теории. Многие обществоведы привыкли к работе в условиях относительной ясности и прозрачности марксистских клише. Есть, к примеру, объективное понимание исторического процесса, есть и intersубъективное видение общественного развития. Могут быть и некие эк-

лектические варианты. Здесь противопоставление между объективным и intersубъективным «снимается» с помощью целого ряда новых категорий (редукция, intersубъективность и др.). Что это дает? Понимание того, что абсолютизация как сущего, так и категорий, которые выражают эту сущность, в принципе невозможна. Конечно, четкого механизма, который бы «прописал» последовательные шаги по решению той или иной эвристической задачи, не существует. Да это и невозможно, поскольку на первом месте даже не варианты интерпретации, а описание процесса (того или иного). Поэтому далеко не случайно феноменологи само познание называют «рассудочной химерой» [4, с. 47] прежде всего в том смысле, что оно лишено «конкретного предметного коррелята». На первый план выдвигается «вскрытие предпосылок, бессознательно фундирующих всякий строй познания». Одним из предтеч такого подхода был Ф. Бэкон с его известными «идолами». Познание всегда опирается на опыт, понятийную определенность, мыслительные привычки той или иной конкретной эпохи. Но это вовсе не универсалии, которые могут быть применены всегда и везде. Это отражение эпохи и сложившегося стереотипа знания, иногда высококачественного, иногда менее качественного.

В этом контексте вряд ли уместны и имеющие место упреки в терминологической сложности феноменологии. Да, можно согласиться, что термины зачастую тяжелы для восприятия, но, если мы примем тот факт, что они лишены привычной определенности и верифицируются достаточно свободно, разговор примет иной характер. Правда, иной разговор, примут ли такую возможность те, кто ежедневно трудится в библиотеках, архивах, за письменным столом. Но это дело личного выбора, некоторые примеры этого выбора приведены выше. Рабочее поле феноменологии – беспредпосылочное знание, очищенное от психологических, исторических, иных условий, данные в своей самоочевидности и самоданности. Спорно? Возможно. Но вне сомнений, это важный методологический ресурс современного знания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Поляков, А. В. Общая теория права : учеб. пособие / А. В. Поляков, Е. В. Тимошина. – СПб. : Изд-во юрид. фак. 2004. – 475 с.
2. Поляков, А. В. Коммуникативное правопонимание. Избранные труды / А. В. Поляков. – СПб. : Алеф-Пресс, 2014. – 575 с.
3. Байтин, М. И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков) / М. И. Байтин. – М. : Право и государство, 2005. – 544 с.
4. Свасьян, К. А. Феноменологическое познание. Пропедевтика и критика / К. А. Свасьян. – М. : Академ. проект, 2010. – 206 с.
5. Мерло-Понти, М. Сомнения Сезанна. Постфеноменология. Новая феноменология во Франции и за ее пределами / М. Мерло-Понти. – М. : Академ. проект, 2017. – С. 102–122.
6. Шолохова, С. А. Сверхстрастность и терапевтический подход в дизайн-анализе / С. А. Шолохова // Постфеноменология. Новая феноменология во Франции и за ее пределами / М. Мерло-Понти. – М. : Академ. проект, 2017. – С. 256–268.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 21.10.2020

УДК 796.01:796.032“20”

Уладзімір Паўлавіч Люкевіч

канд. філас. навук, дац., дац. каф. спартыўных дысцыплінаў і метадык іх выкладання
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна

Uladzimir Lukievich

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Sports Disciplines and Methods of Teaching Them
of Brest State A. S. Pushkin University
e-mail: lucul@brsu.brest.by

**ЖАК РАГЭ: АКТУАЛІЗАЦЫЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ПРЫНЦЫПАЎ
ФІЛАСОФІІ АЛІМПІЗМУ НА ПАЧАТКУ ХХІ СТ.**

Пачатак новага тысячагоддзя ў сістэме Алімпійскага руху супаў з некалькімі важнейшымі трансфармацыямі дадзенай грамадскай з’явы. Яны датычыліся перш за ўсё актуалізацыі фундаментальных прынцыпаў філасофіі алімпізму, а таксама чарговай змены парадыгмы развіцця спорту. Алімпійскі рух у пэўнай ступені падпаў пад магутны ўплыў з боку такіх сацыяльных тэндэнцый, як дэмакратызацыя, лібералізацыя, гуманізацыя і шэрага іншых. Названыя працэсы прыцягнулі за сабой новыя праблемы, якія з рознай ступенню паспяховасці павінен быў вырашаць Жак Рагэ ў якасці васьмага прэзідэнта Міжнароднага алімпійскага камітэта. Асабліва востра яны праявіліся на ўзроўні палітычных, эканамічных, гандарных і рэлігійных супярэчнасцяў, а таксама ў сферы допінгавых і карупцыйных злоўжыванняў.

**Jacques Rogge: Updating the Fundamental Principles of the Philosophy
of Olympism at the Beginning of the XXI Century**

The beginning of a new millennium in the system of the Olympic movement coincided with several important transformations of this social phenomenon. They touched primarily on the updating of the fundamental principles of the philosophy of Olympism, as well as the next paradigm shift in the development of sports. In addition, the Olympic movement was to some extent subjected to powerful influence from such social trends as democratization, liberalization, humanization, and a number of others. These processes necessarily entailed new problems that, with varying degrees of success, Jacques Rogge had to solve as the eighth president of the International Olympic Committee. They were especially acute at the level of political, economic, gender and religious contradictions, as well as in the field of doping and corruption abuse.

Уводзіны

Пасля заканчэння эпохі кіравання су-светным спортам іспанскага маркіза Хуана Антонія Самаранча (Juan Antonio Samaranch) восьмым прэзідэнтам Міжнароднага алімпійскага камітэта быў абраны бельгійскі граф Жак Рагэ (Jacques Rogge). Гэта адбылося ў 2001 г. на 112-й сесіі Міжнароднага алімпійскага камітэта (МАК), якая праходзіла ў Маскве. У спісе кандыдатаў на гэты пост значыліся таксама Кім Ун Ёнг (Kim Un Yong) з Паўднёвай Карэі, Рычард Паўнд (Richard W. Pound) з Канады, Пал Шміт (Pal Schmitt) з Венгрыі і Аніта Дэфрантц (Anita L. DeFrantz) са Злучаных Штатаў Амерыкі. У выніку па заканчэнні другога тура галасавання быў названы новы кіраўнік.

Жак Рагэ нарадзіўся ў бельгійскім горадзе Гент (Gent) ва Усходняй Фландрыі 2 траўня 1942 г. Па заканчэнні Генцкага ўніверсітэта атрымаў спецыялізацыю арта-

педычнага хірурга ў галіне спартыўнай медыцыны. Усё сваё жыццё ён звязаў са спортам, прычым даволі паспяхова займаўся парусным спортам (быў шаснаццаціразовым чэмпіёнам краіны), удзельнічаў у летніх Алімпійскіх гульнях 1968, 1972 і 1976 гг., а таксама іграў за нацыянальную зборную па рэгбі.

Яго кар’ера як спартыўнага дзеяча пачалася з 1989 г., калі на працягу наступных трох гадоў ён займаў пасаду прэзідэнта Нацыянальнага алімпійскага камітэта Бельгіі. У тым жа 1989 г. Жак Рагэ ўзначальваў Асацыяцыю Еўрапейскіх алімпійскіх камітэтаў. Праз два гады ён уваходзіў у склад МАК, а затым, у 1998 г., у яго Выканаўчы камітэт. Рагэ стаў першым прэзідэнтам Міжнароднага алімпійскага камітэта, які асабіста прымаў удзел у Алімпіядах. Менавіта яму прыйшлося працаваць на чале МАК

у пераломны перыяд і вызначаць стратэгію і палітыку гэтай арганізацыі.

Алімпійскія гульні з'яўляюцца самым буйным міжнародным спартыўным і публічным форумам сучаснасці і выкарыстоўваюцца дзяржавай, прадстаўнікамі бізнесу і грамадскасцю ў шэрагу вызначаных мэтай: для дзяржавы – умацаванне ўласнага прэстыжу па-за межамі краіны, кансалідацыя соцыуму, развіццё інфраструктуры рэгіёна правядзення спаборніцтваў з мэтай павелічэння народнага дабрабыту; для прадстаўнікоў бізнесу – сусветная рэкламная кампанія іх прадукцыі, а таксама атрыманне прыбыткаў пры дапамозе разнастайных акцый, нават ускосных; для грамадскасці – выказванне культурна-этнічнай самабытнасці [4; 15].

У той жа час згодна з аўтарскай канцэпцыяй узнікнення, фарміравання, станаўлення, функцыянавання, развіцця і распаўсюджвання спорту на працягу ХХ – на пачатку ХХІ ст. адбываліся змены парадыгмы ў сутнаснай рэалізацыі гэтага сацыяльнага феномена. Так, калі ад моманту адраджэння алімпійскага руху спорт толькі пачынаў утвараць свае арганізаваныя формы, дамінаваў заклік, які быў выказаны ў дэвізе «Галоўнае не перамога, а ўдзел» (параўнанне са знакамітым афарызмам аднаго з лідараў апартуністычнага крыла нямецкай сацыял-дэмакратыі і II Інтэрнацыянала Эдуарда Бернштэйна: «Рух – усё, канчатковая мэта – нішто»), то далей па меры папулярызавання і актывізацыі гэтай дзейнасці стаў актуальным заклік «*Altius. Citius. Fortius*» («Хутчэй. Вышэй. Мацней»). Наступная прафесіяналізацыя спорту прымусіла змястоўна памяняць ягоную ўнутраную сутнасць. «Перамога за ўсялякі кошт» стала выглядаць як дамінанта на спаборніцтвах самага рознага ўзроўню. Аднак канец мінулага і пачатак новага тысячагоддзя пад уздзеяннем тэндэнцый дэмакратызацыі, лібералізацыі, гуманізацыі і шэрага іншых акалічнасцяў выявіў схільнасць да пераасэнсавання ранейшых прыярытэтаў. Паняцце «чыстай, сумленнай і высакароднай гульні» (*fair play*) з поўным правам можа разглядацца ў якасці чарговага дэвізу.

Нягледзячы на тое што новая рэдакцыя Алімпійскай хартыі, якая дзейнічае ад 26 чэрвеня 2019 г., быццам не змяніла грунтоўна фундаментальных прынцыпаў філасофіі алімпізму, яна стала больш насычаная гуманістычным зместам. На падставе яе

палажэнняў алімпізм па ранейшаму ўяўляецца філасофіяй жыцця, што ўзвышае і аб'ядноўвае ў збалансаваным адзінстве вартасці цела, духу і розуму. Алімпізм злучае спорт з культурай і адукацыяй і імкнецца да стварэння такога ладу жыцця, які базіруецца на радасці ад намаганняў, каштоўнасці выхавання па ўзорах добрага прыкладу, сацыяльнай адказнасці і павагі да ўсеагульных падставовых этычных прынцыпаў. Актуальнай да гэтага часу застаецца і мэта алімпізму, якая заключаецца ў тым, каб паставіць спорт на службу гарманічнага развіцця чалавецтва і тым самым садзейнічаць стварэнню мірнага супольніцтва, што клапоціцца пра захаванне сваёй годнасці. Між тым заняткі спортам у дадзеным кантэксце разглядаюцца як адно з неад'емных правоў кожнага індывідуума, таму ўсе людзі павінны мець доступ да спартыўнай дзейнасці без аніякай дыскрымінацыі, што рэалізуецца праз узаемапаразуменне на падставе сяброўства, салідарнасці і сумленнай гульні. Важным пунктам Алімпійскай хартыі з'яўляецца разуменне таго, што спорт існуе ў межах грамадства і не можа заставацца па-за ягоным уплывам, тым не менш спартыўныя арганізацыі, згодна са спецыфікай сваёй аўтаноміі ў сістэме алімпійскага руху, павінны захоўваць палітычны нейтралітэт. Таксама, і гэта адмыслова падкрэсліваецца, ажыццяўленне правоў і свабод павінна забяспечвацца праз адсутнасць усялякай формы дыскрымінацыі, у тым ліку расавай, моўнай, рэлігійнай, палітычнай, па прыкмеце колеру скуры, палавой адметнасці, сексуальнай арыентацыі, плюралістычнасці думак, нацыянальнага ці сацыяльнага паходжання, нараджэння альбо іншага статусу [10–12]. Сучасны алімпійскі рух пільную ўвагу надае маральнай праблематыцы, якая ў працэсе распаўсюджвання ідэяў алімпізму ў свеце паўстае ў якасці аднаго з галоўных духоўных стрыжняў у справе не толькі выхавання моладзі за пасярэдніцтвам спорту, забяспечэння панавання ў гэтай сферы прыярытэту сумленнай барацьбы на спаборніцтвах супраць гвалту ва ўсялякіх яго праявах, а таксама неадступнасці ад палажэнняў Этычнага кодэкса [10, с. 16–17; 8, с. 4–13]. Місія МАК у той жа час прадугледжвае супрацоўніцтва з разнастайнымі арганізацыямі ў галіне спорту з тым, каб разам садзейнічаць усталяванню міру. Задача падобнага тыпу для алімпійскага руху бачыцца ў тым, каб, з

аднаго боку, захаваць сваю незалежнасць на ўзроўні аўтанамізацыі спорту, а з другога – утрымаць палітычны нейтралітэт. Філасофія алімпізму ў самым шырокім разуменні стварае перспектывы для супрацьстаўлення разнастайным формам дыскрымінацыі. Гэта цэлы шэраг пытанняў, якія датычацца, напрыклад, гendarнай роўнасці, абароны правоў спартсменаў, барацьбы з допінгам, карупцыяй, з палітычным ціскам, камерцыйным злоўжываннем і г. д. [10, с. 16–17]. Менавіта таму адмыслова створаная МАК Камісія па этыцы з’яўляецца сведчаннем таго, наколькі важнай для сучаснага алімпійскага руху становіцца маральная праблематыка. Камісія па этыцы канцэнтруе сваю працу на выкананні трох наступных функцый: па-першае, распрацоўвае і пастаянна абнаўляе сістэму этычных прынцыпаў, у тым ліку Этычнага кодэкса, а таксама актуалізуе адпаведныя палажэнні, што базіруюцца на фундаментальных падставах Алімпійскай хартыі; па-другое, разглядае скаргі, якія датычацца парушэння Этычнага кодэкса, і, калі гэта неабходна, прапануе ўжыванне адпаведных санкцый; па-трэцяе, выдае рэкамендацыі МАК адносна дзеяння сістэмы этычных прынцыпаў [12].

Такім чынам, з вышэйазначаных праблемных пытанняў можна зрабіць выснову, з якімі цяжкасцямі глабальнага маштабу неаднаразова сутыкаўся Жак Рагэ за гады свайго прэзідэнцтва ў Міжнародным алімпійскім камітэце, калі тэрмінова патрабавалася вырашаць актуальныя задачы, якія датычыліся пералічанай праблематыкі, і асабіста прымаць часам непапулярныя рашэнні.

Мэта артыкула – вызначыць уплыў прэзідэнта Міжнароднага алімпійскага камітэта Жака Рагэ на актуалізацыю зместу падставовых накірункаў развіцця філасофіі алімпізму ў варунках глабалізацыйных працэсаў функцыянавання сучаснага спорту.

Падчас падрыхтоўкі артыкула выкарыстоўваліся такія метады даследавання, як назіранне, апісанне, параўнанне, аналіз навуковых і дакументальных крыніцаў, а таксама вывучэнне інтэрнэт-інфармацыі.

Вынікі і абмеркаванне

Жак Рагэ напачатку пэўны час устрымліваўся ад канкрэтызацыі праграмы сваёй прэзідэнцкай дзейнасці, аднак два прыярытэтных накірункі былі ім пазначаны: першы заснаваны на тым, каб захаваць і ўмаца-

ваць тую спадчыну, якая напрацавалася намаганнямі Хуана Антонія Самаранча, і абнаўляць МАК у адпаведнасці са зменамі ў грамадстве; другі – абараняць алімпійскі рух ад допінгу, карупцыі і гвалту [5, с. 17]. Трэба адзначыць, што на пераломе тысячагоддзяў алімпійскі рух пачаў уваходзіць у новую фазу свайго развіцця. Узнікла неабходнасць перагляду змястоўнага напаянення не толькі фундаментальных прынцыпаў алімпізму, але таксама, напрыклад, коштаў і маштабаў Гульняў, у тым ліку іх праграмы. Асаблівая ўвага звярталася на гарантыю фінансавай незалежнасці. Рэформы ў сістэме дзейнасці МАК на фоне папярэдніх карупцыйных скандалаў павінны былі стаць больш празрыстымі, больш дэмакратычнымі і прадстаўнічымі. Актуальным пытаннем стала вырашэнне стану сацыяльнай і прафесійнай інтэграцыі атлетаў па завяршэнні імі спартыўнай кар’еры. Фундаментальныя алімпійскія прынцыпы прапанавалася напоўніць новым зместам ці ўтварыць новы дэвіз, які б на пачатку XXI ст. заклікаў да чысціні спорту, салідарнасці і гуманізму [5, с. 17–18].

Прэзідэнт МАК неаднаразова падкрэсліваў, што галоўная задача алімпійскага руху на сучасным этапе развіцця бачыцца ў тым, каб абараніць каштоўнасці спорту і пазбавіцца тых негатыўных праяў, што спадарожнічалі яму, а менавіта допінгу, гвалту і расізму. У дадзеным выпадку неабходна было знайсці паразуменне з палітыкамі, кіраўнікамі дзяржаў і ўрадаў, а таксама атрымаць ад іх падтрымку. Намаганні ў гэтым накірунку прынеслі свой плён: 13 снежня 2001 г. на 56-й сесіі Генеральнай асамблеі ААН была прынята рэзалюцыя, якая заклікала ўсе краіны захоўваць «алімпійскае перамір’е» з тым, каб забяспечыць праезд і ўдзел спартоўцаў на зімовыя Алімпійскія гульні ў Солт-Лэйк-Сіці. Пазней падобная рэзалюцыя, якая датычылася летняй Алімпіяды 2004 г. у Афінах, была прынятая на 58-й сесіі Генеральнай асамблеі ААН 3 лістапада 2003 г. Больш за тое, у дадатак было абвешчана, што 2005 г. будзе праходзіць як Міжнародны год спорту і фізічнай адукацыі (рэзалюцыя A/RES/58/5), каб надалей садзейнічаць развіццю адукацыі і здароўя ва ўсім свеце [9].

У час кіраўніцтва сусветным алімпійскім рухам Жакам Рагэ былі праведзены тры зімовыя і тры летнія Алімпіяды. Зімовыя Алімпіяды адбыліся ў 2002 г. у Солт-

Лэйк-Сіці (ЗША), 2006 г. – у Турыне (Італія), 2010 г. – у Ванкуверы (Канада). Летнія Алімпіяды адбыліся ў 2004 г. у Афінах (Грэцыя), 2008 г. – у Пекіне (Кітай), 2012 г. – у Лондане (Вялікабрытанія). Трэба адзначыць, што ніколі ў ранейшай гісторыі Алімпіядаў, як у пазначаны перыяд, не назіралася столькі разнастайных скандалаў, якія б звязваліся з гучнымі допінгавымі і крымінальнымі справамі, а ў выніку адстаўкамі спартыўных функцыянераў.

Кароткі агляд храналогіі падзей на зімовых і летніх Алімпіядах у перыяд з 2002-га па 2012 г., калі Жак Рагэ ўзначальваў Міжнародны алімпійскі камітэт, дае магчымасць упэўніцца ў тым, што барацьба з допінгавым злоўжываннем перайшла на новы якасны ўзровень, у чым бачыцца заслуга як самога прэзідэнта, так і яго палітыкі ў гэтым пытанні ў напрамку на шчыльнае ўзаемадзеянне МАК з Нацыянальнымі алімпійскімі камітэтамі ўсіх краін, Міжнароднымі федэрацыямі па відах спорту і Сусветным антыдопінгавым агенцтвам (англ. WADA, World Anti-Doping Agency). Да прыкладу, на гульнях XIX зімовай Алімпіяды ў Солт-Лэйк-Сіці 2002 г. станоўчыя допінг-тэсты былі зафіксаваныя ў расійскіх лыжніц Ларысы Лазуцінай і Вольгі Данілавай, іспанскага лыжніка нямецкага паходжання Ёхана Мюлега, беларускіх прадстаўнікоў Юліі Паўловіч (шорт-трэк) і Васіля Панкова (хакей). На фоне пашырэння антыдопінгавай кампаніі зімовыя Алімпійскія гульні ў Турыне – 2006 выявілі станоўчы допінг-тэст толькі ў расіянкі Вольгі Пылёвай у біятлоне. Крыху па-іншаму выглядала сітуацыя ў адносінах з супраць-дзеяннем допінгу на зімовай Алімпіядзе 2010 г. у канадскім Ванкуверы. Па выніках справаздачаў нацыянальных федэрацый па відах спорту і арганізацыйных камітэтаў да Гульняў не былі дапушчаныя 30 патэн-цыяльных удзельнікаў, у якіх меліся праблемы з допінгам.

Што да летніх Алімпійскіх гульняў, то Алімпіяда 2004 г. у Афінах стала рэкорднай па колькасці дыскваліфікацый па прычыне допінгу: іх налічвалася больш за дваццаць. У гэты малапрыемны спіс трапілі нават залатыя медалісты Ірына Каржаненка з Расіі (штурханне ядра) і Роберт Фазекаш з Венгрыі (кіданне дыска). Гульні Алімпіяды ў Пекіне прайшлі больш спакойна, аднак афіцыйна пацверджанымі сталі станоўчыя вынікі допінг-тэстаў у Марыі Ізабэль

Марэна з Іспаніі (веласіпедны спорт), Кім Ёнг Су з Паўночнай Карэі (стральба), До Ці Нган Туёнг з В'етнама (гімнастыка), Фані Халкія з Грэцыі (лёгкаа атлетыка), Людмілы Блонскай з Украіны (лёгкаа атлетыка). Акрамя таго, пазней МАК дыскваліфікаваў яшчэ шаснаццаць атлетаў пасля таго, як іх пробы былі пераправераныя. У гэты пералік трапілі дзесяць алімпійскіх прызёраў: тры сярэбраныя і сем бронзавых медалістаў.

Згодна з раней агучанымі Жакам Рагэ заявамі, падчас буйнамаштабнай допінг-праграмы гульняў у Пекіне спартсмены ў сукупнасці здалі каля 4 770 проб на выяўленне наяўнасці забароненых рэчываў ці прымяненне неналежаў тэхналогій. Допінг-тэсты ў абавязковым парадку праходзілі пяць лепшых спартоўцаў па выніках спаборніцтваў, а таксама яшчэ двое атлетаў на падставе выпадковай выбаркі.

Лонданская Алімпіяда 2012 г. выкрыла станоўчыя вынікі допінг-тэстаў у азербайджанскага штангіста балгарскага паходжання Валянціна Хрыстава, а таксама беларускіх лёгкаатлетаў Алены Матошкі (кіданне молата) і Аніса Ананенкі (бег на 800 м). Таксама прадстаўнікі МАК паведамілі, што допінг-тэсты не прайшлі яшчэ 23 атлеты з 6 краін, сярод іх беларускія спартсмены: залатая медалістка Гульняў Надзея Астапчук (штурханне ядра) і бронзавыя прызёры Ірына Кулеша і Марына Шкерманкова (абедзве – цяжкая атлетыка). Пазней пераправерка пробаў выявіла наяўнасць забароненых прэпаратаў яшчэ ў шэрагу атлетаў, у тым ліку беларускага лёгкаатлета Станіслава Цівончыка (скачкі з шастом).

Кіраўніцтва сусветным спортам у перыяд прэзідэнцтва Жака Рагэ вызначылася шэрагам новых тэндэнцый. Сярод іх, напрыклад, трэба ўзяць пад увагу такі аспект, як стварэнне большых магчымасцяў для ўдзелу ў працэсе канкурэнцыі гарадоў на месца правядзення Алімпіяд з боку краін, якія падпадаюць пад характарыстыку такіх, што сталі на шлях развіцця. Пры гэтым Рагэ спадзяваўся на тое, што ў дадзеным выпадку прэтэндэнты на правядзенне Гульняў атрымаюць дзяржаўную падтрымку, а сам МАК пойдзе ў распрацоўках сваёй палітыкі ў будучым на тое, каб паменшыць кошты правядзення спаборніцтваў. Разам з гэтым усім трэба пастаянна мець на ўвазе тое, што алімпізм на сучасным этапе развіцця грамадства паўстае як афіцыйная ідэалагічная

дактрына спорту на ўзроўні ягонага светаўспрымання, асабліва калі гэта датычыцца прафесіяналізму [1, с. 57].

Жан Рагэ рашуча скарэктаваў адносіны паміж МАК і міжнароднымі спартыўнымі федэрацыямі, калі выразна падкрэсліў, што Міжнародны алімпійскі камітэт не ставіць пад сумніў іх незалежнасць падчас правядзення сваіх уласных спаборніцтваў, але калі размова будзе весціся наконт правядзення Гульняў, то прыярытэт будзе за рашэннямі Алімпійскага камітэта. Прэзідэнта ў дадзеным выпадку можна было б абвінаваціць у аўтарытарных амбіцыях, але, як і ў прыняцці шэрага іншых рашэнняў, ён быў вымушаны аператыўна рэагаваць на тыя сітуацыі, якія час ад часу нечакана ўзніклі і патрабавалі неадкладнага ўмяшальніцтва. Жак Рагэ правёў арганізацыйныя змены ў структуры адміністрацыі МАК: была ўведзена пасада амбасадара Генеральнага дырэктара па Алімпійскіх гульнях. Яшчэ адна навацыя датычылася спрашчэння зместу Алімпійскай хартыі: планавалася зрабіць яе тэкст больш зразумелым. Асабліва кардынальных пераменаў у дзейнасці МАК чакаць было цяжка таму, што ў цэлым функцыянаванне гэтай арганізацыі грунтавалася, з аднаго боку, на папярэдніх гістарычных традыцыях алімпізму, а з другога – на напрацоўках Хуана Антоніа Самаранча, якія Рагэ атрамаў у спадчыну [5, с. 18–19].

Па сведчаннях назіральнікаў, Жак Рагэ дэманстраваў высокія дыпламатычныя здольнасці і ўменне пазбягаць канфрантацый. Ён займаў рэпутацыю непадкупнага службоўца, які быў недатычны да карупцыйных скандалаў. Ад пачатку сваёй дзейнасці на чале МАК ён выказваў асабістую рашучасць у адносінах да пераадолення галоўных пагроз, якія неабходна было ліквідаваць у першую чаргу, а менавіта допінг, гвалт і карупцыю [3]. Стратэгічна важным крокам у перспектыве далейшай дзейнасці МАК стала падпісанне дамовы з ЮНЭСКА аб супрацоўніцтве ў барацьбе з допінгам.

На думку А. Б. Ратнера, на працягу ўсёй сваёй кадэнцы Ж. Рагэ вызначыўся ў шэрагу такіх накірункаў, як захаванне пераемства ў стратэгіі развіцця алімпійскага руху на падставе палажэнняў, якія раней былі распрацаваныя ягоным папярэднікам Хуанам Антоніа Самаранчам, зразумела, з улікам асабістага бачання актуальных праблем; упэўненасць у тым, што на працягу бліжэй-

шых 15–20 гадоў Алімпійскія гульні захавуюць статус галоўнай сусветнай спартыўнай падзеі; адсутнасць занепакоенасці ў фінансавай забяспечанасці міжнароднага алімпійскага руху; стабільнасць алімпійскай праграмы; актывізацыя барацьбы з допінгам, гвалтам, расізмам і іншымі непажаданымі тэндэнцыямі [5, с. 20].

Увогуле Жак Рагэ, як адзначаюць А. А. Сучылін і Л. І. Сталярчук, практычна дзейнічаў згодна з той стратэгіяй, якая раней была распрацавана Хуанам Антоніа Самаранчам. Перадусім гэта датычылася канцэпцыі правядзення Алімпійскіх гульняў, аптымізацыі лічбы атлетаў на спаборніцтвах, імкнення да павелічэння колькасці краінаў-удзельніц. Але адначасова яму прыйшлося прыкласці дадатковыя намаганні ў барацьбе з допінгам [7, с. 227], што выявілася ва ўвядзенні абавязковай сістэмы допінг-кантролю, павелічэнні колькасці спецыялізаваных лабараторый, абсталяваных самай новай апаратурай, супрацоўніцтвам са спецыялістамі высокага класу [6, с. 70].

Міжнародны алімпійскі камітэт у сваёй дзейнасці бярэ пад увагу тры наступныя каштоўнасці: па-першае, гэта самаўдасканаленне, якое праяўляецца ў тым, каб дэманстраваць лепшае ўвасабленне на пляцоўцы для гульні ці ўвогуле ў жыцці, імкненне да дасягнення асабістых мэтаў з рашучасцю ў намаганнях; па-другое, гэта сяброўства на ўзроўні ўзаемапаразумення паміж людзьмі, якое мае самае непасрэднае дачыненне да пабудовы мірнага і больш дасканаллага свету праз пераадоленне палітычных, эканамічных, гендарных, расавых, рэлігійных і іншых супярэчнасцяў; па-трэцяе, гэта павага, што паўстае не толькі як этычны прынцып, але мае адносіны як да самога спартсмена і яго цела, так і да іншых суб'ектаў спартыўнай дзейнасці, правілаў спаборніцтваў, навакольнага асяроддзя, сумленнай гульні, адмаўлення ад допінгу [11].

Трэба звярнуць увагу і на тое, што філасофія алімпізму падчас прэзідэнцтва Жака Рагэ набывала новыя рысы і характарыстыкі, што выявіліся ў шэрагу момантаў акцэнтацыі пытанняў, якія адпавядалі новай якасці грамадскага жыцця. Напрыклад, больш увагі надавалася захаванню роўных правоў ва ўдзеле ў алімпійскім руху для жанчын і мужчын, багатых і бедных, прадстаўнікоў развітых дзяржаў і тых краін, якія знаходзяцца ў працэсе развіцця. Падкрэс-

лівалася, што спорт разам з адукацыяй і культурай садзейнічае гарманічнаму і збалансаванаму развіццю цела і розуму, а гэта ў далейшым вядзе да пашырэння вызначанай тэндэнцыі на ўсе сацыяльныя групы. Асабліва гэта мае вялікае значэнне ў змаганні з глабальнай праблемай нарастання недахопу фізічнай актыўнасці сярод моладзі, у сувязі з чым МАК нават распрацаваў новую стратэгію для моладзі.

З наданнем увагі на глабальны кантэкст спорту і яго ролю ў свеце Міжнародны алімпійскі камітэт прыняў рашэнне адрадыць традыцыю алімпійскага перамір'я, з тым каб абараніць, наколькі магчыма, інтарэсы спартсменаў і заахоціць пошук дыпламатычных вырашэнняў вайсковых канфліктаў. У выніку ў 2000 г. была створана Міжнародная фундацыя алімпійскага перамір'я. Асабліва ўвага на пачатку XXI ст. стала надавацца абароне здароўя спартоўцаў, што непасрэдна звязваецца з павелічэннем выпадкаў злоўжывання допінгам. Сусветнае антыдопінгавае агенцтва прыкладае вялікія намаганні ў вырашэнні гэтай праблемы, але пакуль маюцца толькі адносныя поспехі. Паралельна з допінгавай пагрозай узнікае новая небяспечная для алімпізму і спорту ў цэлым праблема – ашуканства, што звязана са стаўкамі на вынікі спартыўных спаборніцтваў [11].

Заклучэнне

Прэзідэнцтва Жака Рагэ на чале Міжнароднага алімпійскага камітэта дазваляе вызначыць некалькі тэндэнцый, якія могуць характарызавацца як гуманістычныя ў іх акцэнтацыі на маральную праблематыку. Сапраўды, на пачатку XXI ст. алімпійскі рух пільную ўвагу надае этычным прынцыпам, пра што сведчыць новая якасць фундаментальных палажэнняў Алімпійскай хартыі, якая знаходзіць сваё ўвасабленне ў практыцы спартыўнай дзейнасці. Паняцце «сумленнай і высакароднай барацьбы на спаборніцтвах» (fair play) дае магчымасць перасэнсаваць месца спартсмена, перш за ўсё чалавека, у сістэме сацыяльных адносін, а калі ахапіць гэтую сферу шырэй, то яна ўключае ўсіх тых асоб, якія так ці інакш звязаны са спортам. На сучасным этапе функцыянавання грамадства спорт узаемадзейнічае з іншымі глабальнымі феноменамі. Таму, напрыклад, тэндэнцыі дэмакратызацыі, лібералізацыі, эмансіпацыі і інш.

проста не маглі застацца па-за сферай яго ўплыву. Сусветная інфармацыйная прастора ва ўмовах дамінавання сродкаў масавай камунікацыі (open society) стварыла магчымасці практычна неабмежаванага доступу для абмеркавання палітычных, эканамічных, гендарных, расавых, рэлігійных і іншых супярэчнасцяў, а таксама правоў чалавека, спартсмена, асабліва калі размова ідзе пра допінгавую праблематыку.

Жак Рагэ шмат намаганняў прыкладаў у справе пашырэння і распаўсюджвання алімпійскага руху. Ён актыўна садзейнічаў таму, што ўпершыню ў гісторыі права на правядзенне Алімпійскіх гульняў атрымала Лацінская Амерыка – Рыа-дэ-Жанэйра. Гэта стала вынікам паслядоўнай палітыкі прэзідэнта МАК, які неаднаразова падкрэсліваў, што розніцы ў магчымасці прыняць Гульні не павінна існаваць у адносна развітых краін і тых, якія сталі на шлях развіцця.

Аднак неабходна заўважыць, што менавіта ў перыяд кіравання Жака Рагэ пачалася чарада гучных допінгавых алімпійскіх скандалаў. Аднымі з першых выпадкаў ужывання забароненых рэчываў сталі абвінавачванні да іспанскага лыжніка нямецкага паходжання Ёхана Мюлега і жаночай лыжнай зборнай каманды Расіі ў Солт-Лэйк-Сіці падчас зімовай Алімпіяды 2002 г. Увогуле праблема допінгу ў часы кіравання Рагэ Міжнародным алімпійскім камітэтам стала найбольш актуальнай. Колькасць допінг-тэстаў нашмат узрасла. Справа дайшла да таго, што на зімовай Алімпіядзе ў Турыне 2006 г. МАК разам з САДА скарысталіся дапамогай мясцовай паліцыі, каб прымусіць спартсменаў здаваць тэсты не толькі непасрэдна перад спаборніцтвамі, але таксама пад час трэніровак і нават у вольны час. Прэзідэнт МАК асабіста паўплываў на тое, каб атлеты, якіх злавілі на допінгавым злоўжыванні, не дапускаліся да наступных Алімпійскіх гульняў. У гэтым пытанні ён прытрымліваўся даволі паслядоўнай пазіцыі і спрабаваў нават, праўда, без асаблівага поспеху, выйсці за межы сваіх паўнамоцтваў, калі выявіў жаданне зрабіць ціск на футбольных функцыянераў з УЕФА і ФІФА.

Жак Рагэ таксама надаваў пільную ўвагу пытанням судзейства. Пад яго націскам Міжнародны саюз канькабежцаў прыняў рашэнне аб змяненні сістэмы ацэнак у фігурным катанні. Акрамя таго, у шэрагу відаў спорту, напрыклад у фехтаванні, гім-

настыцы, было дазволена ў спрэчных сітуацыях выкарыстоўваць сістэму відэапаўтараў. Разам з тым ён цвяроза ацэньваў далейшыя тэндэнцыі развіцця алімпійскага руху і добра сабе ўсведамляў, што неабходна захаваць кампактнасць правядзення Гульняў пры 28 відах спорту з магчымасцю іх ратацыі і 10,5 тыс. атлетаў, каб такім чынам пазбегнуць залішняга цяжару ў арганізацыі Алімпіядаў для гарадоў-гаспадароў. Самую разнастайную дапамогу ад МАК, у тым ліку і фінансавую, пры яго актыўным удзеле атрымалі краіны, якія адносяцца да катэгорыі тых, што сталі на шлях развіцця. Алімпіяды сталі адбывацца на іншых кантынентах, а не толькі ў Еўропе. Менавіта з удзелам Жака Рагэ быў распрацаваны і далей рэалізаваны праект Юнацкіх Алімпійскіх гульняў, пра які ў свой час задумваўся яшчэ Хуан

Антоніа Самаранч са сваёй пілотнай спробай юнацкіх гульняў у Маскве ў 1998 г. За час прэзідэнцтва Жака Рагэ наймаверна павялічылася фінансавая стабільнасць алімпійскага руху, якая ўзрасла ў чатыры разы. Свае прыбыткі МАК накіроўвае не толькі на падтрымку дзейнасці Нацыянальных алімпійскіх камітэтаў, але і на дапамогу непасрэдна алімпійцам. Увогуле Жак Рагэ увесь свой тэрмін кіраўніцтва МАКам прытрымліваўся збалансаванай палітыкі, якая была накіравана на пазбаўленне істотнай розніцы паміж развітымі краінамі і тымі, якія сталі на шлях развіцця; на дасягненне ў спорце роўных правоў мужчын і жанчын; на тое, каб зрабіць спорт узорам для ўсіх [2].

У 1992 г. кароль Бельгіі Бадуэн узвёў Жака Рагэ да шляхецкага рангу, а ў 2002 г. кароль Альберт II надаў яму тытул графа.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Визитей, Н. Н. Спорт и идея олимпизма (философско-культурологический анализ проблемы) / Н. Н. Визитей, В. Г. Манолаки // Наука и спорт: современ. тенденции. – 2013. – № 1. – С. 57–68.
2. Рогге, Жак. Восемь лет кнута и пряника [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.championat.com/other/article-3084071-zhak-rogge-vosem-let-knuta-i-prjani-ka.html>. – Дата доступа: 15.04.2020.
3. Рогге, Жак. Биография [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.peoples.ru/sport/figure/jacques_rogge/. – Дата доступа: 09.09.2019.
4. Нуреев, Р. М. Эти разные Олимпийские игры / Р. М. Нуреев, Е. В. Маркин // Экон. вестн. Рост. гос. ун-та. – 2009. – Т. 7, № 3. – С. 10–28.
5. Ратнер, А. Б. Международное олимпийское движение в начале XXI века: перспективы развития / А. Б. Ратнер // Вестн. спорт. науки. – 2004. – № 1. – С. 17–20.
6. Сучилин, А. А. Идеалы Пьера де Кубертена и современное олимпийское движение / А. А. Сучилин // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. – 2012. – Т. 4 (68). – С. 68–71.
7. Сучилин, А. А. Трансформация идеалов и гендерных отношений в олимпийском движении / А. А. Сучилин, Л. И. Столярчук // Пед.-психол. и мед.-биол. проблемы физ. культуры и спорта. – 2016. – № 1 (38). – С. 220–230.
8. Ethics. International Olympic Committee. – Switzerland : International Olympic Committee, 2020. – 117 p.
9. International Year for Sport and Physical Education (2005) [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.unis.unvienna.org/unis/en/activities/year_of_sport.html. – Date of access: 11.05.2020.
10. Olympic Charter. International Olympic Committee. – Switzerland : International Olympic Committee, 2019. – 106 p.
11. Olympism and the Olympic Movement [Electronic resource]. – Mode of access: <https://still-med.olympic.org/media/Document%20Library/OlympicOrg/Documents/Document-Set-Te-achers-The-Main-Olympic-Topics/Olympism-and-the-Olympic-Movement.pdf>. – Date of access: 14.05.2020.
12. The International Olympic Committee. Ethics Commission [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.olympic.org/ethics-commission>. – Date of access: 20.05.2020.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 30.09.2020

УДК 316.61:177:005.334

Валерій Александровіч Максимовіч

д-р філал. навук, проф., зав. Цэнтрам філасофіі літаратуры і эстетыкі
Інстытута філасофіі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі

Valery Maksimovich

Doctor of Philology, Professor, Head of the Center for the Philosophy of Literature and Aesthetics
Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus

e-mail: valery.maximovich@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ РИСКИ И УГРОЗЫ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СФЕРЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Рассмотрены стратегические риски и угрозы в социокультурной сфере современного общества, существенно изменяющие формат взаимоотношений традиционного и глобального. Выявлены основные детерминирующие условия и предпосылки, напрямую влияющие на социокультурное самоопределение субъекта, процессы самоидентификации и самоопределения. Утверждается, что сохранение государственного, национального и культурного суверенитета в ситуации возникновения перманентных внешних вызовов и угроз создает надежные предпосылки для укрепления целостности и актуализации национального индивидуального начала, ориентированного на автономное решение при выборе путей дальнейшего развития.

Strategic Risks and Threats in the Sociocultural Sphere of Modern Society and Ways to Overcome Them

In the article, there are considered the strategic risks and threats in the sociocultural sphere of modern society that significantly change the format of relations between the traditional and the global. There were revealed the main determining conditions and prerequisites that directly affect the sociocultural self-determination of the subject, the processes of self-identification. It is stated that the preservation of the state, national and cultural sovereignty in the situation of permanent external challenges and threats creates reliable prerequisites for strengthening the integrity and actualization of the national individual principle, focused on autonomous decision when choosing the ways of further development.

В эпоху тотального нигилистического отрицания всех классических установок, развенчания классического способа теоретизирования, радикальных попыток создания нового типа культурфилософской рефлексии важно выработать такую позицию, которая бы не зиждилась на культе абсолютного реверса ценностей и позволяла бы найти возможность диалога с традицией прошлого. Тотальное отрицание не должно быть самоцелью в постижении культурно-исторической традиции. На всех этапах развития человечества неизменным оставалось желание постичь целостность пути, пройденного разными странами и народами, извлечь уроки из прошлого, так необходимые для настоящего и будущего. Вот почему сегодня стало таким насущным обращение к духовному опыту прошлого, к культурным приобретениям всех народов, поиски того надежного основания, что позволило бы выстроить онтологическую картину универсума, способную задать правильные ориентиры жизнедеятельности обществу в целом

и индивиду в частности. Только с опорой на культурно-историческую традицию, аккумулирующую в себе весь багаж знаний, духовный опыт, с опорой на диалог прошлого и настоящего открывается путь для постоянно творческого созидания смыслового поля культуры.

Основная задача, стоящая перед государством и обществом в сфере духовной культуры, – это обеспечение культурно-духовной и морально-нравственной безопасности граждан, защита значимых интересов личности и общества от внешних и внутренних вызовов и угроз. В этой области можно выделить несколько общих и взаимосвязанных противоречий и проблем, одним из наиболее значительных среди которых, по всеобщему признанию специалистов, является кризис духовно-нравственной сферы. Со временем он приобрел черты полномасштабной угрозы, проявляющейся в девальвации моральных стандартов и общего культурного уровня граждан, дегуманизации всех видов человеческой жизни, развитии деструк-

тивных социально-культурных явлений. Снижение общего морально-нравственного уровня делает государство и общество уязвимыми из-за опасности массового разрастания деструктивных и противоправных форм поведения, снижая общий уровень законности и правопорядка, стабильности и безопасности. Дальнейшее усиление кризиса в морально-нравственной сфере чревато рисками духовно-нравственной стагнации, деградации и дезинтеграции общества, утратой культурной самобытности, уникальности, неповторимости, снижением духовного потенциала нации. В самом широком смысле в ситуации морально-нравственного упадка общества и деформации каналов и механизмов трансляции культурно-духовного наследия, трансляции культурной памяти существует угроза утраты социокультурной идентичности всего сообщества. Ускоряющаяся глобализация и унификация всех сфер жизнедеятельности приводит к изменению функциональной роли и значимости институтов и агентов социализации, призванных воспитывать подрастающие поколения, транслировать культурное наследие и духовный опыт нации. Трансляция духовных ценностей молодому поколению и воспроизводство коллективных (социальных, политических, исторических и других) представлений осуществляется по двум основным векторам: вертикальному (через семью – межпоколенческий механизм передачи культурной памяти) и горизонтальному (через контролируемые государством образовательные учреждения и СМИ путем участия людей в текущих политических процессах). При этом в обоих форматах есть свои особенности. Трансляция социокультурных представлений и ценностей в рамках школы и СМИ осуществляется не в достаточно систематическом и целенаправленном режиме. В результате у молодежи не формируется целостная картина мира: в ней сосуществуют разнонаправленные и противоречивые установки и ценности, зачастую шаблонные, когнитивно невыразительные социально-политические и культурные представления. Обозначенные выше общие проблемы в культурно-духовной сфере влияют на все социокультурное пространство и повышают уязвимость государства, общества и конкретной личности в случае перерастания проблем и противоречий в полномасштабные угрозы.

Реалии современной действительности демонстрируют диалектическое отрицание сложившейся ранее системы норм и ценностей, создание нового образа высших ценностей бытия индивидуумов, общества в целом. Поливариативность и полярность интерпретаций ценностей в современном обществе несут четкие признаки процесса трансформации, характеризующегося изменением нормативно-ценностных ориентаций, духовно-культурной направленности личности, социальных общностей. Процесс трансформации нравственных ценностей детерминируется изменением социально-экономической структуры, моральным сознанием личности, общества и мира в целом. Это весьма нетривиальная трансформация социальной реальности. Она влечет за собой изменения в различных сферах человеческой жизни. Многие исследователи, в том числе Т. А. Бондаренко, уверены, что «в условиях все нарастающей виртуализации общества формируется личность с принципиально новыми социальными чертами и поведенческими проявлениями» [1, с. 37].

С учетом возрастания роли и значимости культуры в современном обществе исследователи все чаще начинают говорить о социокультурной идентичности, которая подразумевает самоотождествление себя с каждым субъектом с определенными идеями, ценностями культуры, определенным социальным стратом, национально-этническими убеждениями, верованиями, нормами жизни, позволяющими личности осознать свою социально-ценностную и эмоционально-психологическую значимость как члена определенной общности. П. А. Сорокин под «социокультурным» понимал все то, что «люди получают от других людей благодаря непрекращающемуся взаимодействию с культурой как носителем надорганических ценностей» [2, с. 17]. «Социокультурная идентичность есть элемент самосознания, проявляющийся в процедурах ощущения, осмысления и реализации субъектом своей определенности и непрерывности в процессах принятия, интериоризации и интраиоризации культурных моделей, транслируемых значимыми с его точки зрения социальными институтами, общностями, группами, отдельными субъектами», – отмечает М. В. Шакурова [3, с. 5]. В условиях открытости культурных границ и расширения информационных технологий, плюральности систем

ценностей и подходов, типов культурного поведения, перманентного «пребывания во все более расширяющемся поле неартикулированной реальности» возникает необходимость совершения собственного экзистенциального выбора, поиска путей личностного социокультурного самоопределения.

Под воздействием комплекса социокультурных и иных причин происходят ощутимые видоизменения в духовном статусе человека и обнаруживает себя процесс формирования новой идентичности. Порой это ведет к сильным личностным пертурбациям и даже к «потере себя» как крайнему выражению феномена утери самоидентификации. «Если человек находится в состоянии отчужденности от общества, тогда он близок к расщеплению в глубине своей сущности, в мыслях и действиях противостоит самому себе и окружению. Такой индивид лишается социальной поддержки, у него возникают проблемы в рефлексивном поведении, проявляющиеся в формах агрессивности, недоверия, подозрительности, алкоголизма, наркомании и прочее, ведущие к разрушению личности человека, отчуждению его от основной массы социума. В сложном наборе эмоциональных оценок в современном обществе нередко обнаруживаются негативные характеристики, включающие безразличие, обиду, отчаяние, страх, недоверие, фобию, ожесточение» [4]. В этой связи Ю. Левада отмечает, что «непременным условием существования человека в стабильной или, напротив, в бурно изменяющейся социальной обстановке является постоянное поддержание некоего эмоционального баланса» [5, с. 462].

Многие исследователи отмечают, что набирает силу процесс детрадиционализации, забвения, забывания традиций. Разрушение ценностно-нормативного аспекта традиций приводит к релятивизму или отрицанию вообще каких-либо норм человеческого общежития. Обнаруживает себя и «быстрая сменяемость социокультурных образцов, сокращение срока их действия и, как следствие, ускорение социокультурной динамики» [6, с. 6].

Под влиянием всех этих изменений попадает все общество, но наиболее восприимчивым к новым тенденциям становится молодое поколение. Ввиду того, что их культурные ценности до конца еще не сформированы, они чаще всего попадают

под угрозу трансформации духовно-моральных представлений, мировоззрения посредством как влияния СМИ и популярности новых медиа, так и использования новых информационных технологий. Открытость информационного пространства, которое проявляет себя через медиаресурсы, становится отличительной чертой современной культуры. При этом вседоступность информации, ведущая к нарушению морально-этических норм, формированию новой картины мира и установок, может стать результатом неразборчивого отношения ко всему информационному пространству. Это, в свою очередь, часто приводит к апокалиптическому настроению, ощущению завершенности истории, затерянности в мире, который воспринимается как чужой и враждебный. Современный человек, запутавшись в ценностях или не найдя их, оказывается в экзистенциальном вакууме. Традиционные и укоренившиеся ценности разрушаются, создаются новые, и далеко не каждый индивид способен распознать их положительное или отрицательное влияние на общество. Экзистенциальный вакуум связан со смыслообразующими ценностями: смыслом жизни, самореализацией и нравственным становлением жизни. Потеря ценностей ведет к поиску нового, а чаще – к бегству от действительности. Всеобщему обществу присущи растерянность, непонимание происходящего [1, с. 38].

Высказанное предостережение приобретает первостепенное значение и важность в условиях духовно-культурного кризиса, глубокой социальной дифференциации и поляризации, в корне изменяющих формат взаимоотношений традиционного и глобального. Возникает реальная опасность ослабления, а то и явной мутации социально-коммуникативных связей, разбалансирования механизмов, обеспечивающих устойчивость общественной системы, цивилизационных форм вообще. Отмечается резкая девальвация выработанных в процессе культурогенеза устойчивых социальных ценностей и норм. Их вольное или невольное игнорирование, отказ от них непоправимо влияют на внутреннее психологическое состояние человека, который, лишенный надежной духовной опоры, постепенно мимикрирует, свыкается с отсутствием твердого жизненного стержня, незаметно для себя приспосабливается к инертному образу

жизни, воспринимая свое состояние как объективную данность, и в конце концов деградирует, утрачивая самоидентичность.

Это обстоятельство во многом усложняет процесс сознательной самоидентификации субъекта в социокультурном пространстве современного мира, которое чаще всего описывается с использованием характеристик понятий «мультикультурность» (т. е. сосуществование множества альтернативных, нередко противоречащих друг другу матриц поведения и ценностного выбора) и «глобализм» (т. е. осознанное или неосознанное подталкивание субъекта к «типичному» выбору, не учитывающему конкретных условий его становления).

Структура социальных изменений нивелирует стремление человека к будущему и провоцирует «жить здесь и сейчас», не заботясь о последствиях как в социальном, так и в личном планах. Другим аспектом «вневременного времени» является социальная нестабильность, в условиях которой постоянно меняются контуры социального мира, общества и самого человека. В результате он оказывается лишенным будущего, поскольку теряет уверенность в завтрашнем дне, находясь в режиме свободного выбора и лишенный способности предвидения последствий своих решений. Он не застрахован от ошибок и одновременно не в состоянии предусмотреть, будут ли запланированные действия успешными, поскольку динамика социальной жизни настолько интенсивна и вариативна, что не позволяет прогнозировать возможные рискогенные факторы. «Неопределенность, колебания, отсутствие контроля над событиями – все это порождает тревогу. Эта тревога и представляет собой ту цену, которую приходится платить за новые личные свободы и новую ответственность» [1, с. 40]. Человек вынужден находиться в состоянии непрерывной тревоги, не имея возможности адекватно оценить ситуацию. В итоге свобода индивидуальности оказывается навязанной обществом, причем человек зачастую лишен возможности распоряжаться полученной свободой, объективировав и отказываясь от нее.

Состояние социума позволяет человеку самостоятельно создавать и корректировать жизненные цели и принципы, что приводит к уменьшению воздействия социальных норм и правил на структурирование новой индивидуальности. Оставшись один

на один с собственными нормами и правилами, человек оказывается исключенным из социальной общности и теряет жизненные ориентиры, следовательно, состояние общества в целом не учитывается им при составлении собственных жизненных планов. Происходит формирование девиантного поведения индивида: человек становится объектом собственного воздействия и, как следствие, теряет способность адекватно оценивать поведение других людей. Процесс трансформации индивидуальности в информационном обществе одним из своих последствий имеет социальную индифферентность одновременно с растворением человека как индивидуального существа в коммуникационной среде. Социальная индифферентность проявляется также в том, что в современном обществе снижается интерес рядовых граждан к политике, политической составляющей общества в целом, размываются политические убеждения, возникает феномен неразличимости политических задач, целей и программ партий, находящихся на различных полюсах политической жизни общества, снижается масштаб повседневного участия граждан в политических мероприятиях.

Феномен «вневременного времени» развивается из-за отсутствия социальной стабильности, непрекращающихся изменений индивидуальности и социума и заключается в исчезновении интереса к будущему: индивидуализированному человеку нет необходимости заботиться о завтрашнем дне, поскольку нет уверенности, что действия, предпринимаемые для его конструирования, окажутся успешными и значимыми. Поэтому даже на уровне подсознания возникает желание искать поддержку и защиту в стабильных ценностях предков, в исторической памяти, в неизменных, проверенных временем традициях, внушающих уверенность в завтрашнем дне, позволяющих чувствовать себя относительно защищенным, создавать и сохранять комфортную психологическую и духовную среду обитания. Соотнесение же себя с определенной общностью людей происходит в первую очередь через усвоение тех представлений, норм, ценностей, образцов поведения, которые входят в сложившееся исторически ядро культуры. К компонентам коллективной идентичности традиционно относят общее историческое прошлое, историческую память, непреходящие временные концепты,

гражданскую совесть, мифологические и религиозные доктрины, ритуалы, модели поведения и т. д.

Именно глобальные, не знающие государственных и этнокультурных границ угрозы, с которыми столкнулось человечество сегодня, обостряют ощущение исторической общности, стремление к самосохранению не только у биологических субъектов, но и у социальных групп, этнических, культурных общностей, которые видят в этом залог реализации своего права на историческую субъектность. В этой связи важно отметить, что в современном мире обнаруживается неподдельный интерес к корням, к традициям и обычаям предшествующих поколений. Причиной тому является нестабильность самого существования человека в ситуации перманентного развязывания международных конфликтов, войн, экологических угроз, смертельных вирусов, самой опасности возникновения ядерной войны.

Особое место в этом ряду занимает культурная память как «переживание», преломляющееся через индивидуальное сознание посредством вербальной или письменной трансляции индивидуального или коллективного опыта, выполняющего функцию «проводника» в системе культурных смыслов и формирующего надындивидуальную идентичность на протяжении многих поколений. В этой связи Р. Ю. Сабанчеев замечает: «Повествование играет в отношении культурной памяти особую роль. Рассказывание позволяет транслировать знаки прошлого и истолковывать их. В трансляции опыта происходит передача знаний и норм, являющихся регуляторами социальных отношений. В процессе истолкования знаков прошлого нарратив становится ключом к подлинному бытию предмета или любого другого источника, ключом к пониманию семиосферы культуры в целом... И при трансляции, и при истолковании рассказчик уже обладает экзистенциальным и интеллектуальным опытом, выстроенным на основе общения, что позволяет ему создавать культурную память определенной социальной группы» [7, с. 13].

С учетом этого место и роль духовных оснований общества приобретают особый национальный статус. Они являются не только первостепенным и чрезвычайно важным измерением культуры, но и выражают саму сущность человеческой культу-

ры. Это как бы регенерирующий, восстановительный ген культуры, призванный предохранять организм от поражения или амнезии отдельных ее частей и достраивать, возобновлять недостающие или отсутствующие сегменты. Полноценная реализация духовно-нравственного компонента личностного развития предполагает наличие определенных психологически заданных параметров, которые кристаллизуются, совершенствуются, получают свое развитие в процессе индивидуального становления, духовного роста, вовлечения в сеть социальных коммуникаций. По большому счету те же принципы следует применить и к социуму – коллективному субъекту духовно-нравственного развития. Стратегию этого развития необходимо рассматривать в тесной связи с предпосылками и факторами социальной эволюции во всей ее сложности и вариативности, исторической и социально-экономической обусловленности.

Принимая во внимание всю существующую многовекторность подходов и трактовок глобализации (иногда неоднозначных, а то и полярных), следует согласиться с тем, что человек в XXI в. не должен стать заложником, а тем более жертвой глобальных процессов, напрямую связанных с негативными проявлениями нивелирования, стандартизации личности как носителя индивидуального начала. Глобализация, как известно, создает угрозу человеческой идентичности или, иначе, сопряжена с идентификационными рисками, препятствующими аккумуляции определенно заданных ментальных, духовных и культурно-ценностных доминант. Вот почему проблему национальной идентичности следует отнести в разряд проблем особого стратегического значения. Д. Г. Шорманбаева в этой связи замечает, что «существует мощное противодействие единообразию, инородному влиянию, связанное с желанием сохранить специфику национальной культуры и языка. Тенденция к общему международному стилю жизни и более глубинная тенденция к возрождению культурно-языкового национализма не противоречат друг другу, они являются взаимозависимыми. Можно сказать, что, чем большее влияние народы мира оказывают друг на друга, тем более они будут стремиться к сохранению собственной национальной культуры» [8, с. 81–82].

Процесс активизации глобализационных и интеграционных процессов, возникновения новых транснациональных корпораций в условиях многополярного мира вызвал к жизни обратный интерес к национальной идентичности, коррелирующей с этническим самосознанием, коллективное желание развивать национальные формы общественной жизни, сохранять государство как культурно-историческую ценность, имеющую национально-ориентированное начало. Сохранение государственного, национального и культурного суверенитета в ситуации возникновения перманентных внешних вызовов и угроз создает надежные предпосылки для укрепления целостности и актуализации национального индивидуально-общественного начала, ориентированного на автономное решение при выборе путей дальнейшего развития. Это, в свою очередь, объективно служит подъему этнокультурного самосознания, что является красноречивым ответом на тенденцию унификации и универсализации.

В рамках идентичности «государствообразующей нации» в условиях многонационального и многоконфессионального государства, коим является Беларусь, наравне с титульной нацией имеет смысл говорить об отдельных, локальных принципах идентичности этнических групп с учетом их исторических, социальных, культурных, языковых, конфессиональных особенностей и условий проживания. Каждый народ или этническая группа считают себя достойными права обладания суверенитетом на самом высоком государственном и мировом уровне. И вне зависимости от того, соотносит ли человек собственные интересы с интересами общества, целью общественной жизни является сохранение целостности общества, поддержание стабильности его структуры. Это должно стать «альфой и омегой», основным регулирующим принципом выстраивания межнациональных и межкультурных отношений во имя достижения консенсуса и гармонического развития в условиях целостного государственного образования, способствующего единству и солидарности представителей разных этнических групп и религиозных конфессий. При этом каждая страна, каждое этнонациональное образование должны иметь четкую и ясную концепцию, идеологию, очерчивающую и транслирующую обществу курс развития страны, характер направленности внутренней и внешней по-

литики, задающей ценностную систему координат, смыслы существования на уровне общегосударственной идентичности.

Проблема национальной идентичности в глобализирующемся мире с учетом происходящих модернизационных изменений и путей задействования интеллектуального и духовно-культурного потенциала заслуживает особого внимания. Эти слагаемые напрямую влияют на вектор исследования «социально-философской проблематики национальной идентичности, который заключается в соотношении модернизации, обновления и перестройки образа жизни с одной стороны и его преемственности, ценностной непрерывности – с другой. Чем мощнее и разнообразнее будет поток предлагаемых общественных изменений и реформ, тем острее будет стоять вопрос о преемственности образа жизни; о сохранении или утрате нашей антропологической и культурной идентичности, о ценностных ориентирах национальной идентификации» [9]. Это происходит по той причине, что «национальная идентичность выступает как результат прошлого и одновременно как ангажированность в отношении будущего, формируется в процессе осмысления нацией своей истории, своего нынешнего положения и возможных и желаемых перспектив» [9].

На значимость национальной составляющей в жизни общества обращают внимание многие исследователи. Так, известный белорусский культуролог И. Я. Левяш в этой связи отмечает: «Этническое самосознание – это сложное и многофакторное морально-психологическое качество личности. Это духовно-мировоззренческий маркер, позволяющий человеку осознавать свою принадлежность к определенной этногенетической группе народа, родство и общность этнокультурного происхождения. Этническое самосознание имеет не только внешнюю, но и внутреннюю глубинную сущность, которая закодирована и закреплена на генетическом уровне и может проявляться через столетия. Его трудно разрушить, о чем убедительно свидетельствует опыт белорусской нации. Белорусский народ вопреки, а не благодаря огромным испытаниям, которые выпали на его долю в его исторической судьбе, смог сберечь и пронести через столетия внутренний духовный родник и лучшие качества, позволившие обрести национальную государственность» [10, с. 27]. Социокуль-

турные и духовно-нравственные начала жизни общества отнесены ученым к мощным духовным источникам – факторам самобытности народа, осознания им своей роли в мировом цивилизационном процессе. По его глубокому убеждению, «все это требует сохранения, изучения и постоянной трансляции историко-культурного наследия белорусского народа, исключительно бережного отношения к памяти его лучших представителей» [10, с. 28].

Интерес к этнической культуре, безусловно, влияет на обогащение национальных культур и построение идентичности. Популяризация языка, традиций, мировоззренческих установок титульной нации оказывает действенное влияние на внутреннюю гармонию и стабильность культуры. Большую роль в культивации национального единства могут сыграть историко-культурные ценности, художественно-эстетические коммуникативные паттерны, формирующие генетический код культуры и исторически являющиеся доминантой национальной идентичности.

Система ценностей играет в этом процессе определяющую роль, потому как в условиях социокультурных трансформаций общества соотнесение себя с определенной общностью людей происходит в первую очередь через усвоение тех представлений, норм, ценностей, образцов поведения, которые входят в сложившееся исторически ядро культуры, способствуя объединению и сплочению общества. Это, в свою очередь, позволяет выделить в культуре те позитивные «данности», «объектности», которые способствуют духовному развитию и совершенствованию личности и общества и восприятию ценностей не только как абстракций, закрепленных культурой, но как результата и процесса индивидуально-личностной рефлексии и оценки бытия. Отмеченное обстоятельство представляется чрезвычайно важным в ситуации развертывания трансформационных социокультурных процессов, изменяющих традиционные формы идентичности и ставящих под сомнение субъективное ощущение самоидентичности, сформированной в рамках прежней традиции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондаренко, Т. А. Трансформация личности в условиях виртуальной реальности / Т. А. Бондаренко. – Ростов н/Д. : Издат. центр ДГТУ, 2006. – 51 с.
2. Сорокин, П. А. Структурная социология / П. А. Сорокин // Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин ; под ред. А. Ю. Соколова. – М. : Политиздат, 1992. – С. 156–190.
3. Шакурова, М. В. Педагогическое сопровождение становления и развития социокультурной идентичности школьников [Электронный ресурс] : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.01 / М. В. Шакурова. – М., 2007. – 361 л.
4. Салихов, Г. Г. Проблема идентичности в условиях глобализации [Электронный ресурс] / Г. Г. Салихов // Век глобализации. – 2015. – № 1 (7). – Режим доступа: www.sociopauki.ru. – Дата доступа: 07.04.2020.
5. Левада, Ю. От мнений к пониманию. Социологические очерки. 1993–2000 / Ю. Левада. – М. : Моск. шк. полит. исслед., 2003. – 574 с.
6. Гуляев, С. Б. Влияние СМИ на социокультурную динамику в современном российском обществе [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.06 / С. Б. Гуляев. – М., 2009. – 169 с.
7. Сабанчеев, Р. Ю. Культурная память как нарративный феномен (герменевтические аспекты) / Р. Ю. Сабанчеев // Вопр. философии. – 2020. – № 12. – С. 10–14.
8. Шорманбаева, Д. Г. Адаптация личности в условиях социокультурной трансформации общества [Электронный ресурс] : дис. ... д-ра филос. наук / Д. Г. Шорманбаева. – Алматы, 2014. – 180 л.
9. Батырев, Д. Н. Проблема национальной идентичности в глобализирующемся мире [Электронный ресурс] / Д. Н. Батырев. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/problem-natsionalnoy-identichnosti-v-globaliziruyuschemsya-mire#ixzz6H4HfQDci>. – Дата доступа: 19.03.2020.
10. Интеллектуальный капитал и потенциал Республики Беларусь / Е. М. Бабосов [и др.] ; науч. ред. И. Я. Левяш. – Минск : Беларус. навука, 2015. – 387 с.

УДК 130.2+165.9

Наталья Анатольевна Никонович

канд. филос. наук, доц., ст. науч. сотрудник

Центра историко-философских и компаративных исследований
Института философии НАН Беларуси**Natalia Nikonovich**PhD in Philosophy, Associate Professor, Senior Researcher
of Center for Historical, Philosophical and Comparative Studies
Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus
e-mail: ol_ra@list.ru**ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФИГУРАТИВНОСТЬ
РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
КАК ОБЪЕКТ ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
(М. ЭЛИАДЕ И ДЖ. КЭМПБЕЛЛ)**

Представлен теоретический анализ двух наиболее значительных парадигм в современной философии мифа и религиоведении: мифо-онтологической парадигмы М. Элиаде и феноменологически-экзистенциальной парадигмы Дж. Кэмпбелла. С точки зрения различных концептуальных подходов исследуется природа мифа, его сущность и спецификации. Рассматривается парадигмальная проблема методологии исследования мифологических и религиозных культур, конфигуративность современного религиозно-мифологического дискурса, аналитико-теоретическому исследованию культурологического измерения мифо-религиозных феноменов, экспликации сущности мифологической эпистемы в ее имманентно-трансцендентных модусах. Представлена дефиниция подхода Дж. Кэмпбелла как экзистенциально-феноменологической концепции в современной философии мифа и религии. Исследованы возможности феноменологии религии для анализа и постулирования типологии и методологии культуры, рассмотрен когнитивный – эпистемологический и культурологический – потенциал современных религиоведческих концепций. Показано, что религиоведческий дискурс М. Элиаде может быть метатеорией, базисом новой методологии культуры, создания нового способа культурной дифференциации и классификации. Представленная методология также связана со сравнительным, кросс-культурным и междисциплинарным анализом сущности религиозных форм и их манифестации в культуре.

**Epistemological Configurability of Religious-Mythological Discourse
as an Object of Philosophical and Cultural Analysis (M. Eliade and J. Campbell)**

There was presented the theoretical analysis of the two most significant paradigms in modern philosophy of myth and religious studies: M. Eliade's myth-ontological paradigm and J. Campbell's phenomenological-existential paradigm. The nature of the myth, its essence and specifications are studied from the perspective of different conceptual approaches. The paradigm problem of the methodology of studying mythological and religious cultures, the configurability of modern religious and mythological discourse, analytical and theoretical research of the cultural dimension of mythological and religious phenomena, explication of the essence of the mythological episteme in its immanently transcendental modes are considered. The article presents the definition of J. Campbell's approach as an existential-phenomenological concept in modern philosophy of myth and religion. The possibilities of the phenomenology of religion for the analysis and postulation of the typology and methodology of culture are investigated, the cognitive-epistemological and culturological-potential of modern religious concepts is considered. It is shown that M. Eliade's religious discourse can be a metatheory, the basis of a new methodology of culture, the creation of a new way of cultural differentiation and classification. The presented methodology is also associated with a comparative, cross-cultural and inter-disciplinary analysis of the essence of religious forms and their manifestation in culture.

Введение

Актуальность темы данной работы определяется потребностью современного гуманитарного знания в исследовании современных культурных модификаций, анализе и синтезе научных парадигм и подходов в области философии и методологии

религии. Трансдисциплинарный подход, который осуществлен в работе, позволяет эксплицировать новые измерения в таких областях гуманитарного знания, как культурно-философские и религиоведческие парадигмы. Данный подход открывает новые курсы осмысления как онтологического, так

и религиозного модусов бытия человека и культуры. Значимость исследуемых проблем также связана с постулированием новых подходов и концепций гуманитарного знания, новым пониманием бытия культуры и религии в ее рефлексивных и нерелексивных элементах. Моделирование культурных процессов представляет собой сложную задачу, которая должна учитывать бифуркационные факторы цивилизационной динамики, разновекторность развития культурных форм. Эти проблемы носят многоплановый характер и охватывают сферу многих гуманитарных наук. Важной задачей является разработка механизма взаимодействия и развития различных сфер культуры в ее философско-онтологическом, религиозном и феноменологическом измерении, реализованная посредством конвергенции таких дискурсов, как современные подходы в философии истории и культуре, аналитическое исследование культурного и религиозного бытия. Новизна результатов исследования состоит в разработке теоретических основ структурно-системного взгляда на культуру, религию и ее составляющие, аналитическом исследовании философии и онтологии смыслового поля культуры, создании онтологической культурфилософской концепции в контексте приоритетных методологических подходов. Выдвигается мысль о том, что рассмотрение в рамках культурологической парадигмы вопросов религиозной антропологии, феноменологии религиозного сознания и бытия является теоретическим базисом для решения проблемы онтологии субъект-объектных модусов культуры и выработки современных междисциплинарных стратегий, которые расширяют границы современных культурологических исследований.

В представленной статье вектор научного исследования направлен на проблеме методологии исследования мифологических и религиозных культур, эпистемологической конфигуративности современного религиозно-мифологического дискурса, на аналитико-теоретическом исследовании культурологического измерения мифо-религиозных феноменов, экспликации сущности мифологической эпистемы в ее имманентно-трансцендентных модусах. В контексте тематики и проблемного поля статьи представляется целесообразным осуществить

анализ сущности и форм мифологического и религиозного сознания, эксплицировать методологические вопросы исследования различных типов культур. Субстанциальный анализ методологического и эпистемологического потенциала стратегий исследования мифа и религии, теоретических проблем анализа мифологических и религиозных культур позволяет создать многомерную и интердисциплинарную картину современного религиозоведческого и культурологического знания.

Теоретико-методологической основой исследования является ряд концепций современного гуманитарного познания в области сравнительного религиоведения, философии и теории мифа, философии, онтологии и эпистемологии культуры. Это работы прежде всего представителей современных парадигм философии мифа – М. Элиаде и Дж. Кэмпбелла [1–7], а также работы, репрезентирующие современные концептуальные подходы (К. Хьюбер, М. Томпсон, Б. А. Литтл, С. Ф. Панкин, Г. П. Тульчинский, Д. В. Пивоваров, Т. В. Малевич, А. Н. Красников, Л. М. Гаврилина, Е. С. Элбакян, В. М. Межуев [8–16] и др.).

Когнитивный потенциал данных теорий нуждается в теоретической аппликации. В работе использовался метод анализа и синтеза, системный и структурно-функциональный анализ, общелогические методы исследования.

Осуществляя анализ результатов исследований в данной области, можно констатировать достаточную степень разработанности культурологических, онтологических, методологических аспектов религиоведческого дискурса в современной гуманитарной науке. Осмысление проблем современной философии культуры и религии содержится в работах ряда авторов, однако проблема коррелятивности структурных и системных составляющих культуры в контексте современных проблем методологии гуманитарного познания недостаточно освещена в научной литературе. При этом остаются неисследованными вопросы современного культурологического дискурса в контексте междисциплинарного синтеза культур-исторического и аналитико-философского подходов, конструирования новых подходов к исследованию феноменологии культурно-религиозного бытия, концеп-

туализация и верификация проблем эксплицируемости культурных феноменов во взаимосвязи ее рациональных и иррациональных элементов.

Представленная в статье многомерность и интердисциплинарность современных философских и религиоведческих концепций в контексте проблем философии культуры позволяет по-новому рассматривать такие сложные феномены, как миф и религия. Выявление системной и структурной взаимосвязи религиозной философии и феноменологии с культурой, культурными бифуркациями и трансформациями является новым подходом в гуманитарной науке. Исследование онто-феноменологического измерения религии способствует экспликации генезиса и развития культурных форм, взаимосвязи религиозных и культурных констант. Этот подход открывает новые ракурсы рефлексии как над онтологическими, так и персоналистическими модусами культурной реальности. Трансдисциплинарный синтез позволяет эксплицировать новые подходы к социально-культурному и личностному бытию.

В данной статье предлагается исследовать культуру, миф и религию как объекты научно-философского анализа в контексте смены парадигм современного мышления и механизмов культурных модификаций. Эта идея связана с необходимостью трансдисциплинарного исследования культурных феноменов в их сложных, многомерных смысловых и когнитивных связях с учетом бифуркационной динамики. Как мы показывали в наших предыдущих работах [17, с. 216], онтологическая и эпистемологическая размерность философии истории и культуры отражают динамику картины мира в ее субстанциальном и интересубъективном ракурсах. В силу этого представляется значительной проблема прояснения оснований смысловой культуры в контексте проблем ее онтологии и эпистемологии, экспликацию концептуальных элементов исторического, культурфилософского и религиоведческого познания. В статье рассматриваются субъект-объектные модусы религии, проблемы религиозной антропологии, феноменологии религиозно-культурного сознания в их связи с проблемами методологии гуманитарного познания. Синтетический подход к проблеме философского

осмысления религиозно-культурного бытия позволяет эксплицировать как философско-историческую, так и онтологическую размерность смысловой культуры. Исследование сложных форм культуры, взаимосвязи ее различных сфер является задачей как методологии, так и теории культуры.

Теоретический анализ конфигуративности современного мифологического дискурса (Дж. Кэмпбелл)

В нашем монографическом исследовании, очерчивая контуры мифологической картины мира, мы писали о том, что она инкорпорирует мифологическое созерцание, мифологическую эпистему (способ мифологического познания) и социальное действие, базирующееся на мифологическом познании [18, с. 93]. Под мифологической эпистемой подразумевается корпус мифологических знаний. В связи с вычленением структуры мифа следует отметить трудности, возникающие из-за значительных отличий картины мира исследователя и мифологической картины мира как объекта исследования. Это тот случай в философской науке, когда предельная удаленность во времени рассматриваемой культуры не позволяет реципиенту выстраивать ее адекватный образ.

Дж. Кэмпбелл является значительным современным исследователем природы и сущности мифов. Здесь мы рассмотрим его мифо-аналитический подход применительно к обозначенной нами проблеме мифологического знания/эпистемы. На наш взгляд, Кэмпбелл принадлежит к числу тех авторов, в концепции которых представлены тенденции ремифологизации в современной теории мифа и религиоведении. В белорусской науке не существует точной дефиниции его подхода, и в наших работах мы обозначили его как *экзистенциально-феноменологическую концепцию* в философии мифа и религии. Также можно говорить о *психофеноменологическом* измерении мифа в его работах; в модели Дж. Кэмпбелла представлены экзистенциально-трансперсональные основания. Перманентная тема его теоретической рефлексии – индуцирование идеи о связи мифа и личностного измерения человеческой жизни. Операционализация и теоретизация доминантных мифологем, мифологических образов и символов лежат в

плоскості как культурных эманаций, так и динамического взаимодействия с внутренним «Я». В аналитике мифов Дж. Кэмпбелла представлен глубинный экзистенциально-феноменологический вектор исследования мифов как психологического субстрата и реальности. В некоторой степени идеи Кэмпбелла детерминированы влиянием аналитической психологии К.-Г. Юнга, что не нивелирует автономность и глубину его подхода. Следует отметить, что влияние К.-Г. Юнга претерпел и Э. Нойманн, другой известный ученый-мифолог.

Дж. Кэмпбелл наряду с М. Элиаде является одной из магистральных фигур в современной теории мифа и мифологической компаративистике, как мы можем обозначить данное направление исследований. Так, например, в диалогической работе Кэмпбелла «Сила мифа», которая представляет собой его беседы с Б. Мойером, представлено рассмотрение комбинаций смыслов мифов и их персоналистическая функциональность.

Если обратиться к дефиниции такой метакатегории, как миф, в работах Кэмпбелла можно найти следующее определение: «Мифы – это метафоры духовной потенции человека; та же самая сила, которая является и источником нашей жизни, и источником жизни мира» [7, с. 11]. Онтологичность мифа связана с персоналистическим измерением: «Человек должен найти в мифе тот аспект, который имеет непосредственное отношение к его собственной жизни» [7, с. 13]. Выдвигая постулат о «транстеологической идее», Кэмпбелл задает новый вектор интерпретации. Представление об универсальном характере мифа сближает подходы Дж. Кэмпбелла и М. Элиаде. Можно также отметить сходство концепций К.-Г. Юнга и Дж. Кэмпбелла, которое заключается в представлении о том, что миф генетически связан с глубинами сознания. Размышляя о трансцендентном и Боге в контексте сравнения библейской истории и мифов о творении, американский исследователь замечает: «Я и ты, это и то, правда и ложь – у всего есть своя противоположность. Но мифология предполагает, что за этой двойственностью существует сингулярность, и все это напоминает игру теней... Источником брэнной жизни является вечность. Вечность проливается в мир. Основ-

ная мифологическая идея заключается как раз в присутствии божественного в нас... Чтобы отождествить себя с этим божественным, бессмертным аспектом себя, нужно идентифицироваться с божественным началом. Вечность выходит за рамки каких-либо умозрительных категорий. Это важный момент во всех великих восточных религиях. Мы хотим думать о Боге. Бог – это мысль. Бог – это имя. Бог есть идея. Но идея Бога отсылает нас к тому, что лежит за гранью любого познания. К великой тайне бытия неприложимы категории мышления» [7, с. 18]. В концепции Дж. Кэмпбелла аналитика мифа в методологическом отношении эквивалентна религиозному подходу. Миф трансцендентен, как и идея Бога для религиозного сознания. Дж. Кэмпбелл, ссылаясь на М. Экхарта, предлагает «оставить Бога Богу, отказаться от своего представления о Боге, чтобы почувствовать Бога, который находится вне всякого понимания» [7, с. 18]. Миф предстает как «способ переживания этого мира и соединения с трансцендентными аспектами бытия, которые наполняют и нас» [7, с. 19]. Проблематизация мифа лежит в плоскости обретения единства, базовой мифологической идеи многих культур. Миф предстает феноменом, по своим типологическим свойствам сходным с религией. Поиск субстанциального единства – это также тема мифов, исследуемая американским теоретиком мифа. Космогонические мифы Кэмпбелл анализирует посредством понятия эманации. Его мифологическая рефлексия содержит идею о том, что «все мы произошли из некоей единой основы бытия и стали проявлениями этой основы в пространстве и времени. И это пространство времени похоже на игру теней, разворачивающуюся над абсолютным безвременьем. И человек играет в эту игру теней, воспроизводя со всей мощью роль той противоположности, которая досталась ему» [7, с. 20]. Экспликацию внутреннего/интериорного измерения как мифологического, так и религиозного начала можно проследить на рассматриваемых Дж. Кэмпбеллом историко-культурных и религиозных примерах.

Несмотря на детальную спецификацию понятия мифа в его работах, остается открытым вопрос о средствах и методологическом инструментарии его анализа. В не-

котором отношении миф имеет ту же природу, что и религия: обладает модусами трансцендентности и сакральности. Это не однопорядковые, но рядоположенные феномены, и в силу этого к ним применим религиозоведческий инструментарий. Проблема заключается в том, что «Слово “Бог” на самом деле означает как раз то, что недоступно нашему пониманию, однако слово само по себе подразумевает мышление» [7, с. 23].

Следует отметить, что в анализируемых нами концепциях (М. Элиаде, Дж. Кэмпбелла) отсутствует социологический и экономический редукционизм в стиле Э. Дюркгейма или К. Маркса. Данные религиозно-мифологические подходы имеют предпосылки для создания многомерных культурно-ориентированных концепций, теоретическим базисом которых является исследование мифологического начала на всех уровнях: сознательном, бессознательном, на уровне культурных детерминант и культурной памяти, где сохраняются и транслируются мифологические матрицы. Вышеназванные подходы конструируют поливариантную картину функционирования мифов, где миф понимается как путь к индивидуации и самости. В современных мифологических парадигмах имеет большое значение экзистенциальное измерение мифов – миф является генерирующей новые смыслы доминантой человеческого сознания. Классическим примером здесь может быть мифологема возвращения/путешествия героя, артикулируемая в концепциях Дж. Кэмпбелла, М. Элиаде, представителя современного трансперсонального подхода П. Ребилло. Это прежде всего возвращение к истокам своего «Я», модифицирующее и трансформирующее человеческую природу. «“Путешествие героя” разворачивается вокруг темы героя и его двойника – демона сопротивления. Оно состоит из ряда точно отмеренных испытаний, которые, если человек рискует их пройти, высвобождают творческое самовыражение и, таким образом, создают более широкую основу для полной самореализации» [19, с. 334].

Философские взгляды Дж. Кэмпбелла сфокусированы на проблеме расширения сознания до метаантропологического уровня. Мы можем заметить, что в теоретической модели мыслителя присутствует архетип трансформации – реминисценции аналитико-

психологической парадигмы К.-Г. Юнга. В концепции Кэмпбелла миф инкорпорирован в жизненные матрицы и является смыслообразующим элементом, обладая при этом трансцендентными модусами. В своей философско-мифологической рефлексии Кэмпбелл обращается к проблеме принятия – отторжения мира, онтологии временного и вечного: «Вечность – это не то, что наступит. Вечность – это даже не очень долгое время. Вечность не имеет никакого отношения ко времени. Вечность – это измерение “здесь и сейчас”, которое исключает какие-либо категории времени» [7, с. 26]. Здесь мы можем увидеть глубинную экзистенциально-антропологическую интерпретацию сущности мифа: «Миф служит двум целям: интегрировать человека в этот мир – и это как раз функция народных историй, – а затем помочь ему уйти из мира. В представлениях народа как бы раскрывается элементарная архетипическая идея, которая призывает обратить взор на внутренний мир» [7, с. 26]. Это и интенция на преодоление временности, и размышление о темпоральном и внетемпоральном. Жизнь и смерть предстают вариативными и трансформирующимися. Американский исследователь проводит культурно-исторические параллели между мифологическим и мистическим опытом, которые становятся когерентными. Мы можем предположить, что основное различие заключается в большей связи мифологического сознания с бессознательным. Среди различных определений, которые мы можем обнаружить у Дж. Кэмпбелла, существует следующее: «Движение – это время, неподвижность – вечность. Прожить этот момент вашей жизни как момент вечности и ощутить вечность в реальности текущего момента – это называется мифологическим опытом» [7, с. 33]. И для М. Элиаде, и для Дж. Кэмпбелла характерно схожее понимание Центра мира, который трансформируется в метафизическое значение личностного, персоналистического центра.

Мы эксплицировали идеи Дж. Кэмпбелла относительно ключевых культурно-мифологических доминант. Их анализ достаточно рельефно показывает как сходство, так и различие мифологического и религиозного типов мировоззрения. Сакрализация субстанциальных констант присуща в основном мифологической эпистеме, что обозна-

чено нами как ее имманентно-трансцендентные модусы. Религиозное сознание в своих основных манифестациях направлено на сферу трансцендентного. Однако для теоретического подхода анализируемого нами автора характерно минимальное дистанцирование сфер мифологического и религиозного: «И иконы, и наскальная живопись говорят об одном и том же. Форма вторична. Первостепенно само послание... Рисунки в пещерах говорят о том, как высшие силы проявляют себя во времени и что каким-то образом это можно ощутить в этом месте» [7, с. 30]. Мифология предстает также как способ трансформации мира.

Теоретические конфигурации дискурса Дж. Кэмпбелла инкорпорируют компаративную аналитику мифа, экзистенциально-антропологические и онтологические модусы. Доминантой в его воззрениях является идея когеренции архетипического и персоналистического начал в структуре мифа.

Подход Дж. Кэмпбелла отражает поливариативность комбинаций и многомерность интерпретационных стратегий, существующих в феноменологии и философии мифа и религии, начиная с феноменологии религии Р. Отто, концепции анимизма Э. Тэйлора и др. Мы можем отметить, что дисциплинарный статус подхода американского мыслителя обоснован в том числе аналитической психологией К.-Г. Юнга.

Когнитивно-эпистемологический потенциал религиозных концепций в формировании новой методологии культуры

Постулируемая нами тема исследования подразумевает когерентный анализ как методологических проблем исследования мифо-религиозных матриц, так и их экспликацию в смысловом поле культуры. В данном разделе статьи исследуется когнитивный – эпистемологический и культурологический – потенциал современных религиозных концепций для развития целостного взгляда и недуалистической концепции культуры, выдвижения новых подходов в ее методологии. В этом контексте имеют значение современные тенденции развития стратегий философии и феноменологии религии. Как отмечает Г. Е. Шкалина в своей статье «Мифологические основания культуры», «мифологическая культура всегда

строится из символических форм и утверждает идею о неуничтожимости жизни» [20, с. 168]. Автор полагает, что возникновение представлений о мифе «как форме бытия» датируется XIX в., однако мы можем отметить, что наиболее глубокое понимание этого мы находим в трудах классической и неклассической феноменологии религии XX в.

Связь мифа и ритуала в культуре, на которой делают акцент некоторые исследователи, не является достаточной для интерпретации особенностей мифологических культур, так же как и психологические подходы. Важным вопросом является разработка стратегии, видоизменяющей наши представления о культуре и основанной на возможности теоретической экстраполяции достижений культурантропологической, религиозно-феноменологической и других школ на культурологический дискурс.

Специфика изучения разновидности культур, которые мы обозначаем как мифо-религиозные, требует своего инструментария и методологии исследования. Является важным вопрос анализа этих культур, их смысловой сферы «изнутри». Инкорпорирование религиозно-феноменологической стратегии в сферу культурфилософских исследований позволяет наметить контуры и ключевые идеи нового понимания культуры.

В контексте темы исследования представляется целесообразным обратиться к религиозноведческим исследованиям известного западного религиоведа XX в. М. Элиаде. В наших предыдущих работах мы определили пути использования ряда религиозноведческих идей М. Элиаде для создания новой концепции и типологии культуры, инкорпорирующей, помимо общезначимых констант, категорию «сакральное» как методологическую матрицу. Нами была постулирована идея о теоретико-методологическом и культурфилософском использовании идей М. Элиаде для анализа религиозных и культурных модификаций. Идеи М. Элиаде могут рассматриваться в качестве метатеории, а также методологии гуманитарно-религиоведческого знания. В работах М. Элиаде представлен феноменолого-онтологический ракурс религиозноведческих проблем. Можно констатировать возможность синтеза мифо-онтологического, аналитико-психологического и трансперсонального подходов. Кор-

релятивность содержания элементов мифа, культуры и бессознательного позволяет сделать вывод о том, что архетипы обнаруживают себя как в субстанции культуры, так и в сознании (бессознательном). Из этого следует возможность конституирования нового подхода к проблеме мифо-религиозного сознания: оно имеет как психологическую, так и онтологическую природу. Религиозная онтология М. Элиаде имеет значительный культурфилософский потенциал в разработке стратегии определения детерминант формирования различных форм идентичности. Использование дихотомии М. Элиаде «сакральное – профанное» способствует прояснению динамики взаимодействия сакральных и профанных элементов в культуре. Подход М. Элиаде дает основания для построения многомерной модели культуры, инкорпорирующей такие ее составляющие, как миф, религия, религиозная антропология. Масштабный синтез, предпринятый М. Элиаде, дает основания для постулирования взаимосвязанной онтологии сознания и онтологии культуры. Бытийственность для М. Элиаде – это возвращение как к истокам культуры, так и к основаниям человеческого бытия. Значение междисциплинарного синтеза М. Элиаде заключается в том, что он интегрирует теорию мифа, философию религии и религиозную антропологию. На основании его идей можно построить недуалистичную модель культуры, в которой существует когеренция личностного и надличностного начал. Идеи М. Элиаде позволяют по-новому взглянуть на природу религиозного опыта и могут быть основой мультидисциплинарных исследований [18]. Это также методологический базис для создания метатеории.

М. Элиаде отмечает, что термин «религия» в первую очередь имеет отношение к опыту сакрального и, следовательно, связан с идеями бытия, значимости и истины [2, с. 15]. Исследуя онтологию и феноменологию мифо-религиозного опыта, мы предложили использование термина «онтология сакрального», что акцентирует внимание как на субстанциальных, культурологических, так и субъект-религиозных модусах. Многомерность подхода М. Элиаде к спектру религиозных и культурфилософских проблем может быть фундаментом постулирования феноменологической концепции

мифо-религиозных культур. Как отметил он в работе «Ностальгия по истокам», «реальное и значимое осознание мира связано с открытием сакрального» [2, с. 15]. И далее: «Быть... или... становиться человеком – значит быть “религиозным”» [2, с. 16]. Эти идеи закладывают фундамент нового взгляда на природу человека, новой антропологии и феноменологии. Известный религиовед пишет об изменении «экзистенциальной ситуации» и «новом гуманизме», преодолевающим «культурный провинциализм»; применительно к исследованию культуры это означает и новую онтологию, понимание культуры как поливариативности смыслов ее кросс-культурного измерения. Отсутствие редукционизма сближает подход М. Элиаде с предшествующими концепциями, в частности, Г. Ван дер Леува и Р. Отто, которые стремились к исследованию чистых религиозных форм. В методологическом отношении имеет значение используемый Элиаде термин «парарелигиозный опыт», объединяющий различные формы мифологического и религиозного трансцендирования культуры. Хотя мы можем говорить о сакральном базисе культуры, здесь имеет значение также и внутреннее, экзистенциальное измерение культуры. Мы можем привести замечание мыслителя: «Для «религиозных» данностей характерен свой способ бытия: они существуют в своем собственном плане внутренних соотношений, в своем особом универсуме» [2, с. 25].

Таким образом, мифологические и религиозные культуры обладают подобным собственным специфическим универсумом, континуумом, что является объектом и предметом методологии исследования сакральных культур, развиваемой нами. Подобная методология фундируется идеей Элиаде о «демистификации наизнанку: открытию за профанным сакральным». Методология исследования мифологических и религиозных культур может включать в себя теоретические константы феноменологии религии, герменевтический способ интерпретации (то, что М. Элиаде называет «творческой герменевтикой сакрального»), кросс-культурный анализ. Диахронный и синхронный анализ, используемый в исторической и культурологической науках, может быть дополнен онто-феноменологическим.

Корпус знанняў па сравнительнай міфалогіі і рэлігіяведэнню, які сістэматызаваны М. Эліаде, патрабуе тэарэтычнай эксплікацыі і осмыслення. Прадставленыя ім даследаванні мадыфікуюцца як тэндэнцыі сучаснай культурантропалогіі, так і філасофіі культуры і рэлігіі, паколькі змяшчаюць пралегомыні новага, трансраціоналістычнага погляду на свет, культуру, самаць, ці, па словах самога мысліцеля, «анталогічныя мутацыі экзістэнцыяльнага рэжыма» [2, с. 143]. Глыбінны сэнс міфалогічнай, рэлігіяведчай і культурфіласофскай рэфлексіі М. Эліаде заключаецца ў тым, што пранікненне ў матрыцу міфа і рэлігіі здольна расшырыць экзістэнцыяльныя і анталогічныя гарызонты сучаснай культуры. Ён прэпаруе гістарычны кантэкст інтэрпрэтацыі міфа: змяшчэнне міфа прэстае большамерна анталогічным абразаваннем, чым яго нарратыв.

Прадуктыўнаму аналізу рэлігіі і культуры можа спосабаваць дыхатомія М. Эліаде «сакральнае – прафаннае», якая дапамагае эксплікаваць дынаміку взаімапераходу сакральнага і прафаннага элементаў у культуры. Ісходзячы з гэтага, можна канстатываць, што дамінанта рэлігійнасці з'яўляецца перманентнай у розных тыпах грамадстваў, маючы латэнтны або яўны характар. Іспанскі даследавальнік Хуан Лукас Хернандэс у сваёй працы «Фэнаменалогія і філасофія рэлігіі» адзначае, што «мы можам гаворыць аб затмненні рэлігійнага, але не аб яго закате і смерці (*podrá hablarse de eclipse de lo religioso, pero no de ocaso y de muerte*)» [21, р. 9]. Пры гэтым варта зазначыць, што, згодна канцэптуальным пазыцыям ідэй М. Эліаде, цыклічнасць і спіралевіднасць развіцця рэлігійнага пачатку звязана з яго перманентнасцю. Нягледзячы на цыклічнасць яго з'яўлення, яно прысутствуе ў культуры ў розных стадыях яе развіцця, характэрныя рознай ступенню інтэнсіўнасці маніфестацый. Даследаванні М. Эліаде паказваюць: базавая рэлігійная канстанта, праходзячы стадыі свайго развіцця, ў трансфармацыйных змяненнях не элімінаваецца поўнасьцю.

Эсплікацыя данай праблематыкі можа спосабаваць выработку новага погляду на культуру, асобнасць і сацыум, у

аснове якога ляжыць прадстаўленне аб шматмернай, культурантропалогічнай размернасці свядомасці. У даным кантэксте культурныя каштоўнасці можна разглядаць як взаімазавісмыя ад прадукцыруемых культурой сэнсы. Аналіз варыятыўнага характэра каштоўнасцей падразумевае з'яўленне іх взаімадапаўняльнага і кантэрапазіцыянальнага характэра, спецыфіку іх звязі з глыбіннымі асновамі культуры. Ісходзячы з поглядаў М. Эліаде, гістарычны працэс можна прадставіць як чараводанне прафаннага і сакральнага элементаў у культуры, пры гэтым духоўна-сакральнае пачаток не бывае вытэснена поўнасьцю, яно толькі прыабретае латэнтнае якасць.

Сучасная тэорыя і методалогія культуры адрозніваецца варыябельнасцю і плюральнасцю. У другіх працах мы указвалі на тое, што апэрацыяналізацыю асновапалагаючых канцэптаў Эліаде, (дуальна-апазіцыя «сакральнае – прафаннае»), можна разглядаць у якасць методалогічнага інструментарыя для зучэння і аналізу розных культур. Рэлігіяведча-скі дыскурс М. Эліаде можа быць базісам новай методалогіі культуры, стварэння новага спосабу культурнай дыферэнцыяцыі і класіфікацыі. Ментальную канстытуцыю сучаснага чалавека адрознівае стрэманне к элімінацыі анталогічных мадусаў сакральнага з структур свайго быцця. Эліаде так апісвае змяненні, прызашэдшыя ў чалавечым свядомасці: «Свяшчэннае – гэта галоўнае прэпятствіе на пуці к яго свабодзе. Ён стане самім сабой толькі тады, калі вытравіць з сябе ўсе містычныя. І ён стане сапраўды свабодным толькі тады, калі заб'е апошняга бога» [4, с. 126].

Гістарыка-філасафскі аналіз дазваляе экстапазіраваць дыхатомію «сакральнае – прафаннае» на культурныя працэсы, у рэзультате чаго становіцца магчымым канструаванне тэарэтыка-метадалогічнай мадэлі, аснова якой складае паняцце сакральнай культуры. Такім абразам, на аснове прац М. Эліаде можа быць стварэнна методалогія даследавання культур па сакральна-рэлігійнаму прызнаку. Сакральнае можа выступаць культурна-гістарычным маркерам, мадэлю тыпалогізацыі культур [22, с. 44]. Як было адзначана вышэ, разрабатываемая намі методалогія

связана со сравнительным, кросс-культурным и междисциплинарным анализом сущности религиозных форм и их манифестации в культуре.

Нами было показано в предыдущих статьях, что в различных исследованиях природы сакрального остается нерассмотренным вопрос о методологическом значении этой категории. Развивая онтологию сакрального в методологическом ключе, можно построить недихотомичную концепцию культуры, учитывающую религиозные и мифологические составляющие. Прояснение механизмов постижения, понимания и реставрации духовных миров прошлого является проблемой методологии как исторических, так и философских наук. Экспликация возможностей феноменологии религии позволяет анализировать и постулировать новую типологию и методологию культуры.

Заклучение

Осуществлен теоретический анализ конфигуративности современного мифологического дискурса, рассмотрена мифологическая эпистема и ее имманентно-трансцендентные модусы. Показано, что в современных мифологических концепциях имеет большое значение экзистенциальное измерение мифов – миф является генерирующей новые смыслы доминантой человеческого сознания. Концептуальные подходы М. Элиаде, Дж. Кэмпбелла позволяют конструировать поливариантную картину функционирования мифов, где миф понимается как путь к индивидуации и самости.

Выявлено, что Дж. Кэмпбелл принадлежит к числу тех авторов, в концепции которых представлены тенденции ремифологизации в современной теории мифа и религиоведении. В белорусской науке не существует точной дефиниции его подхода, и в наших исследованиях мы обозначили его как *экзистенциально-феноменологическую концепцию* в философии мифа и религии. Также можно говорить о *психо-феноменологическом* измерении мифа в его работах; в модели Дж. Кэмпбелла представлены экзистенциально-трансперсональные основания. Перманентная тема его теоретической рефлексии – индуцирование идеи о связи мифа и личностного измерения человеческой жизни. Операционализация и теоретизация доминантных мифологем,

мифологических образов и символов лежит в плоскости как культурных эманаций, так и динамического взаимодействия с внутренним «Я». В аналитике мифов Дж. Кэмпбелла представлен глубинный экзистенциально-феноменологический вектор исследования мифов как психологического субстрата и реальности.

Теоретические конфигурации дискурса Дж. Кэмпбелла инкорпорируют компаративную аналитику мифа, экзистенциально-антропологические и онтологические модусы. Доминантой в его воззрениях является идея когеренции архетипического и персоналистического начал в структуре мифа.

Подход Дж. Кэмпбелла отражает поливариативность комбинаций и многомерность интерпретационных стратегий, существующих в феноменологии и философии мифа и религии, начиная с феноменологии религии Р. Отто, концепции анимизма Э. Тэйлора и др. Мы можем отметить, что дисциплинарный статус подхода американского мыслителя исследован в том числе аналитической психологией К.-Г. Юнга.

Исследованы возможности феноменологии религии для анализа и постулирования типологии и методологии культуры. Рассмотрен когнитивный – эпистемологический и культурологический – потенциал современных религиоведческих концепций для развития целостного взгляда и недуалистической концепции культуры, выдвижения новых подходов в ее методологии. Специфика изучения разновидности культур, которые мы обозначаем как мифо-религиозные, требует своего инструментария и методологии исследования. Инкорпорирование религиозно-феноменологической стратегии в сферу культурфилософских исследований позволяет наметить контуры и ключевые идеи нового понимания культуры. Применительно к исследованию культуры это означает и новую онтологию, понимание культуры как поливариативность смыслов ее кросс-культурного измерения. Определено, что мифологические и религиозные культуры обладают собственным специфическим универсумом, что является объектом и предметом методологии исследования сакральных культур. Таким образом, методология исследования мифологических и религиозных культур может включать в себя теоретические константы феномено-

логии религии, герменевтический способ интерпретации (то, что М. Элиаде называет «творческой герменевтикой сакрального»), кросс-культурный анализ. Диахронный и синхронный анализ, используемый в исторической и культурологической науках, может быть дополнен онто-феноменологическим. Показано, что религиозный дискурс М. Элиаде может быть базисом новой методологии культуры, создания нового способа культурной дифференциации и классификации. Разрабатываемая нами методология также связана со сравнительным, кросс-культурным и междисциплинарным анализом сущности религиозных форм и их манифестации в культуре.

Осуществлен системный анализ теоретических, философско-онтологических ос-

нований междисциплинарного синтеза, исследованы вопросы культуры и религии в контексте современных проблем методологии гуманитарного познания. Выдвинуты новые подходы и стратегии в изучении культуры и ее элементов, религиозно-мифологического и философско-онтологического измерения культуры. Последующий вектор исследований данной темы может быть связан с разработкой стратегии изучения культуры с учетом новых измерений методологии гуманитарного познания; экспликации системных и структурных элементов культуры во взаимосвязи с внутренней динамикой культуры, точками ее бифуркации; анализом генезиса и дальнейшего развития смысловых констант культуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Элиаде, М. Миф о вечном возвращении (архетипы и повторение) / М. Элиаде // Космос и история : избр. работы : пер. с фр. и англ. ; общ. ред. И. Р. Григулевича, М. Л. Гаспарова. – М., 1987. – С. 27–144.
2. Элиаде, М. Ностальгия по истокам : перевод / М. Элиаде ; пер. и предисл. В. П. Большакова. – М. : Ин-т общегуманитар. исслед., 2006. – 214 с.
3. Элиаде, М. Образы и символы (эссе о магико-религиозной символической) / М. Элиаде // Миф о вечном возвращении : избр. соч. : пер. с фр. ; под ред. В. П. Калыгина, И. И. Шептуновой. – М., 2000. – С. 127–247.
4. Элиаде, М. Священное и мирское / М. Элиаде ; пер. с фр., предисл. и коммент. Н. К. Гарбовского. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1994. – 144 с.
5. Кэмпбелл, Д. Герой с тысячей лицами: миф, архетип, бессознательное / Д. Кэмпбелл ; пер. с англ. К. Семенова. – Киев : София, 1997. – 335 с.
6. Кэмпбелл, Д. Пути к блаженству: мифология и трансформация личности / Д. Кэмпбелл ; пер. с англ. А. Осипова. – М. : Открытый Мир, 2006. – 320 с.
7. Кэмпбелл, Дж. Сила мифа [Электронный ресурс] / Дж. Кэмпбелл. – Режим доступа: http://loveread.ec/read_book.php?id=80743&p=1. – Дата доступа: 27.11.2019.
8. Хьюбнер, К. Истина мифа / К. Хьюбнер ; пер. с нем. И. Касавина. – М. : Республика, 1996. – 448 с.
9. Томпсон, М. Философия религии / М. Томпсон ; пер. Ю. Бушуева. – М. : ФАИР-ПРЕСС : Гранд, 2001. – 384 с.
10. Литтл, А. Брюс. Религиозная эпистемология. Лекции в Симферопольском государственном университете. Май 1996 г. / А. Брюс Литтл ; пер. с англ. И. Кравцовой. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Симферополь, 1996. – 96 с.
11. Панкин, С. Ф. Религиозная антропология / С. Ф. Панкин. – М. : Флинта, 2006. – 200 с.
12. Тульчинский, Г. Л. Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности / Г. Л. Тульчинский. – СПб. : Алетейя, 2002. – 680 с.
13. Пивоваров, Д. В. Наука и религия : гносеологические очерки / Д. В. Пивоваров ; М-во образования и науки РФ, Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. – 344 с.
14. Малевич, Т. В. Теории мистического опыта: историография и перспективы / Т. В. Малевич ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2014. – 175 с.

15. Красников, А. Н. Религиоведение и философия религии. Актуальные проблемы / А. Н. Красников, Л. М. Гаврилина, Е. С. Элбакян. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Юрайт, 2019. – 141 с.
16. Межуев, В. М. Идея культуры. Очерки по философии культуры / В. М. Межуев. – М. : Прогресс-Традиция, 2006. – 408 с.
17. Никонович, Н. А. Культура как объект онто-философского анализа / Н. А. Никонович // Интеллектуальная культура Беларуси: методологический капитал философии и контуры трансдисциплинарного синтеза знания : материалы Третьей междунар. науч. конф., Минск, 15–16 нояб. 2018 г. : в 3 т. / Ин-т философии НАН Беларуси ; редкол.: А. А. Лазаревич [и др.]. – Минск : Четыре четверти, 2018. – Т. 2. – С. 214–217.
18. Никонович, Н. А. Теоретический анализ философии мифа М. Элиаде: основные идеи и когнитивный потенциал : монография / Н. А. Никонович. – Минск : Беларус. наука, 2018. – 151 с.
19. Ребилло, П. Путешествие героя: ритуализация мистерии / П. Ребилло // Духовный кризис: Когда преобразование личности становится кризисом. – М. : АСТ. – 2003. – С. 326–345.
20. Шкалина, Г. Е. Мифологические основания культуры / Г. Е. Шкалина // Вестн. Марийского гос. ун-та. – 2014. – С. 168–171.
21. Sahagun Lucas Hernandez de, J. Fenomenologia y filosofia de la religion / J. de Sahagun Lucas Hernandez. – Madrid : Biblioteca de autores cristianos. – 1999. – 118 p.
22. Никонович, Н. А. Культурологическое значение и когнитивный потенциал мифологической парадигмы М. Элиаде в контексте современных концептуальных подходов / Н. А. Никонович // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2011. – № 2. – С. 40–46.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 28.10.2020

УДК 122

Розалія Андреевна Смирновад-р филос. наук, доц., гл. науч. сотрудник
Института экономики НАН Беларуси**Rosalia Smirnova**Doctor of Philosophy, Associate Professor, Chief Scientific Officer
of Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belaruse-mail: smirnovasoc@yandex.ru**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ МОТИВАЦИЙ
ЛИЧНОСТИ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА**

Рассмотрены три типа существования социальной реальности с точки зрения уровня абстрагирования и рефлексии в соответствии с разными формами субъектности: философский, общесоциологический и личностный. Показан процесс детерминации жизненного мира человека в условиях воздействия социальных и культурных факторов, результатом чего выступает социальная реальность на уровне личностного бытия. Подчеркивается роль мировоззрения личности в самодетерминации и самостроительстве жизненного мира личности. Раскрыты основные черты жизненного мира человека в эпоху техногенной цивилизации.

Sociocultural Determination of Personal Meaning-Based Motivations as a Philosophical Problem

Three types of existence of social reality are examined in terms of the level of abstraction and reflection in accordance with different forms of subjectivity: philosophical, general sociological and personal. The process of determining the human life world under the influence of social and cultural factors, which results in social reality at the level of personal existence, is shown. The role of the worldview of the individual in self-determination and self-construction of the life world of the individual is emphasized. The main features of the human life world in the era of technogenic civilization are revealed.

Осмысливая результаты исследований в сфере методологии научного познания, в частности обществознания, можно фиксировать наличие трех толкований понятия социальной реальности: философского, направленного на анализ социальной реальности как подсистемы окружающего мира, выделенной в познании и практике из природы и отличной от нее; общесоциологического, связанного с изучением общества как организационной формы существования неприродной и надприродной реальности, и личностного, рассматривающего социальную реальность с точки зрения личностного бытия человека, его жизненного мира. Поэтому вопросы о субстанциональном основании социальной реальности, способе существования ее решается на философском уровне анализа, где социальная реальность понимается как результат и процесс человеческой деятельности, как специфическая форма проявления человека в его родовом измерении. Поэтому изучение ее в первую очередь связано с анализом человеческого сознания и поведения, что особенно важно при объяснении социального творчества, ведущего к изменению самой социальной

реальности. И в этом случае необходим анализ социальной реальности, выводящий исследование на проблему деятельности, отчуждения и социального творчества, а также выявление условий, стимулирующих или тормозящих их, позволяющих выявить формирование представлений о социальной реальности с точки зрения личностного бытия как отражения реального жизненного мира человека.

В философии деятельность связывают с исторически сложившимися программами, в основе которых лежат культурно заданные нормы. В действительности люди, живущие в одной культуре, следующие этим нормам и занимающиеся одной и той же деятельностью, почему-то действуют различным образом, иногда выходящим за рамки принятых норм. Почему это происходит? Видимо, потому, что деятельность – это такая форма активности, которая способна по самой своей природе к неограниченному совершенствованию лежащих в ее основании программ, к неограниченному перепрограммированию в конкретной жизненной ситуации, т. е. творческая деятельность.

Л. С. Выготский на примере классической модели «буриданова осла» пытался показать, за счет чего и в каких случаях происходит выход за рамки программ той или иной деятельности. Ученый утверждал, что, в отличие от животного, человек сам создает стимулы, определяющие его реакции, и употребляет их в качестве средств овладения процессами собственного поведения. Человек сам определяет свое поведение при помощи искусственно созданных стимулов-средств [1, с. 101]. В данном случае в качестве такого искусственного стимула Выготский рассматривал жребий. Детерминация деятельности по жребию не является, по его мнению, единственной и наиболее совершенной формой свободного целеполагания. Тем не менее детерминация человеческой деятельности так называемыми социокультурными программами «снизу» явилась объектом критики российского философа Г. С. Батищева – сторонника ценностной детерминации «сверху», в частности, духовными ценностями. Он считает, что при описанном выше деятельностном подходе мотивацию человеческой деятельности понимают как конкретизацию потребностей, а последние – выражением «нужды». На уровне направленности личности, устремленности «сущность человека выразима и объяснима не через детерминации снизу и не как функционально и потребностно полезная норма, но иначе – через ее незавершенный путь и универсальное созидательное назначение» [2, с. 173]. Лишь в этом случае, по мнению Батищева, открывается путь к объяснению не мотивации из потребностей любого человека и ранга, а, наоборот, контроля над потребностями и подчинение их ценностной мотивации. Иначе, утверждает ученый, человек в своих мотивациях лишь следует, подчиняется детерминациям, идущим от потребностей, а не подвергает их снятию, не подчиняет их чему-то более высокому – ценностным устремлениям. На деле «только преодоление, только снятие и подчинение, укрощение и выход за пределы потребностного детерминизма открывает возможность адекватного принятия субъектом предметных задач, особенно же вхождения в ситуации креативно-проблемные, вхождения без всякого заранее установленного своемерного, заинтересованно-корыстного потребностного мерил. Только по ту

сторону полезности – в смысле более высоких уровней бытия субъекта – и начинается собственно творческое развитие и совершенствование» [2, с. 174].

Правда, в ответах других философов на утверждения Батищева были высказаны критические замечания. Так, И. Т. Касавин напоминает, что сами социальные потребности автором истолковываются однообразно, натуралистически, тогда как человек не только удовлетворяет свои разнообразные потребности, но и сам их производит, совершенствует, оценивает их, придавая им человеческий характер. «Высокие духовные ценности, мотивы и цели, – считает Касавин, – не возникают на пустом месте; их непосредственным основанием является система духовных потребностей, которая, в свою очередь, обусловлена культурой и местом человека в ней» [3, с. 182].

Таким образом, полемика по поводу сущности и развития деятельности довольно четко очертила контуры одной из важнейших проблем человеческой активности – проблемы социокультурной детерминации социальной мотивации личности и одновременно субъектно-спонтанной формы существования ее жизненного мира. Впервые понятие «жизненный мир» ввел Гуссерль. По Гуссерлю, знание о жизненном мире есть более значимый и высокий по достоинству способ «донаучного» или «внеаучного» сознания, состоящего из суммы «непосредственных очевидностей». Это сознание, а также вытекающая из него форма ориентации и поведения и была названа Гуссерлем «жизненный мир» [4, с. 752]. Это дофилософское, донаучное, первичное в гносеологическом смысле сознание, которое имеет место еще до сознательного принятия индивидом теоретической установки. Это сфера «известного всем, непосредственно очевидного», «круг уверенностей», к которым относятся с давно сложившимся доверием и которые приняты в человеческой жизни вне всех требований научного обоснования в качестве безусловно значимых и практически апробированных. Гуссерль считал, что функционально и онтологически жизненный мир является основанием всех научных идеализаций; он субъективен, т. е. дан человеку в образе и контексте практики; выражается в виде целей; является культурно-историческим миром, или, точнее, образом

мира, каким он выступает в сознании различных человеческих общностей на определенных этапах исторического развития; как проблемное поле он не «тематизируется» ни естественной человеческой исследовательской установкой, ни установкой объективистской науки (вследствие чего наука и упускает из виду человека); он релятивен; обладает априорными структурными характеристиками – инвариантами, – на основе которых и возможно формирование научных абстракций и выработки научной методологии. По существу, жизненный мир существует в качестве естественного, непроблематизируемого условия человеческого бытия. Специфическими особенностями жизненного мира являются его непосредственная данность, очевидность и простота. Здравый смысл воспринимает его содержательную простоту и очевидность как не нуждающуюся в рациональном прояснении. Для естественной установки сознания жизненный мир является интересубъективным повседневным миром, универсумом жизнепрактических смыслов, обладающих непосредственной очевидностью, особой конфигурацией взаимосогласованного человеческого опыта.

На наш взгляд, этот универсум интересубъективного жизненного мира вплетается в ткань личной жизни конкретного человека, отражаясь и выражаясь в его мировоззрении, поэтому можно сказать, что мировоззрение, наиболее полно отражающее как жизненный путь человека, так и интересубъективный опыт межчеловеческого общения, детерминирует его развитие путем «пропускания» через себя высших обстоятельств жизни. В этом смысле мировоззрение личности есть не только результат жизненного пути; оно есть та реальность, в которой формируются человеческие творческие силы и способности. Благодаря постоянной интериоризации структур жизнедеятельности внешние детерминанты начинают функционировать в качестве внутренних, т. е. осуществляется перевод механизма детерминации активности из внешнего мира во внутренний жизненно-смысловой план. Мировоззрение личности в отличие от внешних детерминант выступает как непосредственный агент процесса самодетерминации, как глубоко личностная система внутренних детерминант человеческого поведения. Человеческая субъективность, выраженная в ми-

ровоззрении, определяет характер целей и мотивов человеческой жизнедеятельности. Создавая предметы в их «субъективной», воображаемой форме, предвосхищая в сознании результат деятельности, цели и мотивы становятся внутренним законом человеческой жизнедеятельности, определяя ее способ и характер, формируя жизненный мир личности. Таким образом, социальная реальность на уровне индивидуального бытия – это не независимый от человека мир, а реальность, зависящая от его сознания, мировоззрения, культуры, в которой он живет, от его видения и понимания этого мира, от жизненного опыта человека. Различные формы индивидуального существования социальной реальности уникальны: для одного она существует, для другого существует другая – и нельзя сказать, что одна «истиннее» другой, потому что вопрос об адекватности, истинности реальности жизненного мира решается не гносеологическими средствами, а жизненно-практическими. Социальная реальность на уровне личности существует не сама по себе, и не в сознании, а через человеческую жизнь и тот миропорядок, которому следует личность.

Именно поэтому детерминация программами и нормами деятельности в обстоятельствах повседневной жизни – это не воздействие «внешних» сил и образцов на человека, не ощущение несвободы, а, наоборот, естественность влияния, выражающаяся в ощущении свободного действия человека в условиях его жизненного мира. Конечно, в обществе человек подчиняется и внешним, чуждым ему детерминациям, и ориентирующим его на цели, задачи и потребности, задающие как бы извне способ их достижения и выполнения, допускающие рациональный контроль и корректировку. Тем не менее неявное включение культурных программ в жизненный мир человека выступает для него как возможность свободного действия. Эта возможность основывается на том, что мир как реальная действительность человеческого бытия является естественной сферой жизни для индивидов, а не просто совокупностью обстоятельств и причин, внешним образом детерминирующих свободную активность человеческих действий и поступков. Спонтанность этих действий как раз и указывает на наличие тех срезов и пластов индивидуального бытия человека,

которые всегда уникальны, т. е. не вытекают целиком и полностью из совокупности заданных условий.

Если детерминацию понимать как некое внешнее навязывание индивидам определенных сил, условий факторов и т. д., то неизбежно придется признать существование особого наиндивидуального мира, практически не связанного с жизненным миром человека. В этом случае детерминация понимается как господство законов, норм, идей, ценностей и т. п., способных обеспечить протекание социально-исторического процесса, сводя на периферию этого процесса участие живых индивидов, их деятельность и свободу. Поэтому влияние даже внешних целей и идей на жизнь человека не есть детерминация «сверху» и «над». В любом случае, даже будучи чуждыми жизненному миру человека, они приобретают силу естественности, но, в отличие от свободно реализуемой детерминации, связаны с принятием человеком определенных функций, диктующих индивидам ролевые схемы деятельности. Хотя это и «наиндивидуальный» пласт человеческого мира, тем не менее он «вырастает» на естественном базисе жизненного процесса.

Между тем, хотя эти детерминанты образуют наиндивидуальные предпосылки деятельности, воздействие на конкретных индивидов происходит в той мере и постольку, поскольку индивиды образуют определенные устойчивые социальные группы, коллективы, общности и где они действуют как «представители» той или иной группы, коллектива со своими выработанными нормами поведения, кругом интересов. Этот способ детерминации распространяется на конкретных людей как на социально определенных индивидов в пределах сложившегося образа жизни. Такую форму детерминации можно назвать социальной, т. к. она выражает совокупность обстоятельств, определяющих общие условия, факторы и цели действий индивидов, принадлежащих к социальным группам и сообществам в рамках общего для них мира. На практике эта форма детерминации возможна лишь на фоне естественно сложившихся форм жизни и общения людей, обеспечивающих их осмысленное развитие и свободу. Такая форма естественной детерминации человеческого мира, где накапливаются и передаются от по-

коления к поколению различные предметы и духовные условия и формы свободного развития человека, где естественно-жизненные связи мира делают возможным свободные действия человека, и есть культурная детерминация. Ее нельзя представлять лишь как некое надстроечное образование, отождествляя ее при этом с формами общественного сознания или же с формами духовного производства. В действительности этот тип детерминации разворачивается как естественный пласт общественной жизни людей, практики и общения, общения не только между современниками, но и всей цепью людских поколений в границах общего мира. При этом социальные и культурные детерминанты действуют не сами по себе, а через мировоззрение личности, особым способом определяя конфигурацию смыслов, целей и мотивов человеческой деятельности.

Изучая социокультурную детерминацию всех форм жизнедеятельности на уровне личности, необходимо учитывать, что конкретный человек имеет свой жизненный путь и имеет именно потому, что он так же, как человеческий род в целом, ежедневно заново воспроизводит свою собственную жизнь. Индивидуальная судьба человека всегда в той или иной мере вписана в жизнь целого поколения, она всегда несет в себе историю, эпоху, специфические общественные процессы, жизнь социальных групп, к которым принадлежит личность, и т. п. В связи с этим личность как представитель всех этих социальных общностей и культурного наследия может:

1) выступать участником историко-культурного процесса и творцом социальной реальности;

2) творить социальные обстоятельства своей индивидуальной жизни и типичные способы жизнедеятельности;

3) творить самого себя на основе и в процессе своей социально-преобразовательной деятельности.

И в этом плане мировоззренческая детерминация деятельности личности выступает как житнетворчество. Житнетворчество выражается не только в выработке определенной жизненной концепции и жизненной программы, сознательном выборе жизненных целей и путей их достижения, но включает активную деятельность человека по реализации его жизненных целей, планов и

программ. Речь «идет о самостроительстве личности, об активном и сознательном созидаании человеком самого себя, причем не только об идеальном проектировании себя, но и чувственно-практическом воплощении этих проектов и замыслов в условиях трудного и сложного существования. Словом, речь идет о жизненном творчестве. Творчество и есть высший принцип данного типа жизненного мира» [5, с. 138].

По существу, мировоззрение человека как бы изменяет предметные связи мира, наполняет его личностным и культурным смыслом, истоки и генезис которого коренятся в некоторых изначальных для определенного сообщества людей жизненных и практических обстоятельствах и событиях. Поэтому их иногда называют архетипами. Архетипический слой культурного опыта фиксирует и делает достоянием всех то общее, которое как бы уже было, однако его смысл раскрывается благодаря тому, что оно актуально есть, ибо этот опыт входит в плоть и кровь современного бытия людей, нынешнего их мировоззрения. Архетипы выявляют ту историческую общность, которая не есть итог сознательных усилий отдельно взятых индивидов. При этом архетипы культурного процесса в мировоззрении человека определяют не содержательную наполняемость личного, «моего» опыта, они лишь образуют смысловую конфигурацию возможных цепей и мотивов духовной жизни, не предписывая при этом того, что (и когда) войдет в индивидуальный опыт в качестве события. Реконструкция типичных для того или иного периода ситуаций или же типов межчеловеческого общения, ментальных установок, стереотипов, реакций на окружающий мир происходит согласно архетипическим традициям, которые определяют и внешний рисунок событий общественной жизни, и внутренние механизмы обусловленности ими жизненного мира человека. Поведение отдельной личности, его жизненный мир и мировоззрение в данном контексте предстает в виде функции господствующего в данном социуме мировоззрения (со всеми его более или менее осознаваемыми слоями и компонентами). В разные эпохи оно выступает в качестве априорной формы опыта, предопределяя индивидуальную картину мира и как бы неосознанные представления о про-

странстве и времени, природе и культуре, труде, справедливости, бедности и богатстве, семье и любви, святости и греховности, жизни и смерти и многие другие. «Повседневность» понимается предельно широко – как нечто типичное для жизни определенной группы людей, ее культурная обстановка, бытовой антураж, личностные типажи.

Анализ этой проблемы на личностном уровне зачастую показывает несогласованность, дисгармонию влияния культурных и социальных детерминант на деятельность и поведение человека, что выражается в диалектике отчуждения и творчества. Здесь речь идет об отчуждении как социальном процессе, характеризующемся превращением человеческой деятельности, ее результатов, а также самого ее субъекта во внешнюю, самостоятельную, господствующую над человеком и неподвластную ему силу [6]. Примечательно, что отчуждение в современную эпоху касается не только трудовой, экономической деятельности, но и политической, культурной и повседневной сфер человеческого существования. При этом, если творческая деятельность характеризуется самостоятельностью и свободой субъекта в постановке целей и средств ее достижения, субъектно-субъектными отношениями с другими, самооценностью и самореализацией человека, т. е. культуросозидательностью, то отчуждение, как правило, ограничивает творческий потенциал личности отчужденными формами общественной организации творческой деятельности, что наблюдается не только в искусстве, но и в труде, политике и социальной активности людей. Существует один путь разрешения этого противоречия – «разотчуждение как снятие конкретно-исторических форм отчуждения посредством особого вида творческой деятельности, созидающей не только некий готовый результат («вещь»), но и новые общественные отношения, несущие в себе развернутую логику его сотворения (становления)» [6].

Однако понимание жизненного мира человека XXI в. как сферы субъективности, свободы и жизнотворчества наталкивается, по мнению ученых, на неожиданное препятствие: происходит процесс онаучивания и технизации жизненного мира. Оказывается, что он (жизненный мир) «на деле в значительной мере вынесен за пределы психики. В современную эпоху общение с техни-

кой явно выходит на первый план по сравнению с общением между людьми или с природой, в особенности, если учесть, что два последних типа общения также почти невозможны вне технических средств. При этом роль средства порой отходит для техники на второй план: телевизор, телефон, машина, компьютер становятся ценностью сами по себе, как бы независимо от того, насколько они помогают общению людей между собой или с природой» [7]. Этот процесс Касавин назвал десубъективизацией жизненного мира человека, в результате которого современный человек неизбежно и необратимо превращается в беспомощного «юзера», способного лишь более или менее успешно пользоваться окружающими предметами, не понимая их свойств и принципов работы. Философ утверждает: «Цивилизация юзеров» не является порождением повседневности самой по себе, это результат целого комплекса социокультурных процессов, которые повседневность с той или иной степенью успешности пытается переварить, перевести в наименее болезненную форму» [7]. В ходе этого процесса в субъективности человека появляются совершенно новые по сравнению с прошлыми веками черты: гиперкоммуникативность и сверхинформативность, приводящие к отсутствию осмысленности информации и «террору схематизации»; утрате собственной стабильности и критериев нормальности происходящего в мире, риску как к вполне повседневному, повторяемому, обычному явлению общест-

венной жизни. Нужно сказать, что в классическом образе жизненного мира риск выступал в качестве аномалии; сегодня же риск вполне повседневное, повторяющееся, обычное явление человеческой жизни. Риск как неизбежная составляющая деятельности, общения, поведения и сознания входит в современную структуру жизненного мира, в котором проявляется противоположная тенденция – усиление тяги к традиционным ценностям (дом, семья, нация, религия, патерналистское государство).

Таким образом, анализ способов детерминаций жизненного мира и характера человеческой деятельности позволил вычленивать, по крайней мере, две основных детерминации – социальную и культурную, которые, преломляясь в мировоззрении личности, направляют его действия и поведение, связанные, как с необходимостью человека функционировать в сложившихся социальных связях, нормах, так и выходить за их рамки, находить новые программы деятельности, строить свой уникальный жизненный мир. Тем не менее культурные и социальные детерминанты человеческой деятельности в реальной жизни не только стимулируют творческую деятельность людей по преобразованию себя и социальной реальности, но и ограничивают ее. Более того, только высвобождение творческого потенциала человека от социально отчужденных оков его социального бытия способно освободить его для реализации поставленных целей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Выготский, Л. С. Развитие высших психических функций / Л. С. Выготский. – М., 1930. – С. 101.
2. Батищев, Г. С. Неисчерпаемые возможности и границы применимости категории деятельности / Г. С. Батищев // Деятельность: теория, методология, проблемы. – М. : Политиздат, 1990. – С. 173–174.
3. Касавин, И. Т. Деятельность: теория, методология, проблемы / И. Т. Касавин. – М. : Политиздат, 1990. – 369 с.
4. Гуссерль, Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука / Э. Гуссерль. – М., 2000. – 752 с.
5. Василюк, Р. Е. Психология переживания / Р. Е. Василюк. – М., 1984. – С. 138.
6. Булавка-Бузгалина, Л. А. Разотчуждение: от философской абстракции к социокультурным практикам / Л. А. Булавка-Бузгалина // Вопр. философии. – 2018. – № 6. – С. 202–214.
7. Касавин, И. Т. Мир науки и жизненный мир человека [Электронный ресурс] / И. Т. Касавин. – Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000924/-st000.shtml>. – Дата доступа: 02.03.2020.

Рукапіс надруковано у редакцію 17.04.2020

УДК 101.1:316

Владислав Олегович Сташицаспірант 1-го года обучения каф. философии и методологии науки
Белорусского государственного университета**Vladislav Stashis**1st Year Graduate Student of Department of Philosophy and Methodology of Science
of Belarusian State University

e-mail: stashis@bsu.by

**МИФОЛОГИЗАЦИЯ РЕАЛЬНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Рассматривается феномен социальной мифологии в информационной сфере жизни общества и его взаимосвязь с идеологией и политической практикой. Исследуется связь социальных мифов со стратегиями компаний на рынке информационно-коммуникационных услуг. Анализируется роль мифа в контексте глобального роста социально-экономической значимости информации. Исследуется социально-философский аспект феномена мифотворчества в контексте общества позднего капитализма. Показано, что растущее влияние на развитие коммуникационных технологий и сервисов со стороны корпораций может привести к одностороннему диктату определенной социокультурной парадигмы. В связи с этим рассматриваются особенности использования мифологии в рамках идеологии тоталитарных режимов, капиталистических обществ и в стратегиях информационных корпораций.

Mythologization of Reality in the Modern Information Space

The article deals with the phenomenon of social mythology in the information space of public life and its relationship with ideology and political practice. The connection of this phenomenon with the strategies of information and communication technology (ICT) companies is studied. The role of myth in the context of global growth of social significance of information is analyzed. The social-philosophical aspect of the phenomenon of mythicize in the context of late capitalism society is studied. It is shown that attempts of corporate influence on the development of communication within the social media environment may lead to unilateral dictatorship of the socio-cultural paradigm. The specifics of using mythology within the ideology of totalitarian regimes, capitalist societies and in the strategies of ICT companies are therefore considered.

Введение

Цифровые средства коммуникации объединили мир и сделали возможным перманентный полилог культур. Но если первоначально сеть Интернет и доступ к ней требовали от пользователя определенного набора знаний и компетенций, то по мере развития цифровых технологий и роста пропускной способности глобальной компьютерной сети присутствие online стало частью обыденной жизни современного человека. Что важнее, параллельно смещению виртуальной реальности и пространства повседневности значительно изменился подход к взаимодействию внутри самой сети Интернет. Благодаря высокой скорости передачи информации, в т. ч. с мобильных устройств, в интернет-пространстве место

текста все чаще занимают более доступные формы трансляции смыслов – изображения, аудио- и видеоматериалы. Подобная тенденция, безусловно, актуализирует интерес к концепции «глобальной деревни», предложенной М. Маклюэном.

Исследователь медиа М. Маклюэн в работе «Галактика Гуттенберга» (1962) писал, что «благодаря электричеству мифическое, или коллективное, измерение человеческого опыта целиком выходит на дневной свет пробужденного сознания» [1, с. 396]. Заявление, сделанное в свойственной для канадского исследователя афористичной манере (и с обязательной для профессора литературы ссылкой на Д. Джойса), тем не менее точно улавливает дух не только XX, но и современного нам XXI в.

М. Маклюэн критиковал строго логическую, формалистскую и однородную визуальную среду печатной культуры, в которой вынужден существовать западный человек. Противопоставляя ей культуру уст-

Научный руководитель – О. В. Новикова, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета

ного слова, он упоминает магический мир, открытый перед носителем устной традиции. Так, пишет он, африканский ребенок, живущий в сфере вербальной культуры, «сталкивается не с однозначными связями причин и следствий, а с формальными причинами в пространстве, обладающем особой конфигурацией, как это свойственно любому бесписьменному обществу» [1, с. 28]. Получившие сегодня широкое распространения термины, такие, как «постправда», «новая нормальность» или «культура отмены», указывают на то, что человек, погруженный в актуальное информационное пространство, также не наблюдает однозначной связи причин и следствий. Вместе с распространением внутри «глобальной деревни» слухов и fake news в современный мир возвращается мифология.

Для лучшего понимания актуальных тенденций их следует проанализировать с методологической позиции социальной философии, в рамках которой представляется допустимым обращение к теоретическим знаниям из различных областей социально-гуманитарных наук. Анализ специфических особенностей мифотворчества в контексте информационного общества является необходимым условием для понимания механизмов трансформации как индивидуального, так и массового сознания.

Цель статьи – философская экспликация тенденции мифологизации актуальной социальной реальности. Исходя из цели, выделяются следующие задачи:

- 1) выявить социальную роль мифа;
- 2) обосновать статус мифа в процессе формирования интернет-среды;
- 3) определить место мифотворчества в структуре информационного общества с позиции социальной философии.

Миф в структуре общества позднего капитализма

Анализируя капиталистическое общество XX в. Г. Маркузе отмечал тенденцию к возвращению мифологического сознания. В работе «Одномерный человек» он дает критическую оценку выхолащиванию языка внутри современной сферы социального, в которой речь наполняется «магическими, авторитарными и ритуальными элементами» [2, с. 350]. Противопоставляя науку и миф, Г. Маркузе пишет: «Разумеется, мифология, в собственном смысле, – это примитивное и

неразвитое мышление, и цивилизационный процесс разрушает миф (что почти входит в определение прогресса). Но он также способен возратить рациональное мышление в мифологическое состояние» [2, с. 452]. По мнению философа, так происходит затуманивание общественного разума и смена социальной парадигмы. Проводится пугающая параллель: в качестве примера Г. Маркузе выбирает национал-социалистические и фашистские режимы, в которых мелкие мифы, вроде оккультных учений и тайных обществ, были заменены тотализующим – официальной идеологией. Выставленная на первый план рационализация и механизация этих режимов стала той «мистифицирующей властью», которая позволяла скрывать от общественного внимания истинные лица выгодополучателей, находящихся на руководящих постах. Г. Маркузе утверждает, что в капиталистическом обществе используются те же мистифицирующие стратегии, которые эксплуатируют мифологическую природу рационалистических понятий. Термин, задействованный в рекламе, политике и пропаганде, зачастую должен отсылать не к его прямому значению, а к образовавшейся вокруг этого понятия общественной фантазии. В случае консюмеризма мы видим, как затушевывается значение слова «счастье», оказавшегося в синонимичном ряду с термином «демонстративное потребление». Результат такого затуманивания разума предсказуем: «Магия, колдовство и экстатическое служение ежедневно практикуются дома, в магазине, на службе, а иррациональность целого скрывается с помощью рациональных достижений» [2, с. 453]. Таким образом, миф оказывается на службе у культуры, в которой все низведено до капиталистических отношений и к которой может быть применен термин «новый тоталитаризм» [2, с. 324].

Обращаясь к работе «Одномерный человек» сегодня, когда явственно ощущается характерный кризис теряющей четкие границы информационной действительности, мы можем заметить в книге Г. Маркузе предостережение об опасности, исходящей от транснациональных компаний, получивших в пользование последние достижения научно-технического прогресса. Так, размышления Г. Маркузе о мистификации реальности капитализмом находят все новые и новые подтверждения. Одним из примеров может служить то, что в данный момент

стирается граница между нашим присутствием online и offline, тем самым горизонты символической и объективной реальности сходятся в плоскости социального взаимодействия. Агентами взаимодействия на сегодняшний день выступают не только люди, но вместе с ними и все большее количество «умных» устройств, встроенных в структуру современного города. Некоторые из этих аппаратов способны функционировать в рамках «интернета вещей» – сети физических объектов, взаимодействующих между собой и с внешней средой посредством встроенных технологий. Но помимо повышения уровня жизни эти устройства собирают личную информацию о повседневном быте индивида, на основании которой компании получают возможность делать точное психологическое профилирование. Именно это является ключевой причиной, побуждающей производителей заниматься продвижением «умных» продуктов.

Полученные в ходе профилирования результаты могут быть использованы для вмешательства в политические выборы, как показал пример функционирования компании Cambridge Analytica. Европейские исследователи В. Хендрикс и М. Вестергаард отмечают, что до скандала Cambridge Analytica заявляла о том, что она делает закономерный для рынка шаг вперед, интегрируя методы и результаты психологических исследований с целью создания психологической карты пользователей, потребителей, избирателей, граждан. Если компания может классифицировать людей согласно их типу личности и психическому состоянию, то это позволяет вести маркетинговую кампанию с небывалой точностью и эффективностью. Исследователи подчеркивают: «Психологическое профилирование открывает пугающие возможности аффективного управления и эмоционального контроля. Используя, например, запугивающие послания на ком-то, охарактеризованном как боязливый тип личности, можно попасть в «болевые точки», которые действительно причинят боль» [3]. Как сообщает ТАСС, в ходе своей деятельности Cambridge Analytica «повлияла на ход более чем 200 плебисцитов в разных странах» [4]. Критикуя идеологию капитализма в работе «Эрос и цивилизация» (1955), Г. Маркузе провидчески замечает, что «если индивиду приходится платить, жертвуя своим временем, своим

сознанием, своими мечтами, то цивилизация платит, жертвуя обещанной свободой, справедливостью и миром для всех» [2, с. 92].

Действуя точно и избирательно, современные технологии способны воздействовать на общественные настроения и установки информационного общества. Е. Шейгал отмечает: «Миф есть продукт спонтанного коллективного творчества, он свойственен массовому сознанию. Обязательным условием существования мифа является широкая поддержка общественного мнения» [5, с. 181]. Отметив в этой характеристике мифа как феномена такие черты, как коллективность и массовость, мы обязаны вновь обратить внимание на опыт тоталитарных государств, появившихся вследствие «восстания масс». Так, на первый план «массовость» в своей характеристике тоталитаризма выдвигает российский доктор исторических наук В. Михайленко: «Тоталитаризм прежде всего является феноменом масс, связанным с поведенческими стереотипами масс. Все тоталитарные попытки в XX в. изменить естественный ход истории были вызваны самим историческим процессом, имели глубокие корни в массовом сознании и массовую поддержку» [6, с. 184]. Описывая взгляд на феномен тоталитарного общества с позиции Дж. Моссе, В. Михайленко обращает внимание на то, что ритуалы, культы и символы играли важную роль для вовлечения масс в политическую жизнь в условиях тоталитаризма [6]. В этой поддержке и состоит тот аспект, без которого не может быть реализован тоталитарный проект. Онтологически оставаясь массовым явлением, любой тоталитаризм нуждается не только в пропаганде и репрессиях, но и в вовлеченности обширных слоев населения в воспроизводство социальной реальности, осуществляемой путем ретрансляции тотализующих идеологием, ритуалов и образов.

Признаки подобной ретрансляции тотализующих моделей можно усмотреть и внутри социальных практик капиталистического общества. В рамках капиталистического мифотворчества наиболее частым медиатором между компанией и потребителем выступает такое явление, как массовая культура (реклама, кино, музыка и т. д.). Как и в случае с идеологическими мифологемами тоталитаризма, внедряемый в информационное пространство миф несет в себе определенную цель – добиться доверия субъ-

екта, наполнить его сознание образами и архетипами, которые будут предвосхищать акт мышления. В сборнике «Система Моды» французский философ Р. Барт, не в последнюю очередь критикуя современную капиталистическую идеологию, проговорил суть современного ему мифа следующим образом: «Современный миф дискретен: он высказывается уже не в виде оформленных больших рассказов, а лишь в виде “дискурса”; это не более чем фразеология, корпус фраз (стереотипов), миф как таковой исчезает, зато остается еще более коварное мифическое» [7, с. 474]. Тем не менее актуальная нам современность, перешедшая в глобальное пространство Интернета, сумела преодолеть эту дискретность мифа и воскресить полноценную мифологию. Массовая культура растворяется в глобальном пространстве, на первый план выходит сама среда. Так, в рамках взаимодействия внутри сферы информационного общества происходит противопоставление «мы – они», персонификация неодушевленных объектов, сакрализация явлений и определение ценностных ориентиров. Как отмечал российский исследователь П. Ополе, «увеличение объемов информации не приводит к ее лучшему пониманию, а скорее наоборот – ухудшает. В условиях медиаперегруженности человек стремится не к подлинной картине событий, а к наиболее простой и понятной ее интерпретации (пускай даже искажающей реальное положение дел)» [8, с. 103]. Миф способен дать именно такую картину мира – простую и понятную, пусть и с характерными искажениями, а также с отсутствием ряда причинно-следственных связей.

Мифологизация медиа-среды

Частным примером того, как политика крупных компаний влияет на мифологизацию сознания, может быть работа «умных» алгоритмов, подбирающих результаты поиска и формирующих новостную ленту на основании предпочтений поиска. В результате действия этих механизмов образовывается «информационный пузырь» – пространство, в рамках которого пользователь является отрезанным от источников информации, способных предложить альтернативную точку зрения. Как и в случае коллективного изоляционизма в тоталитарном идеологическом пространстве, у субъекта формируется «перевернутая» и мифологизиро-

ванная картина мира. Для компании же приоритетом остается увеличение времени пользования сервисом, что дает возможность увеличить доход от рекламы.

Может ли новая мифология стать следствием политики компаний, в стратегии которых прослеживается тенденция к апроприации сферы частного? Следует обратиться к конкретному примеру: такая политика характерна для Facebook, что становится поводом для сооснователя компании К. Хьюза заявить о том, что в отношении компании должны быть предприняты антимонопольные меры, чтобы ограничить ее влияние. Критикуя политику основателя компании М. Цукерберга, К. Хьюз пишет: «Наиболее проблематичным аспектом власти Facebook является односторонний контроль Марка над речью. Нет прецедентов его способности контролировать, организовывать и даже цензурировать разговоры двух миллиардов людей» [9]. В качестве наиболее показательного примера К. Хьюз упоминает о конфликте 2017 г. в Мьянме, когда М. Цукерберг сам решил удалить личные сообщения тех, кто «поощрял там геноцид» [9]. Подобными методами Facebook искажает реальное символическое поле, создавая иллюзорную картину действительности. До адресата доходит полуправда, в результате чего компания задействует манипулятивный характер мифа.

С помощью искажения действительности корпорация пытается реструктурировать существующую социальную парадигму в соответствии с собственным видением и/или собственной выгодой. Так, в своем эссе для Washington Post М. Цукерберг заявил: «Мы несем ответственность за безопасность людей, пользующихся нашими услугами. Это значит принимать решение о том, что оценивать как террористическую пропаганду, что как hate speech и пр.» [10]. Фактически такой патернализм символизирует захват монополии на «истину». Правду от неправды способна отличить корпорация Facebook, тем самым отказывая в этом праве пользователям своих сервисов.

Рост количества слухов и дезинформации в сети Интернет

Проблема мифологизации интернет-пространства стала особенно очевидна в связи с распространением коронавирусной инфекции COVID-19. Повальный рост слухов

о причинах и последствиях распространения инфекции в социальных сетях получил неформальное название «infodemic» (от соединения англ. information и epidemic). Борьбу с распространением в сети Интернет дезинформации о свойствах нового коронавируса объявили все ведущие социальные интернет-сервисы. Достаточно упомянуть опубликованное на сайте ООН сообщение о том, что в связи с ростом киберпреступности и масштабным распространением недостоверных новостей о COVID-19 «ВОЗ была создана команда “разрушителей мифов”, которые работают с такими интернет-компаниями, как Facebook, Google, Pinterest, Tencent, Twitter, TikTok, Youtube и многими другими» [11]. Тем не менее выбранные методы борьбы, а, вернее, то, как они согласуются с коммерческими интересами компаний, не может не вызывать критики. Мы коснемся непосредственно Facebook: учитывая обозначенные нами ранее черты стратегии развития компании, это позволит дополнить картину мифологизации интернет-среды, основываясь на примере одного из крупнейших в мире сервисов.

Как способ борьбы с дезинформацией о COVID-19 компания Facebook решила заменять сообщения, обозначенные как вредоносные, текстом: «Помогите друзьям и членам семьи избежать ложной информации о COVID-19», дополненным электронным адресом сайта ВОЗ [12]. Как отмечают американские политологи С. Крепс и Д. Кринер, проверившие экспериментально эффективность этой стратегии, хоть этот подход Facebook и выигрывает в сравнении с предыдущим (отмечать новость как «сомнительную»), он явно не является панацеей: «Нынешние подходы могут быть не только неэффективными, но и даже контрпродуктивными. Невозможность мгновенно отметить новости как фальшивые грозит их легитимацией» [13]. Это логично следует из того, что, просто прочитав недостоверную информацию, пользователь не получит в будущем ее опровержение. Информация о том, что вредоносный текст был удален администрацией Facebook, станет известна пользователю в том случае, если он каким-то образом его распространил или отметил. При этом не стоит забывать о том, что предлагаемые на основании интересов пользователя новости также отбираются алгоритмами вне зависимости от авторитетности источников.

Отдельно отметим, что сообщение может быть запросто удалено компанией, и заменено с переадресацией на другой (авторитетный для Facebook) ресурс, и это может быть расценено двояко в контексте распространения политической идеологии и мифологических идеологем. Дискуссия о том, может ли такой же механизм борьбы с дезинформацией, как в случае с COVID-19, использоваться с целью удаления «политической дезинформации», сегодня вызывает определенный интерес не только в среде специалистов, но и за ее пределами [14]. Однако возможность корректировки информационного ландшафта в соответствии с собственной политической повесткой должна, на наш взгляд, стать основанием для дискурса, посвященного совсем другой проблеме, – допустимости цензуры.

Заключение

Таким образом, в контексте социально-философской проблематики исследования следует указать на тотальность мифа как культурного феномена. Хотя его ключевые черты неразрывно связаны с архаическим миром (коллективность, ритуальность, устойчивость), даже в контексте реальности информационного общества концептуальные основания мифа остаются неизменными. Иррациональный характер мифа требует принятия конструируемых мифологем как веры, а не как знания, в то время как сама структура мифологического нарратива удачно подходит для применения различных решений по переконструированию его элементов (образов, героев, символов). Мифологизированные сюжеты тяготеют к метафоричности и эмоциональности, что обеспечивает некритическое восприятие массовым сознанием транслируемой информации.

Целесообразным представляется вывод о том, что в идеологизированном обществе миф выполняет поддерживающую функцию, обосновывая существующую реальность и консолидируя массы в гомогенное целое. Для политики тоталитарных режимов характерна сверхцентрализация, стремящаяся связать разнородные культурные, социальные, политические и прочие явления как на институциональном уровне, так и на мета-теоретическом. При этом в современных корпорациях на примере Facebook также можно проследить тенденции к диктату определенной социокультурной парадигмы.

Г. Лебон в конце XIX в. писал о том, что даже безапелляционное утверждение, повторенное многократно, способно захватить не только «душу народа», но и самые просвещенные умы. Миф – это не только метод социальной рефлексии, но и способ распространения символической реальности. Через распространение мифологем, лишенных четкого денотативного ядра (оторванных от действительности), идеологи апел-

лируют к чувствам и стремятся к поддержанию бездумной веры в «душе народа». Нельзя утверждать, что Интернет, как пространство полифоническое, является орудием целенаправленной мифологизации массового сознания, но детонационный характер этой технологии, в «галактике» которой происходит постепенное возвращение к устной культуре, отрицать невозможно.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мак-Люэн, М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры / М. Мак-Люэн. – Киев : Ника-Центр, 2004. – 432 с.
2. Маркузе, Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе. – М. : АСТ, 2002. – 526 с.
3. Hendricks, V. F. Reality Lost [Electronic resource] / V. F. Hendricks, M. Vester-gaard. – Mode of access: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2F978-3-030-00813-0.pdf> – Date of access: 01.06.2020.
4. Громов, А. Как Cambridge Analytica «взламывала выборы» по всему миру [Электронный ресурс] / А. Громов // ТАСС. – 2018. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5048632>. – Дата доступа: 01.09.2020.
5. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук / Е. И. Шейгал. – Волгоград, 2000. – 440 л.
6. Михайленко, В. И. Современные исследования тоталитаризма / В. И. Михайленко // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. – 2011. – № 1 (86). – С. 181–192.
7. Барт, Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры / Р. Барт. – М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2004. – 511 с.
8. Ополев, П. В. Тенденции изменения медийного пространства: от текста к гипертексту / П. В. Ополев // Идеи и идеалы. – 2018. – Т. 2, № 3 (37). – С. 96–112.
9. Hughes, C. It's Time to Break Up Facebook [Electronic resource] / C. Hughes // The New York Times. – 2019. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/2019/05/09/opinion/sunday/chris-hughes-facebook-zuckerberg.html?module=inline>. – Date of access: 01.06.2020.
10. Zuckerberg, M. The Internet needs new rules. Let's start in these four areas [Electronic resource] / M. Zuckerberg // The Washington Post. – 2019. – Mode of access: https://www.washingtonpost.com/opinions/mark-zuckerberg-the-internet-needs-new-rules-lets-start-in-these-four-areas/2019-03/29/9e6f0504-521a-11e9-a3f7-78b7525a8d5f_story.html?utm_term=.30e2b53b0ec5. – Date of access: 02.06.2020.
11. Киберпреступность и распространение дезинформации во время пандемии COVID-19 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/coronavi-rus/un-tackling-%E2%80%9880%98infodemic%E2%80%999-misinformation-and-cybercrime-covid-19>. – Дата доступа: 01.06.2020.
12. Tidy, J. Coronavirus: Facebook alters virus action after damning misinformation report [Electronic resource] / J. Tidy // BBC. – 2020. – Mode of access: <https://www.bbc.com/news/technology-52309094>. – Date of access: 02.06.2020.
13. Kreps, S. E. The Covid-19 Infodemic and the Efficacy of Corrections [Electronic resource] / S. E. Kreps, D. Kriner // SSRN. – Mode of access: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3624517>. – Date of access: 02.09.2020.
14. Perrigo, B. Facebook Is Notifying Users Who Have Shared Coronavirus Misinformation. Could It Do the Same for Politics? [Electronic resource] / B. Perrigo // Time. – 2020. – Mode of access: <https://time.com/5822372/facebook-coronavirus-misinformation/>. – Date of access: 02.06.2020.

Рукапіс надруковано у редакцію 25.06.2020

Виктор Николаевич Ватыль¹, Николай Викторович Ватыль²
¹д-р полит. наук, проф., зав. каф. политологии

Гродненского государственного университета имени Янки Купалы
²канд. полит. наук, доц., доц. каф. гражданского права и процесса
Гродненского государственного университета имени Янки Купалы

Victor Vatył¹, Nikolai Vatył²

¹Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Political Science
of Yanka Kupala State University of Grodno

²PhD of Political Science, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Civil Law and Process
of Yanka Kupala State University of Grodno

e-mail: ¹vatyln@gmail.com, ²vatel-n@yandex.ru

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ В ФИЛОСОФИИ ГОСУДАРСТВА И. А. ИЛЬИНА

На основе структурно-функционального подхода охарактеризована концепция духовно-нравственных основ в философии государства И. А. Ильина. Ее особенности раскрываются посредством построения объяснительной модели, основу которой составляют три теоретико-методологических блока: антропоонтологические предпосылки, первоценности и объективированные формы первоценностей. К антропоонтологическим предпосылкам относятся человек, дух, духовный опыт, духовность; к первоценностям – любовь, вера, совесть, свобода, добро; к объективированным формам первоценностей – национализм, патриотизм, солидарность, правосознание. Духовно-нравственные основы рассматриваются как те исходные начала, от которых зависит состоятельность и здоровье государства. Именно они создают ту внутреннюю крепость и стойкость государственного организма, с которыми связаны сила и мощь данного политического института. Авторы четко обозначают ту начальную точку отсчета, с которой начинается «вектор» распределения государственной энергии, и в итоге достигается не только повседневное благополучие граждан, но и главные социально-политические цели общества. Указывается на введенное Ильиным в аналитику политико-философских основ государства духовно-нравственное измерение. В категориях первоценностей и их объективированных форм были артикулированы те новые смыслы, которые стали ответами на вызовы европейской политики первой половины XX в. Духовно-нравственные основы стали тем недостающим звеном в аналитике государства, которое и сегодня способствует развитию теории и практики состоятельной государственности.

Spiritual and Moral Foundations in the Philosophy of the State of I. A. Ilyin

The article describes the concept of spiritual and moral foundations in the philosophy of the state of I. A. Ilyin. The explanatory model contains three methodological blocks: anthropo-ontological premises; primary values; objectified forms of primary values. The anthropo-ontological prerequisites include: man, spirit, spiritual experience, spirituality; primary values include: love, faith, conscience, freedom, good; objectified by the form of primary values include: nationalism, patriotism, solidarity, sense of justice. The spiritual and moral foundations are those initial principles on which the viability and health of the state depend. The criterion for the significance of these foundations is not only the consequences of political crises, but also the hopes placed on future political ideals. Love, faith, conscience, freedom, goodness, nationalism, patriotism, solidarity, sense of justice form the initial ethical principles that create a strong and effective state. They become the incentive charge on which the social well-being of citizens and the political health of the state depend. New meanings were articulated in logical categories of primary values and their objectified forms. They were answers to the challenges of European politics in the first half of the 20th century. Spiritual and moral foundations have become the missing link in state analytics, which even today contributes to the development of the theory and practice of wealthy statehood.

В 2020 г. истекает 66-ая годовщина со дня кончины известного русского философа и политического мыслителя Ивана Александровича Ильина (28.03.1883 – 21.12.1954).

Скорбная дата становится как поводом очередного обращения к политико-философскому наследию Ильина, так и подтверждением того факта, что пристальный

интерес исследователей к нему не ослабевает, а возрастает. Подтверждением сказанному выступает значимость и актуальность его исходных теоретических идей и положений, а также возрастающая историографическая разработка основных аспектов политической философии Ильина.

Философские суждения Ильина о логике и методологии бытия общества и государства вызывали и вызывают повышенное внимание и острую полемику среди специалистов не только сегодня, но еще и при жизни автора. Неоднозначно оценивались и оцениваются истоки и эволюция его философских взглядов [1; 2], влияние античных философов [3], взаимосвязь с гегельянской философией [4], сопряжение его философских построений с философско-историческими идеями русских и зарубежных мыслителей XIX и XX в. [5]. При всех разночтениях исследователи сходятся в оценке философии Ильина как самостоятельной и оригинальной.

Религиозно-философские и антропологические идеи исследовали И. Л. Сокина [6], Д. А. Честнейшина [7]. Онтологические и гносеологические особенности философии И. А. Ильина рассматривали А. Р. Голубева [8], Л. А. Бойко [9].

Полемику по морально-нравственным аспектам философии Ильина развернули уже его современники: Ю. И. Айхенвальд, Н. А. Бердяев, А. Д. Билимович, Н. П. Вакар, З. Н. Гиппиус, В. Х. Даватц, И. П. Демидов, Л. Добронравов, В. В. Зеньковский, А. В. Карташов, М. Е. Кольцов, Е. Д. Кускова, Н. О. Лосский, Ф. А. Степун, П. Б. Струве, В. М. Чернов, митрополит Антоний (Храповицкий), архиепископ Анастасий (Грибановский). Проблема сопротивления злу силой в философии Ильина исследовалась современными авторами, среди которых В. Офферманс, Ю. В. Линник, Б. Н. Любимов, Н. К. Гаврюшин. На эту тему написаны исследования В. А. Цыка [10; 11], В. П. Римского [12].

Базисные принципы отношения Ильина к политическим проблемам, рассмотрение политики как органического единства анализируются в работах Л. А. Чикина [13], А. А. Ильина [14], М. В. Жигановой [15].

Природа власти в учении Ильина исследуются в трудах Ю. С. Усачева [16], В. А. Кудрявцева [17].

Духовно-нравственные аспекты права, правосознания, свободы, равенства в творчестве русского политического мыслителя выявляют в своих научных работах Т. В. Потапенко [18], Р. В. Апресян [19], А. В. Поляков [20].

Таким образом, исследователями философии Ильина отмечено наличие у него самостоятельного идейно-мировоззренческого пути постижения реальной действительности, оригинальной научно-философской методологии. Однако до сего времени нет работы, которая бы преломляла методологию Ильина к пониманию государственной концепции. Выявлены лишь подходы к раскрытию методологии и созданы предпосылки для построения данной концепции.

Концепция государства занимает важное место в политико-философском учении Ильина. Ее значимость для теории и практики современной государственности объясняется рядом исходных теоретико-методологических идей.

1. Рубеж XIX–XX вв. – время масштабных политических катаклизмов и изменений. Кризисная ситуация во главу угла ставила вопрос о ресурсных возможностях и креативных способностях государства. Для Ильина такой вопрос «задавал» модельные рамки и траектории к созданию концепта «состоятельное государство».

2. Несущей основой концепта для него являлась идея о единстве, целостности и консолидации общества. Исполнение государством «собирающей» задачи – необходимая и обязательная стадия развития социально-политического бытия народа, особенно на этапе утверждения и развития системы национально-государственного суверенитета.

3. Следующим концептуальным началом обозначенной модели была идея «нравственного начала» как начальной границы конечной цели, как истинного глубинного смысла государственности.

4. Очередной идеей, которая становится «сквозной» для концепта Ильина, являлась идея политико-правовых гарантий как основного механизма утверждения эффективного функционирования государственности.

5. Наконец, идея сильной власти как способ консолидации общества и реализации нравственных задач государства.

Обозначенные теоретико-методологические идеи составляют основу объяснительной модели философии государства во взглядах Ильина. С их помощью он стремится объяснить сущность и глубокий смысл национально-государственного организма, его назначение и предназначение. По верному замечанию В. И. Спиридоновой, в этой модели присутствовали две интерпретации природы государства – «институциональная» и «этическая» [21, с. 46]. Первая склонна воспринимать государство в узком смысле, как аппарат управления, политическую машину, механизм поддержания минимального порядка в обществе посредством постоянно функционирующих политико-правовых регулятивов – власть, право, закон. Вторая предпочитает рассуждать о государстве в широком смысле и видит в нем, помимо сугубо формально-организационных нормативов управления, органический продукт истории народа, нравственную ценность, которая позволяет формировать моральные аспекты «поля общего» в конкретной стране. Подчеркивается особая «субстанциональность» государства, что подразумевает акцентирование и соотнесение государства с высшими морально-нравственными принципами, онтологизацию непрерывного нравственного тождества государства с духовным, культурно-нравственным бытием конкретного народа.

Духовно-нравственные основы становятся тем исходным началом, от которого зависят состоятельность и здоровье государства. Именно они создают ту внутрен-

нюю крепость и стойкость государственного организма, с которыми связана сила и мощь данного политического института. Помня и учитывая духовно-нравственные основы, охарактеризованные Ильиным, мы четко осознаем ту начальную точку отсчета, с которой начинается «вектор» распределения государственной энергии и в конечном итоге достигается не только повседневное благополучие граждан, но и главные социально-политические цели общества. Критерием значимости этих основ, как не раз указывал русский политический мыслитель, являются не только последствия политических кризисов, но и надежды, возлагаемые на будущие политические идеалы.

Сразу подчеркнем, что на содержание ильинской модели духовно-нравственных основ государства значительно повлияли трагические события первой половины XX в., кризис европейского государства, разочарование в возможностях рационализованного мышления. Об этом не раз говорил сам Ильин, об этом свидетельствуют его рассуждения и выводы. Именно драматическая ситуация тех времен на Западе и Востоке побудили Ильина к поиску и выявлению наиболее глубинных основ состоятельности и силы государства. Таковыми он считал духовно-нравственные основы, состоящие из: а) антропоонтологических предпосылок; б) идеализированных нравственных принципов – первоценностей; в) объективированных форм первоценностей.

Представим их в виде таблицы.

Таблица. – Духовно-нравственные основы государства

Антропоонтологические предпосылки	Первоценности	Объективированные формы первоценностей
1. Человек 2. Дух 3. Духовный опыт 4. Духовность	1. Любовь 2. Вера 3. Совесть 4. Свобода 5. Добро	1. Национализм 2. Патриотизм 3. Солидарность 4. Правосознание

В общем контексте философии государства русского политического мыслителя вопросы природы человека, его сущности и предназначения, места в мире являются определяющими. Понятием «человек» у Ильина охватывается совокупность общих черт, присущих человеческому роду, где личный уровень духовного развития определяет степень духовности социально-политической

сферы, в которую объективируются «все свободные, частноинициативные, духовно-творческие, внутренние настроения и внешние деяния граждан» [22, с. 380].

Исходным постулатом политико-философской антропологии Ильина выступает понимание им человека как органического единства в нем телесного, душевного и духовного элементов. Русский политический

мыслитель придерживался априористической трактовки природы человека, согласно которой физическая телесность, душа и дух изначально присущи человеку. «Человеку реально дан от Бога и от природы особый, определенный способ телесного существования, душевной жизни и духовного бытия... всякая теория... и политика, которые с ним не считаются, вступают на ложный и обреченный путь» [23, с. 258].

Телесность является формой физического существования человека в материальном мире. Через физическое тело человек имеет возможность реализовывать цель своей жизни – выражать свою духовную сущность, быть живым носителем духа. К функциям тела, по мнению Ильина, относятся: а) удовлетворение физических потребностей человека; б) утверждение душевно-духовной сущности человека в пространстве и времени; в) через волевые действия «вынос» вопреки результатов своей душевной и духовной деятельности. Забвение этой цели ведет к тому, что «тело, не считающееся с духом, и душа, покорная элементарному биологическому инстинкту, объявляют своеволие и творят законченную пошлость и несомненный грех» [24, с. 433].

Ильин исходил из того, что инстинкт – самый простой и примитивный мотиватор к действиям. Ограниченность его возможностей он видит в том, что человек, руководствующийся только инстинктом в своих действиях, корыстен, эгоистичен и заботится об удовлетворении только своих потребностей. Поэтому задача общества и государства состоит в том, чтобы «сообщить ему способность и умение практически не руководствоваться одними инстинктивными влечениями и порывами» [24, с. 435].

Гамму индивидуальных и социальных личностных качеств Ильин связывал со следующим элементом человеческой природы – душой. «Душа – эта вся совокупность того, что происходит в нашем «сознании», а равно и в нашем «бессознательном», на протяжении всей нашей жизни: это наши чувства, болевые ощущения, приятные и неприятные состояния, воспоминания и забвения, впечатления и помыслы, проносающиеся в нас мимолетно, а также деловые соображения и заботы, приковывающие нас к себе надолго» [25, с. 22].

Назначение душевной деятельности Ильин видел в переходе к более высокому состоянию – духовному. «Дух – это... то, что человек признает высшим и безусловным благом» [26, с. 23]. Анализ философских работ Ильина показывает, что в них есть две трактовки понятия «Дух» – теологическая и научно-рационалистическая. Для контекста нашего исследования важно уяснить смысл научно-рационалистической интерпретации. В этом случае «Дух» понимается как абсолютный идеал, движение к которому является «силой самоопределения к лучшему» в самом человеке [23, с. 83]. Движение к абсолютному идеалу посредством своих устремлений и действий русский политический мыслитель считал подлинным смыслом жизни и первоосновой всего сущего. В таком представлении «Дух» понимался не только как целевое совершенство, но и как онтологическая основа всех настоящих и последующих действий человека. Благодаря этому, жизнь человека становится осмысленной и плодотворной [24, с. 51].

Постижение своей духовной сущности и движение к Духу-идеалу человек осуществляет через духовный опыт, который возникает в процессе постижения духовного смысла предмета. Духовный опыт – верное восприятие, переживание и осмысление жизненного, в т. ч. социально-политического, опыта в соответствии с базовыми духовными ценностями. Духовный опыт позволяет человеку выбрать методы познания и средства деятельности и разобраться в сущности сложных социальных и политических процессов. По Ильину, «наука, искусство, государство и хозяйство суть как бы те духовные руки, которыми человек берет мир», т. е. формы постижения и накопления духовного опыта [23, с. 316].

Квинтэссенцией духовного опыта в человеке выступает такое качество, как духовность. Под духовностью Ильин понимал совокупность всех высших человеческих качеств, обусловленных его духовной природой [26, с. 343]. К ним в первую очередь он относил:

а) первоценности: любовь, вера, совесть, свобода, добро;

б) объективированные формы первоценностей: национализм, патриотизм, солидарность, правосознание.

Духовность для Ильина является исходной основой сильной и состоятельной государственности, ибо «государство в его духовной сущности есть не что иное, как множество людей, связанных общностью духовной судьбы и сжившихся в единстве на почве духовной культуры и правосознания» [23, с. 234].

Первым и самым глубоким источником духовности, по Ильину, выступает любовь, составляющая основу духовно-творческой силы государства. «Духовная любовь есть не что иное, как вкус к совершенству» [23, с. 75]. Поэтому человек, переживающий духовную любовь, непроизвольно тяготеет к качеству, достоинству, совершенству. Действия человека становятся осмысленными и мотивированными, потому что там, «где начинается любовь, там кончается безразличие, вялость, экстенсивность» [23, с. 71]. Истинная любовь позволяет душе установить тождество с любимым предметом до полного единения с ним. Любовь является качеством всепоглощающим.

В своих исследованиях Ильин выделял два рода любви: любовь инстинкта и любовь духа. Любовь инстинкта субъективна, она тяготеет к личным удовольствиям. Любовь духа ориентируется на объективно значимый, качественный идеал. Гармония наступает только тогда, когда оба рода любви соединяются [23, с. 76]. Любовь, по Ильину, активно противодействует злу в любой его форме как потенциальной опасности любимому предмету. «Это означает, что самое сопротивление злу проистекает из одухотворенной любви, ею осуществляется, ей служит, к ней ведет, ее насаждает, растит и укрепляет» [27, с. 134]. Ильин, таким образом, считает, что любовь не должна быть безвольной и созерцательной. Она должна быть способна побуждать человека к активным действиям для пресечения злодеяния.

Другим побуждающим к действиям качеством духовности является вера. Сущность веры, по Ильину, заключается в том, что человек определяет все помыслы и действия своей жизни той идеей, которую он определил как истинную, независимо от логических предпосылок. Верить – значит определять для себя какую-либо идею как истинную и неотступно следовать этому убеждению в своих дальнейших действиях и помыслах. Вера является первичной основой

всех действий человека, «ибо вера есть не что иное, как главное и ведущее тяготение человека, определяющее его жизнь, его воззрения, его стремления и поступки» [23, с. 43].

В работе «Путь духовного обновления» Ильин выдвигал четкий критерий веры – «жить стоит только тем и верить в то, за что стоит бороться и умереть, ибо смерть есть истинный и высочайший критерий для всех жизненных содержаний» [23, с. 52]. Благодаря вере в высший, объективно значимый идеал, личный интерес человека сливается с общими интересами. Человек находит свою опору в духовных ценностях, единых для всех людей. Служение этим ценностям и идеалам ведет к гармоничному развитию как индивидуальной личности, так и общества в целом.

Вера в абсолютную идею как реальность, а не отвлеченную абстракцию, побуждает человека к нравственному совершенствованию. За это отвечает такое качество человека, как совесть. Совесть определялась Ильиным как «живая и цельная воля к совершенству» [23, с. 114]. В духовной жизни человека совесть выполняет функции внутреннего контролера, позволяющего различать добро и зло, ограждать человека от безнравственных поступков. Совесть есть глубочайший источник чувства ответственности, основа справедливости. Совесть трактуется русским политическим мыслителем не только как важнейшая основа духовно-нравственного бытия человека, но и как обязательное начало государственности. Поэтому любые кризисные явления в государственных институтах начинаются с ослабления голоса совести. Нравственное значение совести Ильин видел в том, что она направляет человека не к наиболее выгодному и субъективно приятному, а к объективно наиболее совершенному.

Свобода является необходимым условием развития индивидуальной и социальной духовности. Ильин разделял свободу на внешнюю и внутреннюю, подчеркивая тем самым ее общественный и личностный характер. «Если внешняя свобода устраняет насильственное вмешательство других людей в духовную жизнь человека, то внутренняя свобода обращает свои требования не к другим людям, а к самому – уже внешне нестесненному – человеку» [23, с. 94].

Внешняя свобода определялась русским политическим мыслителем как невозможность вмешательства и несанкционированного воздействия со стороны других людей на личность – «свобода от недуховного и противодуховного давления, от принуждения и запрета, от грубой силы, угрозы и преследования» [23, с. 89]. Внутренняя свобода – способность к внутреннему самоопределению и самоосвобождению, это «способность духа самостоятельно увидеть верный закон, самостоятельно признать его авторитетную силу и самостоятельно осуществить его в жизни» [23, с. 97]. Внешняя свобода является первоначальным и необходимым условием для обретения свободы внутренней. Внутренняя свобода выражает способность человека самостоятельно определять свои действия и помыслы, притом не только осознавать потенциальную возможность, но и воплощать ее в реальности. Проявление духовной свободы вовне есть свобода воли, лежащей в основе политической свободы, которую Ильин характеризовал как самый высокий уровень свободы, при котором человек обращает свою свободную волю на других членов социума, организуя их для более гармоничного духовного и материального сосуществования.

Обладая внешней и внутренней свободой, человек выбирает максимы своего поведения – добро либо зло. Добро и зло являются главными категориями нравственной составляющей философии государства Ильина. Стремление к добру есть стремление к объективно лучшему, к абсолютному идеалу, к духу. Оно воплощается в нравственных принципах и в соответствующем им поведении. Зло же есть максимальная степень отдаления от духа, борьба с любой формой духовности. «Добро есть одухотворенная любовь; зло – противодуховная вражда. Добро есть любящая сила духа; зло – слепая сила ненависти» [27, с. 47]. И добро, и зло представляют собой не отвлеченные абстракции, а конкретную реальность, так как являются результатом объективации духовных первоценностей в социально-политическую сферу.

Ильин объективирует первоценности в сферу политики и государственности, определяя этим не только их внутреннюю сущность, но и внешнее состояние и динамику. Объективирование, по мнению совре-

менных науковедов, представляет процесс, в силу которого субъективное состояние переносится за пределы субъекта. Объективация в форме национализма, патриотизма, солидарности, правосознания представляет собой движение к духу-идеалу.

В своей философии государства Ильин рассматривал нацию как уникальную в своих внешних признаках и самобытную в духовном плане общность, которая складывается на определенной территории среди людей, находящихся между собой в социально-экономических связях, говорящих на одном языке, транслирующих из поколения в поколение свою культурную специфику и осознающих себя отдельной самостоятельной группой [25, с. 244]. Исходя из этого, он определял национализм как «любовь к духу своего народа и притом именно к его духовному своеобразию» [23, с. 196].

Именно духовная самобытность, создает, по Ильину, смысловую сущность нации – национальный дух, включающий:

1) национальное сознание – совокупность ментальных представлений нации о своем месте в мире, включающая социально-психические установки и стереотипы [23, с. 197];

2) национальное самосознание – осознание индивидом своей принадлежности к определенной национальной общности как социально-экономической и политической организации [25, с. 319];

3) национальный характер – целостную структуру, отражающую специфику исторически сложившихся свойств психики представителей нации [23, с. 211];

4) национальный темперамент – внешнее выражение национального характера, выраженное в особенностях общения (специфика речи, движения, жесты) [22, с. 421].

Любовь к духу своего народа, к его национальным особенностям лежит в основе патриотизма. Патриотизм в общем смысле есть «чувство любви к родине» [23, с. 188]. Понятием «родина» охватывается субстанция, состоящая из духовного и материального компонентов, основанная на чувстве сопринадлежности людей. Родина воплощает в себе единство материальных (территория, природа, население, государственная власть) и нематериальных (духовная культура, морально-нравственные ценности, переживание исторического наследия) элемен-

тов, с которыми человек себя отождествляет в процессе своей социально-политической деятельности. Формирование представления о родине начинается у человека в детстве и развивается на протяжении всей жизни по мере накопления духовного опыта. Именно наличие элемента духа как «силы самоопределения к лучшему» в человеческой природе определяет родину как «духовную реальность» [23, с. 180]. Образ родины приобретает идеальные черты. Она становится для патриота высшей ценностью, которую следует оберегать и любить. Человек, любящий свою родину, осознает неразрывную связь своего индивидуального духа с духом своего народа, сопричастность его судьбе, индивидуальную ответственность за его будущее. Поэтому истинный патриот, даже находясь за территориальными границами своего государства и будучи изолированным от своих сограждан, не может быть лишен родины, любовь к которой пребывает в его душе. «Любить родину – значит любить ее дух» [28, с. 255].

Истинный патриот не отделяет себя от своего государственного союза, своих целей от его целей, своей судьбы от его судьбы. Государство становится для патриота объективно высшей ценностью, ради которой стоит жить, и за сохранность которой должно умереть. Поэтому готовность отдать свою жизнь за благо своей страны, по Ильину, есть высшая степень патриотизма [28, с. 402].

Любовь к родине, приобщенность к единому национальному духу устанавливают прочные ценностные связи человека со своим народом, образуя духовную солидарность. Духовная солидарность определяется Ильиным как осознание индивидом нерасторжимого тождества своего личного интереса с единым интересом своего государства, а также с отдельными интересами своих сограждан. «Солидаризация интересов возникает так, что каждый член союза начинает понимать неосуществимость своей цели помимо осуществления чужих одинаковых целей, и притом всех чужих целей» [28, с. 246]. Духовная солидарность становится основой государственного союза, «ибо государство есть организованное общение людей, связанных между собою духовной солидарностью и признающих эту солидарность не только умом, но поддер-

живающих ее силою патриотической любви, жертвенной волей, достойными и мужественными поступками» [23, с. 238]. Духовная солидарность, по Ильину, является первоосновой национального духа, той силой, которая превращает дискретное, разрозненное множество индивидов в единый государственный организм.

Ильин подчеркивал, что большинство людей имеют разный уровень личной духовности, поэтому не способны к добровольному самообязыванию и осознанным солидарным действиям. Они нуждаются в гетеронном, внешнем понуждении и принуждении, которое в государстве обеспечивается нормами права. Право воздействует на внешнюю свободу человека через формальный регулятив – закон, а на внутреннюю, духовную свободу через правосознание. «Правосознание можно было бы описать как естественное чувство права и правоты, или как особую духовную настроенность инстинкта в отношении к себе и к другим людям» [28, с. 231]. Правосознание позволяет не просто формально исполнять предписания, установленные в нормативно-правовых актах и обеспеченные угрозой применения санкций государственной властью, но осознанно и добровольно воспринимать духовную сущность и цель права. Цель права Ильин видел в устранении противоречия между природным и материальным неравенством людей (социальным неравенством) и равенством людей как духовных субъектов (равенством возможностей). Развитое правосознание способствует исполнению индивидом правовых и социальных норм даже в отсутствии контроля и принуждения, формирует доверие граждан к своему государству, учит граждан взаимному уважению прав и свобод. В утверждении здорового правосознания Ильин видел основу сильной и эффективной государственности.

Русский политический мыслитель сформулировал ряд положений (аксиом), без которых невозможно формирование высокого уровня правосознания у граждан:

1) закон духовного достоинства – уважение и признание духовного «Я» человека со стороны других субъектов права;

2) закон автономии – необходимое правовое признание и правовые гарантии личной свободы;

3) закон взаимного признания – уважение и признание человеком правового статуса других субъектов права [28, с. 310; 29, с. 111].

Таким образом, Ильин самобытно вводит в аналитику политико-философских основ государства духовно-нравственное измерение. Для него любовь, вера, совесть, свобода, добро, национализм, патриотизм, солидарность, правосознание образуют те исходные этические начала, без которых невозможно сильное и эффективное государство. Именно они становятся тем побу-

дительным зарядом, от которого зависит социальное благополучие граждан и политическое здоровье государства.

В категориях первоценностей и их объективированных форм он артикулировал те новые смыслы, которые стали ответами на вызовы европейской политики первой половины XX в.

Духовно-нравственные основы стали тем недостающим звеном в аналитике государства, которое и сегодня способствует развитию теории и практики состоятельной государственности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Евлампиев, И. И. «Русский колокол» Ивана Ильина [Электронный ресурс] / И. И. Евлампиев // Социальная философия Ивана Ильина : материалы рос. семинара, Санкт-Петербург, 9–10 апр. 1993 г. : в 2 ч. – СПб., 1993. – Ч. 2. – С. 7–14.
2. Бабинцев, С. Н. Мирозерцание И. А. Ильина / С. Н. Бабинцев. – М. : Прометей, 1997. – 170 с.
3. Гнатюк, О. Л. Русская политическая мысль начала XX в.: Н. И. Кареев, П. Б. Струве, И. А. Ильин / О. Л. Гнатюк. – СПб., 1994. – 125 с.
4. Евлампиев, И. И. Божественное и человеческое в философии Ивана Ильина / И. И. Евлампиев. – СПб. : Наука, 1998. – 509 с.
5. Лавров, А. Г. Философия культуры И. А. Ильина : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 / А. Г. Лавров. – М., 1997. – 166 л.
6. Сокина, И. Л. Антропологические концепции Н. А. Бердяева и И. А. Ильина: точки пересечения и отторжения [Электронный ресурс] / И. Л. Сокина // Самар. науч. вестн. – 2016. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/antropologicheskie-kontseptsii-n-a-berdyayeva-i-i-a-ilina-tochki-peresecheniya-i-ottorzheniya>. – Дата доступа: 25.09.2020.
7. Честнейшина, Д. А. Социально-философская антропология И. А. Ильина : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Д. А. Честнейшина. – Архангельск, 2006. – 226 л.
8. Голубева, А. Р. Гносеологический аспект философии И. А. Ильина [Электронный ресурс] / А. Р. Голубева // Изв. Алт. гос. ун-та. – 2015. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/gnoseologicheskii-aspekt-filosofii-i-a-ilina>. – Дата доступа: 25.09.2020.
9. Бойко, Л. А. Гносеологические основания социальной философии И. А. Ильина : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 / Л. А. Бойко. – Краснодар, 2002. – 149 л.
10. Цвык, В. А. Проблема борьбы со злом в философии И. А. Ильина : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.05 / В. А. Цвык. – М., 1995. – 144 л.
11. Римский, В. П. Логические и философские смыслы полемики И. А. Ильина и Л. Н. Толстого [Электронный ресурс] / В. П. Римский, О. Н. Римская, К. Е. Мюльгаупт // Изв. Тул. гос. ун-та. Гуманитар. науки. – 2018. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/logicheskie-i-filosofskie-smysly-polemiki-i-a-ilina-i-l-n-tolstogo>. – Дата доступа: 25.09.2020.
12. Цвык, В. А. Проблема добра и зла в философии И. А. Ильина [Электронный ресурс] / В. А. Цвык // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Философия. – 2017. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-dobra-i-zla-v-filosofii-i-a-ilina>. – Дата доступа: 25.09.2020.
13. Чикин, Л. А. Социально-философский анализ концепции правосознания И. А. Ильина : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Л. А. Чикин ; Северодв. филиал ПГУ им. М. В. Ломоносова. – Иваново, 2008. – 22 с.
14. Ильин, А. А. Демократия как политический режим или селекция элит: идея народоуправства в учениях П. И. Новгородцева и И. А. Ильина [Электронный ресурс] / А. А. Ильин // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7, Философия. – 2018. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/>

demokratiya-kak-politicheskiy-rezhim-ili-selektsiya-elit-ideya-narodopravstva-v-ucheniayah-p-i-novgorodtseva-i-i-a-ilina. – Дата доступа: 25.09.2020.

15. Жиганова, М. В. Эволюция консерватизма в трудах И. А. Ильина [Электронный ресурс] / М. В. Жиганова // Вопр. науки и образования. – 2017. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-konservatizma-v-trudah-i-a-ilina>. – Дата доступа: 25.09.2020.

16. Усачева, Ю. С. Проблемы национализма и патриотизма в наследии Н. А. Бердяева, И. А. Ильина, В. В. Розанова, П. Б. Струве : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Ю. С. Усачева. – СПб., 2011. – 216 л.

17. Кудрявцев, В. А. Теоретический потенциал и роль государственно-правовых взглядов И. А. Ильина в отечественной истории [Электронный ресурс] / В. А. Кудрявцев, Е. В. Лось // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Социология. – 2018. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskiy-potentsial-i-rol-gosudarstvenno-pravovyh-vzglyadov-i-a-ilina-v-otechestvennoy-istorii-sotsiologii>. – Дата доступа: 25.09.2020.

18. Потапенко, Т. В. Роль семьи в патриотическом воспитании в философии И. А. Ильина [Электронный ресурс] / Т. В. Потапенко // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Филос. науки. – 2018. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-semi-v-patrioticheskom-vozpitanii-v-filosofii-i-a-ilina>. – Дата доступа: 25.09.2020.

19. Апресян, Р. Г. Свобода: опыт осмысления и переживания [Электронный ресурс] / Р. Г. Апресян // Этическая мысль. – 2017. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/svoboda-opytu-osmysleniya-i-perezhivaniya>. – Дата доступа: 25.09.2020.

20. Поляков, А. В. Дефицит свободы как политико-правовая проблема [Электронный ресурс] / А. В. Поляков // Тр. Ин-та государства и права Рос. акад. наук. – 2018. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/defitsit-svobody-kak-politiko-pravovaya-problema>. – Дата доступа: 25.09.2020.

21. Спиридонова, В. И. Эволюция идеи государства в западной и российской социально-философской мысли / В. И. Спиридонова. – М. : ИФРАН, 2008. – 186 с.

22. Ильин, И. А. Собрание сочинений : в 10 т. / И. А. Ильин. – М. : Рус. книга, 1993–1999. – Т. 2, кн. 1. – 1993. – 496 с.

23. Ильин, И. А. Собрание сочинений : в 10 т. / И. А. Ильин. – М. : Рус. книга, 1993–1999. – Т. 1. – 1993. – 400 с.

24. Ильин, И. А. Аксиомы религиозного опыта / И. А. Ильин. – М. : Рарогъ, 1993. – 448 с.

25. Ильин, И. А. Собрание сочинений : в 10 т. / И. А. Ильин. – М. : Рус. книга, 1993–1999. – Т. 9–10. – 1999. – 512 с.

26. Ильин, И. А. Собрание сочинений : в 10 т. / И. А. Ильин. – М. : Рус. книга, 1993–1999. – Т. 2, кн. 2. – 1993. – 480 с.

27. Ильин, И. А. Собрание сочинений : в 10 т. / И. А. Ильин. – М. : Рус. книга, 1993–1999. – Т. 5. – 1995. – 608 с.

28. Ильин, И. А. Собрание сочинений : в 10 т. / И. А. Ильин. – М. : Рус. книга, 1993–1999. – Т. 4. – 1994. – 624 с.

29. Ватыль, В. Н. Сильное и эффективное государство: концептуальная модель И. А. Ильина / В. Н. Ватыль, Н. В. Ватыль // ПОЛИТЭКС. – 2014. – Т. 10, № 4. – С. 110–133.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 02.10.2020

УДК 321.022

Николай Юрьевич Веремеев¹, Анастасия Николаевна Курадовец²¹канд. полит. наук, доц. каф. политологии

Белорусского государственного экономического университета

²магистрант Института социально-гуманитарного образования

Белорусского государственного экономического университета

Nikolai Veremeev¹, Anastasia Kuradovets²¹Candidate of Political Sciences, Associate Professor at the Department of Political Science
of Belarus State Economic University²Master's Student of the Institute of Social and Humanitarian Education
of Belarus State Economic Universitye-mail: ¹mr.veremeev@gmail.com; ²nastassyia@mail.ru**К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИЯХ «ГРУППЫ ИНТЕРЕСОВ»
И «ГРУППЫ ДАВЛЕНИЯ» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ**

Статья посвящена одним из наиболее актуальных политических категорий современности, которые обретают особое значение с точки зрения неинституционального подхода в политической науке: «группам интересов» и «группам давления». Авторы отражают трансформацию содержательного пространства категорий через призму трудов исследователей, внесших значительный вклад в развитие данной проблематики политической науки: Р. Мертона, Д. Трумэна, М. Олсона, А. Бенгли, Г. Алмонда, Дж. Пауэлла и др. Работа раскрывает сущность узкого и широкого подходов к изучению выше-названных категорий, определяет значение категорий «группы интересов» и «группы давления» в политическом процессе, затрагивает проблематику универсальной классификации данных феноменов, указывает на их экономическую значимость и заинтересованность со стороны представителей экономической теории.

On the Question of the Categories of «Interest Groups» and «Pressure Groups» in Political Science

The article is devoted to one of the most relevant political categories of our time, which acquire special significance from the point of view of the neoinstitutional approach in political science: «interest groups» and «pressure groups». The authors reflect the transformation of the content space of categories through the prism of the works of researchers who have made a significant contribution to the development of this problematic of political science: R. Merton, D. Truman, M. Olson, A. Bentley, G. Almond, J. Powell, etc. The work reveals the essence of narrow and broad approaches to the study of the above categories, determines the meaning of the categories of «interest groups» and «pressure groups» in the political process, touches upon the problems of the universal classification of these phenomena, indicates their economic significance and interest of representatives of economic theory.

Введение

Неинституциональный подход, как одна из ведущих методологий политической науки рассматривает группы интересов и группы давления в качестве важного социально-политического института. Ввиду этого возникает необходимость изучения выше-названных категорий политической науки. Целью работы является определение содержательного пространства категорий «группы интересов» и «группы давления».

Для достижения цели необходимо решить следующие задачи: отобразить трансформацию категорий «группы давления» и «группы интересов» через призму трудов исследователей; выделить подходы к пониманию категорий «группы интересов» и

«группы давления»; определить место и роль категорий «группы интересов» и «группы давления» в политике.

Европейские философы XVIII–XIX вв. К. Гельвеций, П. Гольбах, И. Кант, Г. Гегель заложили в своих работах понимание интереса как стимула, движущей силы действий субъекта. К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали интерес с материалистической точки зрения, конфликт интересов они объясняли разделением труда [1, с. 7–11].

Следующее определение группам интересов давал Р. Шварценберг, французский политический деятель: «Организации, созданные для защиты интересов и оказания давления на общественные власти с

целью добіцца от них прыняцця такіх рэшэнняў, якія адпавядаюць іх інтарэсам» [1, с. 22].

В палітычнай навуцы сфарміравалася два напраўлення ў разуменні груп інтарэсаў. Узкое, ці арганізацыйнае тэчыне, відыць у групах інтарэсаў «фармальна арганізаваныя асацыяцыі, якія імгнана ўплываюць на рашэнні ўраўдвання» – адзначаў англійскі палітычны дзеяч Р. Солсберы. У шырокім, функцыянальным сэнсе крытэрыем выдзялення груп інтарэсаў выступаюць іх функцыі, т. е. любы, «імгнана ўплываюць на палітыку і ўключаную ў палітычны працэс, можна прызнаць групой інтарэсаў» [1, с. 26–27].

Першым, хто паказаў на большую ролю груп інтарэсаў ў палітыцы, быў 4-ы прэзідэнт США Дж. Мэдyson. Паміма таго, што ён адзначыў пазітыўную ролю даных абразаванняў, палітык гаворыў аб натуральнасці іх існавання. Па словам Мэдysonа, для дэмакратычных рэжыміў прысутнічаюць факцыі, пад якімі ён разумяў «некалькі грамадзян – незалежна ад таго, складаюць ці яны большую ці меншую частку цэлага, якія аб'яднаны і ахоплены агульным зацікаўленнем ці інтарэсам, процілеглым правам іншых грамадзян ці пастаянным і агульным інтарэсам усяго грамадства». Даследчык ставіўся да пытання, як пазбавіцца ад негатыўнага ўплыва факцыяў, і прыйшоў да высновы, што «прычыны, ствараючыя факцыі, немагчыма істребіць, і ратунку ад іх трэба шукаць у сродках, умераных іх дзеяннем», а імгнана – ў стварэнні спецыялізаваных палітычных інстытутаў [1, с. 7–15].

Прыходжанне катэгорыі «групы інтарэсаў» тесна звязана з такім феноменам, як «рэферентная група», прыйшлім ад сацыяльнай псіхалогіі. Г. Хаймен – аўтар тэрміна – разумяе пад гэтым сацыяльную групу, выступаючую стандартам для індывіда, крыніцам нормаў і каштоўнасцей. Амерыканскі сацыялог Р. Мертон ў сваёй працы «Сацыяльная тэорыя і сацыяльная структура» разглядае рэферентныя групы як складваючыя сацыяльнай структуры. Сацыялог дае наступнае вызначэнне: «Група – некаторае колькасць людзей, якія ўзаемадзейнуюць адзін з адным у адпавядаючым з усталяванымі

абразцамі. Інгна група вызначаецца як некаторае колькасць людзей, якія маюць устойлівыя і спецыфічныя сацыяльныя адносіны». Групу можна лічыць такой толькі ў тым выпадку, калі яна адпавядае трём крытэрыям: доўгія формы ўзаемадзейнага на аснове маральных прынцыпаў, самаідэнтыфікацыя індывіда як удзельніка групы, ідэнтыфікацыя са староны грамадства. У якасці прыкладу аўтар прыводзіць прафсаюзы, жанскія арганізацыі і т. д., прычым паднімае праблему выбара паміж рознымі іх варыяцыямі [2, с. 360–558].

«Не існуе групы, калі не існуе яе агульнага інтарэса», – пісаў у сваёй працы «Працэс кіравання: вывучэнне грамадскіх цісненняў» амерыканскі палітолаг А. Бэнлі. Яго ўклад у развіццё тэорыі груп інтарэсаў трывага пераацэніць. Палітыка ёсць працэс і вынік выражэння інтарэсаў вызначаных груп, а ўраўдванне разглядаецца ў якасці усярэднянага інтарэса. Палітыка-адміністрацыйныя інстытуты залежаць ад кан'юнктуры інтарэсаў і трансфарміруюцца разам з ёй. Даследчык вызначыў існаванне многаобразнага груп інтарэсаў ў іх канфлікце, ібо ў грамадства не можа быць агульнага інтарэса: «Усякі групавы інтарэс бессэнсаваны, пака ён не злучаны з інтарэсам іншай групы». Логролінг, па меру Бэнлі, – адличны метад уравнававання групавых інтарэсаў [1, с. 16–19; 3].

Обаснаванне неабходнасці ціснення груп інтарэсаў, ісходзячы з канцэпцыі Бэнлі, зраўд амерыканскі палітолаг Д. Трумэн ў сваёй працы «Управленчы працэс. Палітычныя інтарэсы і грамадскае меру». Неабходна адзначыць, што палітычны працэс даследчык разглядаў як «працэс групавой канкурэнцыі ў барацьбе за ўлад над раздзеленнем рэсурсаў». Ён выдзяляў два тыпу груп – групы і групы інтарэсаў. Ключавым адличнем, па меру Бэнлі, з'яўляецца наяўнасць у груп інтарэсаў рада прэтэнзій да іншых груп, якія заключаюцца ў іх базавых установах і нормах. Трумэн выдзяляў «палітычныя групы інтарэсаў» – ты, якія вступаюць у адносіны непасрэдна з дзяржаўнымі інстытутамі. Па меру палітолага, палітычны працэс цыклічны і заўсёды імгнана шукае раўнаважыя: узнікну-

вление нарушений во взаимодействии – реакция членов групп интересов – поиск нового или видоизменение старого образца взаимодействия. Под группой давления исследователь понимал группу интересов, обладающую определенными качествами и осуществляющую определенную деятельность на политическом поле [1, с. 19–20].

Американский экономист М. Олсон посвятил изучению влиятельных групп работу «Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп». Автор обобщает множественные теории групп и приходит к выводу, что необходимо учитывать различия каузального и формального направлений теории. Олсон отмечает, что в политической науке наиболее популярной стала трактовка американского экономиста Дж. Коммонса, согласно которой «интересы группы – наиболее фундаментальные определяющие экономического и политического поведения». Олсон впервые вводит в научный оборот понятие «побочный продукт» – большие и влиятельные экономические лобби, которые формируются в результате выполнения определенной задачи. Реализация потенциальной политической власти зависит от одного из условий, «избирательных мотивов»: индивида вынуждают заплатить взнос в лоббистскую организацию, или он должен оказать поддержку для получения неколлективной выгоды. Исследователь отмечает, что данная теория применима только к латентным группам. Экономист отдает предпочтение малым группам по причине большей эффективности ввиду меньших издержек по внутригрупповой организации. Многочисленная группа обеспечивает меньшую долю выгод, благ для каждого индивида группы, что является причиной отдаления микрогрупп в составе большой группы. Еще одним фактором, исходя из которого Олсон выбирает малые группы, является величина издержек на получение блага, которая может быть больше самих благ. Также экономист выделил типологию групп интересов, в которую вошли трудовые или профессиональные лобби, деловые лобби, фермерские кооперативы, неэкономические лобби, «забытые группы» [4].

Р. Солсбери – британский политический деятель – в своем труде «Теория обмена групп интересов» на основании изучения опыта фермерских организаций США

утверждает, что деятельность групп интересов зависит от способности лидера или малой группы сплотить вокруг себя остальных. Данное явление политик называет политическим предпринимательством, а лидера или малую группу – предпринимателем группы интересов. Он проводит аналогию с классическим предпринимательством, настаивая на том, что в политике сталкиваются с такими же проблемами: необходимостью заинтересовать потенциального сторонника своей идеей, необходимостью убедить партнера, что обязательства будут выполнены, гарантии того, что выгода от сделки будет превышать издержки и др.

Таким образом, Солсбери формулирует концепцию обмена групп интересов: лидер объединяет вокруг себя сторонников с целью получить выгоду, которой он не может добиться самостоятельно, в свою очередь, последователи консолидируются и для того, чтобы овладеть частью коллективного блага, и для того, чтобы получить персональную выгоду [1, с. 26–27].

Автор категории «группы давления» французский исследователь М. Дюверже разработал собственную типологию групп интересов, которая включала традиционные и массовые. Традиционные группы интересов ориентированы на качественный состав участников, преимущественно элиту, ввиду большей вероятности достижения цели в кратчайшие сроки. Массовые же группы интересов опираются на количественный фундамент: чем больше единомышленников, тем легче добиться результата. Важную роль играет внутренняя иерархия массовых групп и интересов, в качестве примера можно назвать профессиональные союзы [5].

Классификацию групп интересов предложил французский политолог Ж. Блондель. В своей работе «Сравнительное правление: введение» он выделил 2 основных типа групп интересов: общинные и ассоциативные и 4 дополнительных, которые находятся в промежутке между основными: институциональные, группы по обычаю, группы защиты, группы поддержки. В общинных группах политолог видел воплощение примера взаимоотношений, основанных на традициях, таких, как семья, племя. К ассоциативным Блондель относил группы, которые создаются сознательно для достижения определенной общей цели. Про-

межуточные типы от общинных групп до ассоциативных ранжируются следующим образом: группы по обычаю – те группы, которые в своих действиях используют знакомые контакты, находящиеся непосредственно у власти; институциональные группы – формальные образования внутри государственной структуры, такие, как бюрократия, армия; группы защиты занимаются отстаиванием интересов своих единомышленников, они достаточно приближены к центру принятия политических решений и влияют на этот процесс, к данным группам можно отнести профессиональные союзы, различные ассоциации; группы поддержки работают над достижением конкретной цели и при удачной ее реализации могут ликвидировать свое состояние – это экологические, пацифистские движения и др. [6, с. 99–112].

Американские исследователи Дж. Пауэлл и Г. Алмонд в работе «Сравнительная политология сегодня: мировой обзор» разработали несколько иную классификацию групп интересов, чем предлагал Блондель. Они выделяли неупорядоченные группы, которые, как правило, формируются стихийно как эмоциональная реакция на происходящие события. Зачастую эти группы распадаются так же внезапно, как и появились. Неассоциативные группы отличаются от неупорядоченных осознанным общим интересом, причем исследователи выделяют два подвида таких групп: малые, когда единомышленники знакомы, и большие, когда не знакомы. К институциональным группам были отнесены формальные образования: партии, общественные движения, которые, помимо агрегирования и артикуляции интересов, занимаются другой деятельностью. Наконец, последний, четвертый тип групп интересов по версии Алмонда и Пауэлла – ассоциативные. Данные группы интересов направляют свои силы непосредственно на защиту чьих-либо прав, отстаивание интересов без параллельной побочной деятельности – организации по защите прав меньшинств, животных, этнические и экологические движения [7, с. 129–135].

Французский исследователь Ж. Мейно подразделял группы интересов на две категории. К первой из них – профессиональным организациям – он относил те группы, которые в качестве своей цели рассматривали «завоевание материальных выгод»,

сохранение достигнутого положения и дальнейшего роста благосостояния соратников. Вторая категория групп интересов – группы идеологической направленности. В отличие от профессиональных организаций, они ведут свою деятельность на бескорыстных началах, стремятся отстоять моральные и духовные позиции.

Немецкий политолог У. Алеман, исходя из своей концепции разделения сфер социально-политической активности, классифицировал группы интересов следующим образом: в сфере экономики и труда; в социальной сфере; в сфере общественной политики; в сфере досуга; в сфере религии, культуры и науки. Группы интересов экономики и труда включают в себя профессиональные союзы, ассоциации предпринимателей и др. Группы интересов социальной среды представлены в форме союзов людей с ограниченными возможностями, благотворительных фондов, объединений оказания помощи. Общественная политика содержит в себе такие группы интересов, как общественные объединения с различной направленностью. Сфера досуга представлена спортивными, игровыми объединениями, группами по интересам. В свою очередь, интересы в сфере религии, культуры и науки формализованы в секты, научные и культурные сообщества, учреждения образования [1, с. 33–34].

Российский политолог А. Павроз называет три наиболее значимые категории групп интересов в современном обществе. Это группы интересов предпринимателей, профессиональные союзы, группы общественных интересов [1, с. 34].

Заключение

На наш взгляд, группы интересов – это специально созданные объединения индивидуумов, которые являются носителем определенного интереса и выражают его посредством коммуникации с государством, политическими институтами, обществом. Группы давления – это группы интересов, оказывающие давление на органы власти с целью реализации интересов. Категории «группы интересов» и «группы давления» обращают внимание философов и мыслителей еще в XVIII в. В начале 30-х гг. XX в. данный феномен становится предметом изучения социологов и политологов. В

политической науке формируются два понимания групп интересов – узкое, когда группа должна быть формализована, и широкое, когда всякая группа, стремящаяся повлиять на процесс принятия политических решений, есть группа интересов.

Наибольший вклад в развитие теории групп интересов и групп давления внесли М. Дюверже, М. Олсон, А. Бентли, Д. Трумэн. Актуальным остается вопрос о клас-

сификации групп интересов: множество различных существующих подходов дополняются разработками современных авторов.

Группы интересов и группы давления на данный момент выступают в качестве основного социально-политического института, способного влиять на политический процесс, внося коррективы, решая задачи и отстаивая интересы своих соратников.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Павроз, А. В. Группы интересов и лоббизм в политике : учеб. пособие / А. В. Павроз. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. – 186 с.
2. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – М. : АСТ : АСТ МОСКВА : ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 873 с.
3. Bentley, A. The Process of Government: A Study of Social Pressures / A. Bentley. – Cambridge, 1967. – 528 p.
4. Олсон, М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп / М. Олсон. – М. : ФЭИ, 1995. – 174 с.
5. Дюверже, М. Партийная политика и группы давления. Сравнительное введение / М. Дюверже // Социал.-гуманитар. знания. – 2000. – № 4. – С. 261–271.
6. Blondel, J. Comparative Government: An Introduction [Electronic resource] / J. Blondel. – Mode of access: https://books.google.by/books?redir_esc=y&hl=ru&id=9m-ZuBwAAQBAJ&q=Groups+and+political+systems#v=snippet&q=Groups%20and%20political%20systems&f=false. – Date of access: 22.10.2020.
7. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор : учеб. пособие / Г. Алмонд [и др.] ; сокр. пер. с англ. А. С. Богдановского, Л. А. Галкиной ; под ред. М. В. Ильина, А. Ю. Мельвиля. – М. : Аспект Пресс, 2002. – 537 с.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 27.10.2020

УДК 32.01+32:002:004

Елена Михайловна Ильинаканд. полит. наук, доц., доц. каф. политологии
Белорусского государственного университета**Elena Ilyina**PhD of Political Science, Associate Professor, Associate Professor Department of Political Science
of Belarusian State University

e-mail: IlyinaEM@bsu.by

**ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ:
ОТ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ К УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЕ**

Анализируется концептуализация цифровой трансформации в современном научном дискурсе. Раскрываются особенности политологического измерения цифровой трансформации как исходящего из внешней среды вызова на «входе» политической системы, кардинально преобразующего систему в целом или ее отдельные подсистемы и функции под воздействием цифровых трендов и технологий, имеющего неизбежный характер с неопределенными последствиями. На примере авторской учебной дисциплины «Политика в сфере цифровой трансформации» для студентов специальности 1-23 01 06 «Политология» показана каузальная связь политологического измерения цифровой трансформации с цифровым ракурсом политической теории.

**Political Science Dimension of Digital Transformation:
from Theoretical Conceptualization to the Academic Discipline**

The conceptualization of digital transformation in modern scientific discourse is analyzed. The article reveals the features of the political science dimension of digital transformation as a challenge emanating from the external environment at the «entrance» of the political system, radically transforming the system as a whole or its individual subsystems and functions under the influence of digital trends and technologies, which is inevitable with uncertain consequences. Using the example of the author's academic discipline «Digital Transformation Policy» for students of the specialty 1-23 01 06 «Political Science», the causal connection of the political science dimension of digital transformation with the digital dimension of political theory is shown.

Введение

Цифровая трансформация (далее – ЦТ), возникшая на стыке научного дискурса и реальности в условиях постиндустриального развития, имеет мультидисциплинарный характер и фиксируется преимущественно в знаковой системе экономических и технических наук в контексте организационно-экономических и технико-экономических аспектов цифровизации экономики и бизнеса, технологических особенностей внедрения цифровых бизнес-платформ и новых сквозных цифровых практик (систем распределенного реестра, искусственного интеллекта и нейротехнологий, Интернета вещей, больших данных, виртуальной и дополненной реальности, робототехники, аддитивных технологий и др.) четвертой промышленной революции (далее – Industry 4.0), или VI технологического уклада, их влияния на современные социально-экономические процессы.

Проблематикой ЦТ стали активно заниматься за рубежом во второй половине

1990-х гг. (М. ван Альстин, Д. Боннэ, Н. Бостром, Р. Бухт, Э. Бриньолфсон, Дж. Вестерман, М. Кастельс, Б. Кахин, Э. Макафи, Д. Мур, Т. Мезенбург, А. Моазед, Н. Негропonte, Д. Нэбитт, Т. Сибел, К. Скиннер, Д. Тапскотт, Р. Хикс, К. Шваб, П. Эбурдин и др.), на постсоветском пространстве – в 2000-х гг. (М. В. Макарова). При этом основной массив публикаций датируется 2016–2020 гг. (М. З. Ачаповская, Е. М. Бабосов, В. Ф. Байнев, Е. В. Бродовская, Ю. И. Воротницкий, Л. П. Ганчарик, С. Ю. Глазьев, Г. Г. Головенчик, Ю. И. Грибанов, С. И. Грицуленко, С. В. Енин, И. А. Зубрицкая, А. А. Карцхия, М. М. Ковалев, А. Н. Курбацкий, Н. О. Левицька, П. А. Лис, М. Ю. Павлотенкова, М. Н. Сафолина, И. И. Смотрицкая, М. Д. Тинасилов, А. Р. Уркумбаева, Ю. А. Хватик и др.), большинство из которых носит обзорный характер или исследует отдельные направления ЦТ.

Представляется, что назрела объективная потребность в системном и концеп-

туальном политологическом измерении процесса ЦТ, т. к. доминирующие экономический и технологический ракурсы оказались несколько ограниченными и оставляющими без должного внимания организационно-управленческие, политико-правовые и информационно-аналитические аспекты ЦТ. Политологическое измерение ЦТ позволит провести исследование данной актуальной тематики на более высоком междисциплинарном уровне и внесет определенный вклад в концепцию комплексной ЦТ Республики Беларусь как ИТ-страны.

Цель статьи – проанализировать концептуализацию ЦТ в современном научном дискурсе и раскрыть особенности политологического измерения ЦТ в каузальной связи с цифровым ракурсом политической теории на примере авторской учебной дисциплины «Политика в сфере цифровой трансформации» для студентов специальности 1-23 01 06 «Политология».

В современном научном дискурсе существующее многообразие интерпретаций и практик ЦТ представляют в контексте ряда подходов и концепций. Ученый-экономист Ш. Кудбиев [1, с. 31–33] придерживается трех базовых подходов к ЦТ, обозначенных в информационно-аналитическом отчете Департамента промышленной политики Евразийской экономической комиссии [2, с. 32–34]: *процессный подход* рассматривает трансформируемую систему как оцифрованную производственную цепочку создания ценности от разработки продукта (услуги) до их реализации и сервисного обслуживания; *отраслевой подход* сфокусирован на изучении тесных межотраслевых связей трансформируемой системы с другими сферами ЦТ и позволяет интегрировать усилия всех заинтересованных сторон; *технологический подход* предполагает выбор динамического пула цифровых технологий, внедрение которых обеспечит трансформируемой системе ускоренный переход в цифровое пространство.

Российский доктор экономических наук Ю. И. Грибанов наряду с указанными выше подходами в качестве наиболее прогрессивных современных концепций ЦТ выделяет следующие: *платформенная концепция* (бизнес-модель, предназначенная для оказания населению и бизнесу уникальных

услуг по координации участников рынка); *концепция «Киберфизическая система»* (формирование комплекса вычислительных ресурсов и физических процессов); *концепция новой промышленной революции «Industry 4.0»*, представленная Германией в 2011 г.; *концепция «Умная (цифровая, виртуальная) фабрика»* как технологическое ядро Industry 4.0; *концепция «Общество 5.0»*, инициированная японским правительством и учеными для решения социальных проблем с помощью интеграции физического пространства, киберпространства и высоких технологий [3, с. 44–49].

Российские исследователи А. Прохоров и Л. Коник обозначили три точки зрения на природу и сущность ЦТ:

1) ЦТ – это процесс, длящийся десятилетиями со времен зарождения цифровых технологий, и каждая новая технология добавляет ему новые стадии;

2) ЦТ связана с определенным периодом развития ИКТ и появлением т. н. третьей платформы (облака, мобильность, социальные технологии, «большие данные»);

3) ЦТ с акцентом на бизнес-аспектах сконцентрирована на поиске оптимальных бизнес-моделей и необходимых ИКТ-инструментов для успешного экономического развития [4, с. 17].

Аналитики консалтинговой компании Boston Consulting Group сформулировали 4 категории инструментов структурирования повестки дня ЦТ: *цифровая приватизация* (устраняет существующие зоны неэффективности экономики с целью высвобождения ресурсов и повышения конкурентоспособности отрасли с помощью заинтересованных и компетентных игроков); *цифровой скачок* (возникает в результате формирования условий для роста новых бизнесов и скачкообразного развития передовых цифровых технологий); *самоцифровизация* (позволяет повысить прозрачность и эффективность всех процессов взаимодействия с государством и упростить ведение бизнеса в стране); *цифровое реинвестирование* (государство принимает на себя роль инвестора, который вкладывается в стратегические инициативы, направленные на повышение качества жизни и развитие цифровой экономики) [5, с. 6].

Эксперты Евразийской экономической комиссии разделяют направления, свя-

занные с ЦТ, на две большие группы: *системные проекты* (цифровой город, цифровая фабрика, цифровая инфраструктура, умный дом и умные вещи) и *сквозные проекты* (создание цифровых ресурсов в рамках интегрированной информационной системы, разработка механизмов поддержки развития цифровых платформ и рынка цифровых услуг) [2, с. 35–36].

С учетом белорусских политико-управленческих реалий следует отметить национальную *концепцию комплексной ЦТ Республики Беларусь («ИТ-страна Беларусь»)*, впервые обозначенную главой белорусского государства в 2017 г. Белорусский ученый С. В. Енин определяет ИТ-страну как «государство, в котором высокий жизненный уровень и качество жизни населения основаны на эффективной разработке и применении информационных технологий во всех сферах жизнедеятельности общества» [6, с. 18–21]. По мнению доктора политических наук В. Н. Ватыля, «построение Республикой Беларусь ИТ-страны (страны с высоким уровнем развития информатизации, «цифровизации» экономики и внедрения высокотехнологичных форм производства) является актуальным трендом белорусской политики» [7, с. 69–70]. Академик Е. М. Бабосов отмечает, что «ИТ-страна – это государство, в котором достойный уровень благосостояния и качества жизни населения базируется на разработке, развитии и применении информационных технологий в цифровой экономике и всех других сферах жизнедеятельности общества» и говорит о необходимости человекоориентированности и междисциплинарности в изучении и созидании ИТ-страны [8, с. 282–294].

На международной арене одним из актуальных направлений ЦТ является предложенная в 2019 г. белорусским руководством «*инициатива формирования пояса цифрового добрососедства*», ключевыми элементами которой являются *идеи цифрового суверенитета и нейтралитета*, впервые зафиксированные в Концепции информационной безопасности Республики Беларусь. По словам Министра иностранных дел В. Макея, «цифровой суверенитет должен гарантировать способность государства контролировать свое информационное поле, предупреждать и блокировать кибератаки. В свою очередь, страны не будут предпринимать

в цифровом пространстве действий, наносящих ущерб безопасности друг друга, т. е. должны придерживаться цифрового нейтралитета» [9].

Зонтичной концепцией ЦТ выступает *концепция цифровой экономики*, сущность которой раскрывается в рамках разрозненных теоретико-методологических подходов отдельных авторов: ресурсоориентированный, процессуальный (поточный), структурный, бизнес-ориентированный (Р. Бухт, Р. Хикс) [10, с. 166]; классический и системный (Р. М. Мещеряков) [11]; техноцентристский, трансформационный, экосистемный, воспроизводственный, киберсистемный, институциональный (Е. В. Купчишина) [12, с. 439–440] подходы; в русле трех ключевых задач экономики П. Самуэльсона, теории экономического порядка В. Ойкена и модели архетипов отраслей McKinsey & Company (Б. Н. Панышин) [13, с. 51–52] и др. Ввиду отсутствия в экспертном сообществе устоявшейся дефиниции понятия «цифровая экономика», данный термин активно используется для характеристики разнородных явлений, процессов, отношений, видов и форм деятельности (экономическое производство с применением цифровых технологий; часть цифровой экосистемы; процесс трансформации традиционных отраслей экономики посредством ИКТ и т.д.) в контексте дискурса о новизне, неизбежности и неотложности ЦТ экономики.

Фактически одновременно с термином «цифровая экономика» международное признание получила *концепция цифровых компетенций и навыков*, востребованных в условиях Industry 4.0 и необходимых для ответственного и осознанного использования цифровых технологий и ресурсов сети Интернет в обучении, на работе и в повседневной жизни с целью повышения результативности деятельности. Цифровые компетенции и навыки составляют основу *цифровой грамотности* как «своеобразного индикатора компетентности человека в информационно-коммуникационной сфере» [14, с. 15]. В последние годы освоению цифровой грамотности придается приоритетное значение на международном и национальном уровнях, что нашло закрепление в концепциях и программах цифрового развития и получило отражение в различных взаимодополняющих моделях цифровых компетенций и навыков

прогнозно-моделирующего характера: европейские модели цифровых компетенций для граждан (EU DigComp 2.0, 2.1), потребителей (EU DigCompConsumers) и преподавателей (EU DigCompEdu) [15]; модель фундаментальных навыков цифровой экономики софтверной компании Burning Glass Technologies [16]; модель цифровых компетенций государственных служащих, разработанная учеными Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники и Академии управления при Президенте Республики Беларусь [17, с. 46–49].

Согласно исследованию нетворкинг-платформы Digital Leader «Тренды & технологии 2030» [18] при поддержке PricewaterhouseCoopers, International Data Corporation и КРОК, в технологическом ракурсе ЦТ на фоне пандемии COVID-19 наблюдается ускорение ЦТ, в перспективе ближайших десяти лет наибольшее развитие получают технологии для удаленного доступа (инфраструктура виртуальных рабочих мест (VDI), видеоконференцсвязь, онлайн-коммуникации и т. д.), технологии искусственного интеллекта и машинного обучения (AI&ML), виртуальной и дополненной реальности (VR/AR). При этом ЦТ происходит практически во всех сферах, но с разной скоростью. Традиционно лидируют B2C-секторы (банковское обслуживание и финансовый сектор, розничная торговля, телекоммуникации и медиа).

Представляется целесообразным рассмотреть ЦТ с позиций политической науки, выделив ее *политологическое измерение*. Под воздействием цифровых технологий и трендов из окружающей (внешней) среды на «вход» политической системы неизбежно поступают импульсы (вызовы) с вариативными, неопределенными и непредсказуемыми последствиями, кардинально преобразующие систему в целом или ее отдельные подсистемы и функции: смещение политической активности в цифровую среду и появление новых виртуальных форм политического участия (в условиях пандемии COVID-19 протестные «онлайн-митинги» на платформе Zoom, YouTube, «Яндекс-протесты»), пока не получивших адекватного государственно-правового регулирования; блокчейнизация государственных услуг (суперприложений) и переход к цифровому блокчейн-правительству/государству и циф-

ровой блокчейн-демократии на принципах самоорганизации, децентрализации и саморегулирования, вступающих в определенный диссонанс с традиционными принципами централизации и иерархии в реализации политико-управленческих алгоритмов суверенных государств; ЦТ коммуникативной стратегии взаимодействия гражданского общества и бизнеса с органами государственной власти и управления, позволяющая стейкхолдерам прямо или косвенно оказывать влияние на процесс принятия решений посредством новых социальных сетевых медиа, мобильных приложений, чат-ботов, хэштегов, Legal Tech, участия в публичных онлайн-обсуждениях проектов нормативно-правовых актов или путем сбора подписей в поддержку электронных петиций и др.

Относительно новой для теоретической и прикладной политологии является дискуссионная *концепция «цифрового гражданства»* (от англ. Digital citizenship), под которым понимают:

1) «постоянно развивающиеся нормы для надлежащего, ответственного и уверенного использования цифровых технологий, включающие цифровой доступ, цифровой этикет, цифровое право, цифровую коммуникацию, цифровую грамотность, цифровую безопасность, цифровую торговлю, цифровые права и обязанности, цифровое здоровье и благополучие» [19];

2) «способность участвовать в общественной жизни онлайн, влияющая на экономические возможности, демократическое политическое участие и коммуникационное взаимодействие» [20];

3) цифровой порядок приобретения правового статуса гражданина суверенного государства (электронное резидентство, или E-Residency, в Эстонии) или виртуальной децентрализованной юрисдикции (<https://tse.bitnation.co/>).

Наряду с данным многогранным концептом широко используют термины «цифровые граждане» и «цифровая гражданственность». *Цифровые граждане* в широком смысле – все интернет-пользователи, активно коммуницирующие в сети и развивающие навыки эффективного и безопасного применения цифровых технологий для ответственного участия в общественной и политической деятельности, в более узком –

«цифровое поколение» (представители «поколения Z») [21, с. 69–74], а также данное понятие раскрывается в рамках запуска в России пилотного проекта «Цифровой профиль гражданина» (ЕСИА 2.0) [22]. *Цифровая гражданственность* интерпретируется как «протестная общественно-политическая активность, в особенности молодежи, в онлайн-среде... часть политической субкультуры, целенаправленно формируемой в цифровой среде политическими акторами... В более широком контексте наполняется содержанием, связанным с системными усилиями государства, направленными на преодоление недоверия к институту выборов посредством расширения практик электронного голосования» [23, с. 67].

Повестка дня современного политического процесса детерминирована ЦТ политического знания, что способствует переосмыслению сущности фундаментальных политологических категорий в контексте формирования *цифрового ракурса политической теории*, ключевые особенности которого впервые проецированы на образовательный процесс высшей школы в рамках авторской учебной дисциплины «*Политика в сфере цифровой трансформации*» для студентов специальности 1-23 01 06 «Политология». Целью данной дисциплины является приобретение студентами системных знаний по теории и методологии политики в сфере цифровой трансформации (далее – ПЦТ), процессу ее формирования и реализации в Республике Беларусь и за рубежом, а также навыков политико-правового позиционирования в условиях развития цифровой экономики Industry 4.0. Теоретическая направленность дисциплины сочетается с изучением и компаративным анализом прикладных аспектов ПЦТ. В результате освоения дисциплины студент должен знать базовый понятийно-категориальный аппарат и теоретико-методологические основы ПЦТ; круг актуальных проблем, выдвигаемых на повестку дня ПЦТ, технологии, тренды и направления ПЦТ в условиях развития цифровой экономики Industry 4.0; сущность и специфику внутренней институциональной структуры и динамики процесса формирования и имплементации ПЦТ (информатизации) в Республике Беларусь; зарубежный опыт формирования и реализации ПЦТ; правовые основы ПЦТ в Республике Бела-

русь и за рубежом; угрозы, риски и перспективы ПЦТ; индикаторы оценки, возможные направления совершенствования ПЦТ и уметь применять полученные системные знания о ПЦТ на практике.

Программа дисциплины составлена с учетом межпредметных связей с теорией государственного управления, методологией политической науки, теорией принятия политических решений, информационным правом, основами информационных технологий, экономической теорией. В процессе преподавания дисциплины используются практико-ориентированный, эвристический и проективный подходы с использованием электронных средств обучения Образовательного портала БГУ LMS Moodle (<https://edulaw.bsu.by/course/view.php?id=8>) и внешних ресурсов и сервисов сети Интернет (Zoom, Skype, Google Drive, YouTube, Kahoot, Mentimeter и др.). Освоение данной учебной дисциплины должно обеспечить формирование ключевых академических, социально-личностных, профессиональных и цифровых компетенций.

Заключение

Проведенный анализ концептуализации ЦТ в современном научном дискурсе показал, что, несмотря на актуальность и высокую практическую значимость исследования ЦТ, среди ученых отсутствует универсальный подход к сущности, специфике и потенциалу данного мультидисциплинарного концепта с одной стороны по причине опережающего развития цифровых технологий, многие из которых изменяются еще до их теоретической концептуализации, с другой – деструктивные технологические тренды, уже доминирующие в научном дискурсе, пока не воплотились повсеместно на практике, например, сопутствующие технологии Industry 4.0.

В современном научном дискурсе теоретическая концептуализация ЦТ проводится в рамках процессного, отраслевого и технологического подходов посредством цифровой приватизации, цифрового скачка, сомоцифровизации и цифрового реинвестирования на базе системных и сквозных проектов в контексте следующих современных концепций: концепция четвертой промышленной революции «Industry 4.0», концепция цифровой экономики, «платформенная

концепция», концепция «Киберфизическая система», концепция «Общество 5.0», концепция «Умная фабрика», концепция «ИТ-страна Беларусь», «инициатива формирования пояса цифрового добрососедства», концепция цифровых компетенций и навыков, концепция «цифрового гражданства» и др.

Установлено, что для политического дискурса ЦТ является универсальной и предельно широкой категорией. Впервые предложено *политологическое измерение ЦТ*, которое позволяет уточнить круг актуальных проблем, формирующих цифровую повестку дня современной политики. Представлена *авторская интерпретация ЦТ в политологическом ракурсе* как исходящий из окружающей (внешней) среды импульс (вызов) на «входе» политической системы, кардинально преобразующий систему в целом или ее отдельные подсистемы и функции под воздействием цифровых трендов и технологий, имеющий неизбежный характер с неопределенными, вариативными и непредсказуемыми последствиями.

Выявлена *каузальная связь политологического измерения ЦТ с ЦТ политического знания*, способствующей переосмыслению сущности фундаментальных политологических категорий в контексте формирования цифрового ракурса политической теории, ключевые особенности которого впервые проецированы на образовательный процесс высшей школы в рамках авторской учебной дисциплины «Политика в сфере цифровой трансформации» для студентов специальности 1-23 01 06 «Политология». Освоение данной учебной дисциплины способствует формированию цифровой грамотности в условиях междисциплинарного синтеза и непрерывного развития комплексных «мягких» социально-поведенческих и когнитивных навыков эффективной коммуникации и сотрудничества, комфортного существования и самореализации студентов в цифровой среде в самой тесной связи с «жесткими» цифровыми навыками в узкопонятийном контексте базовой компьютерной грамотности и специализированных технических знаний в области цифровых технологий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кудбиев, Ш. Методологические аспекты цифровой трансформации / Ш. Кудбиев // *International scientific review*. – 2020. – № 1. – С. 29–36.
2. Анализ мирового опыта развития промышленности и подходов к цифровой трансформации промышленности государств – членов Евразийского экономического союза: информационно-аналитический отчет [Электронный ресурс] // *Евразийские исследования*. – 2017. – Режим доступа: <http://eurasian-studies.org/archives/7880>. – Дата доступа: 08.11.2020.
3. Грибанов, Ю. И. Цифровая трансформация социально-экономических систем на основе развития института сервисной интеграции : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05 / Ю. И. Грибанов ; СПбГЭУ. – СПб, 2019. – 355 л.
4. Прохоров, А. Цифровая трансформация. Анализ, тренды, мировой опыт / А. Прохоров, Л. Коник. – М. : АльянсПринт, 2019. – 368 с.
5. Россия онлайн: четыре приоритета для прорыва в цифровой экономике: обзор [Электронный ресурс] / Б. Банке [и др.] // *BCG*. – 2017. – Режим доступа: https://imagesrc.bcg.com/Images/Russia-Online_tcm27-178074.pdf. – Дата доступа: 08.11.2020.
6. Енин, С. В. Беларусь как IT-страна, или Континент технологий / С. В. Енин // *Весн. сувязі*. – 2018. – № 1. – С. 18–21.
7. Ватыль, В. Н. Построение IT-страны как новый политический тренд в Республике Беларусь / В. Н. Ватыль // *Региональные интеграционные процессы и Беларусь: философско-мировоззренческие основания, тенденции развития, опыт социально-политического моделирования. Белорусская политология : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., Гродно, 17–18 мая 2018 г. : в 2 ч. / Ин-т философии Нац. акад. наук Беларуси, Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы ; редкол.: А. А. Лазаревич (гл. ред.), В. Н. Ватыль (гл. ред.) [и др.]*. – Гродно, 2018. – Ч. 1. – С. 69–72.
8. Бабосов, Е. М. Роль креативной личности в развитии сетевого общества / Е. М. Бабосов. – Минск : Беларус. навука, 2019. – 300 с.

9. Беларусь выступила в ООН с идеей обеспечения цифрового суверенитета и нейтралитета стран [Электронный ресурс] // Беларусь Сегодня. – 2019. – 27 сен. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/belarus-vystupila-v-oon-s-ideey-obespecheniya-tsifrovogo-suvereniteta-i-neytraliteta-stran.html>. – Дата доступа: 08.11.2020.
10. Бухт, Р. Определение, концепция и измерение цифровой экономики / Р. Бухт, Р. Хикс // Вестн. междунар. организаций. – 2018. – Т. 13, № 2. – С. 143–172.
11. Урманцева, А. Цифровая экономика: как специалисты понимают этот термин [Электронный ресурс] / А. Урманцева // РИА Новости. – 2017. – Режим доступа: <https://ria.ru/science/20170616/1496663946.html>. – Дата доступа: 08.11.2020.
12. Купчишина, Е. В. Эволюция концепций цифровой экономики как феномена неэкономии / Е. В. Купчишина // Гос. упр. Электрон. вестн. – 2018. – № 68. – С. 426–444.
13. Паньшин, Б. Цифровая экономика: понятия и направления развития / Б. Паньшин // Наука и инновации. 2019. – № 3 (193). – С. 48–55.
14. Коршунов, Г. П. Цифровая трансформация общества – проблемы и перспективы социологического изучения / Г. П. Коршунов // Журн. БГУ. Социология. – 2019. – № 1. – С. 12–22.
15. EUR – Scientific and Technical Research Reports [Electronic resource] // European Commission, EU Science Hub. – Mode of access: <https://ec.europa.eu/jrc/en/publications-list>. – Date of access: 08.11.2020.
16. The New Foundational Skills of the Digital Economy: Developing the Professionals of the Future [Electronic resource] // Burning Glass Technologies, BHEF. – 2018. – Mode of access: https://www.burning-glass.com/wp-content/uploads/New_Foundational_Skills.pdf. – Date of access: 08.11.2020.
17. Охрименко, А. А. Формирование компетенций государственных служащих в условиях цифровой экономики / А. А. Охрименко, И. П. Сидорчук, Е. В. Тулейко // Весн. сувязі. – 2020. – № 2 (160). – С. 45–49.
18. Тренды & технологии 2030 : исследование [Электронный ресурс] // Digital Leader, PwC, IDC, КРОК. – 2020. – Режим доступа: <https://www.pwc.ru/ru/publications/collection/tehnologii-2030.pdf>. – Дата доступа: 08.11.2020.
19. Ribble, M. Making Digital Citizenship «Stick» [Electronic resource] / M. Ribble, M. Park // Tech & Learning. – 2020. – Sept. 9. – Mode of access: <https://www.techlearning.com/resources/digital-citizenship-framework-updated>. – Date of access: 08.11.2020.
20. Mossberger, K. Digital Citizenship: The Internet, Society, and Participation / K. Mossberger, C. J. Tolbert, R. S. McNeal. – Cambridge : MIT Press, 2008, – 221 p.
21. Пырма, Р. В. Политические грани цифрового гражданства / Р. В. Пырма // Власть. – 2019. – № 4. – С. 69–78.
22. Цифровой профиль открывает новые возможности для граждан и бизнеса [Электронный ресурс] / Проектный офис нац. программы «Цифровая экономика Российской Федерации» Аналитического центра при Правительстве Рос. Федерации. – 2019. – 28 марта. – Режим доступа: <https://digital.ac.gov.ru/news/827/>. – Дата доступа: 08.11.2020.
23. Бродовская, Е. В. Цифровые граждане, цифровое гражданство и цифровая гражданственность / Е. В. Бродовская // Власть. – 2019. – № 4. – С. 65–68.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 10.11.2020

УДК 328.185

Адам Петровиц Мельников¹, Эдуард Николаевич Северин²¹канд. филос. наук, доц., доц. каф. политологии

Белорусского государственного университета

²канд. полит. наук, доц. каф. уголовно-правовых дисциплин

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Adam Melnikov¹, Eduard Severin²¹Candidate of Philosophical Sciences,Associate Professor, Associate Professor at the Department of Political Science
of Belarusian State University²Candidate of Political Sciences, Deputy Dean of the Faculty of Law
of Brest State A. S. Pushkin Universitye-mail: ¹adam.melnikov@gmail.com; ²Endhause1982@mail.ru**О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ В СКАНДИНАВСКИХ СТРАНАХ
И ФИНЛЯНДИИ: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Рассматривается противодействие коррупции в некоторых странах Северной Европы – Дании, Швеции, Норвегии, а также Финляндии, которые занимают первые места в мире в рейтинге по уровню восприятия коррупции. Основное внимание сосредоточено на причинах эффективности противодействия, главными среди которых выступают национальные традиции, высокий уровень политической культуры граждан, а также соответствующее законодательство.

Tackling Corruption in Scandinavian Countries and Finland: Politological Perspective

The article deals with the issues of tackling corruption in some countries of Northern Europe, such as Denmark, Sweden, Norway and Finland, which are the least corrupt nations according to Corruption Perceptions Index. It is focused on the reasons for effectiveness of anti-corruption policies, foremost among them are national traditions, a high level of political culture of citizens, as well as appropriate legislation.

Введение

Термин «коррупция» происходит от латинского *corruptio*, что означает «подкуп», «продажность», «разложение». Под коррупцией на уровне обыденного сознания обычно понимают преступную деятельность в политике, государственном управлении, судопроизводстве и т. д., заключающуюся в использовании должностными лицами доверенных им прав и властных полномочий в целях незаконного личного обогащения. Коррупция приспосабливается к различным контекстам и меняющимся обстоятельствам. Она может развиваться в ответ на изменения законодательства и даже технологий, условий в различных сферах жизнедеятельности общества и государства, включая политическую.

Политическая коррупция характеризуется «торговлей властным влиянием». Политическая коррупция – это форма коррупции, в рамках которой актор (государство, должностные государственные лица, политический лидер, группа лоббирования и др.), обладающий политической властью или

влиянием на политические субъекты, оказывает ненадлежащее влияние на процесс принятия и реализации политических решений на государственном или международном уровнях с целью получения материальной или нематериальной выгоды. Политическая коррупция всегда «крупная коррупция», она связана с большими финансовыми дивидендами и социальными последствиями, она подчеркивает негативное влияние «власти денег» на политические процессы, кампании, деятельность государства и институтов гражданского общества в целом. Политическая коррупция является одним из источников политического конфликта, экзогенным и эндогенным фактором угрозы национальной безопасности. Высокий уровень коррупции может повысить вероятность затяжных конфликтов и подтолкнуть постконфликтные общества к войне.

Коррупция является одним из серьезных условий, препятствующих нормальному, эффективному развитию государства и общества, и представляет огромную социальную угрозу, ибо подрывает экономику,

доверие к официальным властям, веру людей в социальную справедливость, идеалы, демократию и т. д.

История международной антикоррупционной политики отражена в следующих политико-правовых актах: Межамериканской конвенции о борьбе с коррупцией, принятой Организацией американских государств 29 марта 1996 г., Конвенции Африканского союза о предупреждении коррупции и борьбе с ней, принятой главами государств и правительств Африканского союза 12 июля 2003 г., Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции, принятой резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи 31 октября 2003 г.

В сентябре 2015 года государства – члены ООН приняли Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. (Повестка дня – 2030). Осознавая значимость проблемы коррупции, международное сообщество в качестве одной из ключевых задач достижения «Цели 16. Содействие построению миролюбивого и открытого общества в интересах устойчивого развития, обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях» определили следующее: значительно сократить масштабы коррупции и взяточничества во всех их формах [1].

Европейская антикоррупционная политика основывается на следующих политико-правовых актах: Конвенции о борьбе с коррупцией, затрагивающей должностных лиц Европейских сообществ или должностных лиц государств – членов Европейского союза, принятой Советом Европейского союза 26 мая 1997 г., Конвенции о борьбе с подкупом иностранных должностных лиц в международных коммерческих сделках, принятой Организацией экономического сотрудничества и развития 21 ноября 1997 г., Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию, принятой Комитетом министров Совета Европы 27 января 1999 г. В Конвенции о гражданско-правовой ответственности за коррупцию, принятой в Страсбурге 4 ноября 1999 г., дается такое развернутое определение исследуемого нами негативного феномена: «Коррупция означает просьбу, предложение, дачу или получение, прямо или косвенно, взятки, или любого

другого ненадлежащего преимущества, или обещание такового, которые искажают нормальное выполнение любой обязанности или поведение, требуемое от получателя взятки, ненадлежащего преимущества или обещания такового» [2].

Таким образом, сегодня уже общепризнанно, что коррупция является одной из наиболее серьезных угроз не только для экономики и социального развития отдельных стран, но и для национальной и международной безопасности в целом. Иначе говоря, коррупция переросла национальные границы и стала транснациональным явлением и в связи с этим представляет угрозу всему мировому сообществу.

Уровень существующей проблемы актуализирует необходимость пристального изучения успешного опыта ряда государств в области борьбы с коррупцией.

Целью нашего исследования является определение факторов эффективности антикоррупционной политики в Скандинавских странах и Финляндии.

Специфика антикоррупционной политики Дании

Борьба с коррупцией ведется или хотя бы декларируется в большинстве стран мира и по различным направлениям. Однако в преодолении ее лишь немногим из государств удается добиться ощутимых результатов на практике. Примером таких государств являются Скандинавские страны и Финляндия. Лидирует среди них прежде всего Дания, которая в рейтинге стран мира по уровню восприятия коррупции, рассчитанной по методике международной неправительственной организации Transparency International за 2019 г., занимает первое место в мире [3].

Дания – это развитое в экономическом и социальном плане государство с достаточно высоким уровнем жизни населения, древними национальными традициями и соответствующей политической культурой. К тому же это самая счастливая страна, как неоднократно отмечалось во Всемирном докладе о мировом счастье под эгидой ООН, в котором уровень коррупции тоже учитывается как один из факторов, оказывающих влияние на счастье нации [4].

В чем причины низкого уровня коррупции в этом государстве? Одна из причин

низкого уровня коррупции в Дании заключается в том, что она здесь искореняется как на государственном уровне, так и благодаря высокому уровню самосознания и ответственности самих граждан. Коррупция в Дании неприемлема и осуждается всеми, везде и всегда. Так, например, при трудоустройстве на работу обязательным является подписание специального договора, в котором содержится обязательство сторон об отказе брать и давать взятки. Нежелание подписывать такой договор может послужить поводом для отказа в приеме на работу, а его нарушение влечет за собой увольнение, в результате которого в личном деле и характеристике работника появится специальная отметка о том, что послужило причиной этого.

Большинство компаний в Дании придерживаются политики «абсолютной нетерпимости» взяточничества не только в своих собственных пределах, но и в процессе сотрудничества с внешними партнерами. В стране действуют своеобразные этические правила, кодексы чести чиновников; существует гласность и открытость на всех уровнях, в т. ч. на уровне правительства. Поэтому тот, кто будет заподозрен в коррупции, может сразу распрощаться с карьерой.

К сказанному следует добавить, что государственные служащие в Дании имеют высокую степень социальной защиты. Они, как и все граждане страны, обеспечиваются бесплатными медицинскими и образовательными услугами, имеют социальные гарантии, что существенно уменьшает вероятность подверженности коррупционным соблазнам.

Антикоррупционной политике активно способствуют различные ассоциации, например, «Датское агентство международного развития». Компании, входящие в эту ассоциацию, включают в свои контракты т. н. «антикоррупционные положения». Несоблюдение данных положений может привести к расторжению контракта и отказу вести дела с коррумпированными партнерами в будущем. Подобные положения существуют во многих крупных организациях Дании: «Датском агентстве по кредитованию экспертных операций», «Торговом совете Дании», «Фонде индустриализации для развивающихся стран», «Конфедерации датской промышленности» и др. [5].

Дания – открытая в информационном отношении страна. Все государственные учреждения, а также некоторые частные компании имеют очень высокую степень прозрачности в своей работе. Любой депутат парламента имеет право на получение информации о позиции любого министра по тому или иному вопросу, входящему в его компетенцию. В соответствии с законом, представители датского правительства каждый год обязаны публиковать информацию о своем имуществе и личных доходах.

Судебная система Дании считается одной из самых независимых, справедливых, эффективных и наименее коррумпированных в Европе.

Особенности антикоррупционной политики Швеции

Не менее успешной страной в противодействии коррупции является Швеция. Она занимает второе место после Дании среди Скандинавских стран и пятое место в мире по рейтингу восприятия коррупции. И это при том, что до середины XIX в. в Швеции коррупция процветала. Однако после того как руководство страны взяло курс на модернизацию, был разработан комплекс мер по борьбе с коррупцией, для чиновников были установлены высокие этические стандарты, и все это стало неуклонно претворяться в жизнь. Еще в 20-е гг. XX в. здесь была основана общественная организация «Институт против взяток», который давал юридические консультации по вопросам, связанным с коррупцией, проводил семинары для бизнеса по соответствующей тематике. При Институте действует комиссия по этике, в которую входят эксперты с большим опытом в юриспруденции и финансовой сфере. Институт тесно сотрудничает с т. н. антикоррупционными прокурорами, которых всего 7 на всю страну, а также с антикоррупционной полицией.

Наряду с «Институтом против взяток» в стране активно действует организация «Transparency Internationale Швеция», которая организует соответствующие семинары для чиновников, а также проводит антикоррупционные уроки в университетах и колледжах [6].

Для населения издавна был открыт доступ к внутренним документам государственного управления, позволивший всем

желающим увидеть, как работают государственные органы. Из-за сложившейся практики, в Швеции нет нужды в открытых ре-страх деклараций, информацию и так легко получить любому гражданину. При этом власти должны ответить «в разумный срок» в зависимости от сложности запроса. Предполагается, что человека не должны заставлять ждать.

Кроме всего этого, в стране была создана независимая и эффективная система правосудия. В результате со временем честность стала престижной нормой среди государственной бюрократии. Зарплаты чиновников поначалу превышали зарплаты рабочих в 12–15 раз. Однако со временем благодаря целенаправленным усилиям правительства страны эта разница снизилась до двукратной.

Большую роль в противодействии коррупции играют церковь и общественное мнение, в результате чего в этой стране с подозрением отнесутся к любому бизнесмену, который сумел за короткий период получить очень высокий доход, или к чиновнику, доходы которого существенно ниже его расходов [7].

Характерные черты антикоррупционной политики Норвегии

Третье рейтинговое место среди Скандинавских стран по индексу восприятия коррупции Transparency International за 2019 г. занимает Норвегия. В ней ситуация по противодействию коррупции почти такая же, как в Дании и Швеции, хотя коррупционные преступления в общественном секторе распространены все же несколько шире. Может быть, потому, что здесь несколько мягче наказание за коррупцию. Если шведское право недвусмысленно предусматривает уголовную ответственность за коррупционные преступления, то в Норвегии с 1991 г. предприятия, согласно §§ 48-а и 48-в Уголовного кодекса, за преступления, связанные с коррупцией, подлежат наказанию, в основном в виде штрафов.

То же самое можно сказать о коррупционных правонарушениях в правоохранительной сфере. Так, журналисты воскресного обозрения норвежского агентства новостей NRK провели исследование по вопросу коррупции в норвежской полиции, денежного подкупа, связанного главным образом

с нарушениями на дороге. Оказалось, что более 30 % полицейских при исполнении служебных обязанностей сталкиваются с попытками денежного подкупа, иначе говоря, взятки, в связи с нарушениями дорожного движения [8].

Антикоррупционная политика Финляндии

Одной из наименее подверженных коррупции североевропейских стран выступает Финляндия, которая использует т. н. либеральную, или мягкую, модель борьбы с коррупцией [9]. В индексе «Transparency International» она впереди Швеции и Норвегии, занимает третье место в мире, уступая Дании и Новой Зеландии. Примечательно, что в Уголовном кодексе Финляндии понятие «коррупция» не используется. Вместо этого говорится о взяточничестве чиновников, за которое предусматривается наказание от штрафа до тюремного заключения на четыре года, в зависимости от серьезности правонарушения. Здесь же никогда не создавалось специального закона о коррупции или специальных органов для борьбы с этим злом. Коррупция рассматривается как часть уголовной преступности и регулируется на всех уровнях законодательства, норм и других систем контроля. Так, коррупция всегда подпадала под действие Конституции, Уголовного кодекса, законодательства о гражданской службе, административных инструкций и других подзаконных актов. Немаловажную роль играют также этические нормы.

Каковы причины столь успешной борьбы с коррупцией? Прежде всего необходимо отметить, что государственные служащие в Финляндии по сравнению с государственными чиновниками других стран имеют более высокий уровень профессионализма и неприятия коррупции с одной стороны. С другой – для Финляндии всегда была характерна транспарентность, открытость, прозрачность действий государственных органов. Транспарентность просматривается во всем: все протоколы и стенограммы государственной администрации доступны каждому гражданину. Существует лишь небольшой список засекреченной или конфиденциальной информации, которая не всегда находится в прямом доступе. Кроме того, финское законодательство отличается серьезными санкциями за совершение кор-

рупционных правонарушений должностными лицами. Наличие у чиновника доказанного факта совершения коррупционного проступка «закрывает» для него доступ на руководящие должности не только в органах государственной власти и местного самоуправления, но и в органах управления коммерческих и некоммерческих организаций.

Одним из важных факторов, препятствующих распространению коррупции в Финляндии, является достаточная материальная обеспеченность чиновников, и в то же время здесь свято соблюдается принцип социальной справедливости. Если коэффициент соотношения доходов между 20 % самых богатых и 20 % самых бедных граждан в США составляет 9 раз, в других развитых странах, таких как Великобритания, Италия, в среднем – 5,8 раза, то в Финляндии он составляет 3,6 раза [10].

В соответствии с Законом «О государственных служащих» чиновникам запрещается принимать подарки, угощения, пользоваться услугами увеселительного характера за счет заинтересованных лиц, на прохождение дел которых они могут оказать влияние. Все высшие должностные лица страны обязаны периодически представлять декларации о своих доходах и их источниках, которые обычно предаются огласке.

В борьбе с коррупцией Финляндия активно использует международно-правовые документы, сотрудничает с основными организациями и странами в этой области, приводит свое законодательство в соответствие с международными нормами и стандартами.

Заключение

Природа коррупции сложная и многоуровневая. Данный негативный феномен может развиваться, трансформируясь в новые формы, которые не охватываются уголовным или административным законодательством, не регулируются международными политико-правовыми актами. Поэтому стратегия антикоррупционной политики должна основываться не только на наказании, но и на предупреждении.

Низкому уровню коррупции в Скандинавских странах и Финляндии способствуют следующие факторы:

1) наличие развитых институтов гражданского общества;

2) открытость процесса принятия решений должностными лицами, доступность граждан к соответствующей документации;

3) независимость системы правосудия от других ветвей власти в обществе;

4) независимость средств массовой информации;

5) достойный уровень зарплаты государственных служащих;

6) эффективная система контроля за действиями должностных лиц и адекватные меры наказания за коррупционные правонарушения.

Нельзя также не учитывать морально-психологического климата, настроя всего общества на неприятие коррупции.

При всем положительном, что накоплено исследуемыми нами странами в области борьбы с коррупцией, не стоит отрицать и существование проблемы в целом. Хотя индекс восприятия коррупции показывает, что государственный сектор в этих странах является одним из наименее коррумпированных в мире, коррупция там все еще существует, особенно в случаях отмывания денег и других форм коррупции в частном секторе. Национальная целостность в данном контексте не всегда отражается на международном уровне.

В 2019 г. многочисленные коррупционные скандалы продемонстрировали, что иностранное взяточничество часто «поощряется» и в северных странах, на первый взгляд свободных от коррупции. Например, в прошлом году шведский телекоммуникационный гигант «Ericsson» согласился выплатить более 1 млрд долл. для урегулирования дела о взяточничестве за границей, связанного с его 16-летней кампанией «Наличными в обмен на контракты», затронувшей Китай, Джибути, Кувейт, Индонезию и Вьетнам [11].

Таким образом, следует понимать, что не существует универсальной антикоррупционной формулы, которая будет работать всегда и везде, не все реформы возможны и эффективны в любых условиях. Сущность и содержание антикоррупционной политики зависит от конкретного контекста, множества существующих политических и неполитических факторов, которые варьируются от частного отношения до реальной позиции и возможностей конкретного государства и международных структур.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Цели в области устойчивого развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/>. – Дата доступа: 20.09.2020.
2. Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию [Электронный ресурс] : [принята Советом Европы, Страсбург, 4 нояб. 1999 г., № 174]. – Режим доступа: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/174>. – Дата доступа: 03.02.2020.
3. Рейтинг стран мира по уровню восприятия коррупции по состоянию на 2019 год. Данные Transparency Internationale [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/ratings/corruption-perceptions-index/info>. – Дата доступа: 10.02.2020.
4. Доклад о мировом счастье [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://worldhappiness.report/>. – Дата доступа: 17.03.2020.
5. Бобров, А. М. Общая характеристика антикоррупционного состояния Королевства Дания / А. М. Бобров, В. С. Кохтачев // Право и образование. – 2018. – № 9. – С. 121–127.
6. Сунден, Х. «Индекс наивности» [Электронный ресурс] / Х. Сунден. – Режим доступа: <https://ru.sweden.se/Ijudi/provesti-chertu-kak-v-shvecii-boryutsya-s-korrupciej/>. – Дата доступа: 20.03.2020.
7. Карпачев, С. О. Методы, условия, приемы борьбы с коррупционными преступлениями за рубежом / С. О. Карпачев // Практика противодействия коррупции в России и за рубежом: современные реалии : материалы V Всерос. науч.-практ. конф., Казань, 9 дек. 2013 г. – Казань, 2013. – С. 108–114.
8. А есть ли в Норвегии коррупция? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://Valhalla.ulver.com/f85/t7114.html>. – Дата доступа: 22.03.2020.
9. Дерябин, Ю. С. Можно ли одолеть коррупцию? (Опыт Финляндии) [Электронный ресурс] / Ю. С. Дерябин. – Режим доступа: <http://pandia.ru/text/77/476/10792.php>. – Дата доступа: 22.03.2020.
10. Финляндия на последнем месте по коррупции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://da.fi/33.html>. – Дата доступа: 23.03.2020.
11. Problèmes au sommet [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.transparency.org/fr/news/cpi-2019trouble-at-the-top>. – Date of access: 25.08.2020.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 23.09.2020

УДК 14:378

Анна Владимировна Климович¹, Сергей Александрович Жук²¹канд. филос. наук, доц., доц. каф. философии и экономики
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина²преподаватель-стажер каф. всеобщей истории
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина**Hanna Klimovitch¹, Sergej Zhuk²**¹Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Philosophy and Economics
of Brest State A. S. Pushkin University²Trainee Teacher at the Department of General History
of Brest State A. S. Pushkin Universitye-mail: ¹ksisa@yandex.by; ²sergej.zhuk.98@mail.ru**ОБРАЗ ЛИБЕРАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ Ф. ФУКУЯМЫ
И Ф. ФОН ХАЙЕКА: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ**

Произведен анализ идей Ф. Фукуямы и Ф. фон Хайека относительно особенностей становления и развития либерально-демократической цивилизации как социально-политического и культурного феномена. Осуществлена реконструкция генезиса социально-политической философии ученых, выявлены некоторые особенности методологии их исследований. Выделены и обоснованы сходства и различия в трактовке вышеупомянутыми мыслителями феномена либерально-демократической цивилизации.

**The Image of the Liberal Democratic Civilization in the Socio-Political Philosophy
of Francis Fukuyama and Friedrich Hayek: a Comparative Analysis**

The article analyzes the ideas of F. Fukuyama and F. von Hayek concerning the features of the formation and development of liberal-democratic civilization as a socio-political and cultural phenomenon. The author reconstructs the Genesis of the socio-political philosophy of scientists, reveals some features of the methodology of their research. Similarities and differences in the above-mentioned thinkers' interpretation of the phenomenon of liberal-democratic civilization are highlighted and justified.

Введение

Глобальные вызовы современной цивилизации остро ставят проблемы оптимального выбора при определении парадигм развития общества. Опыт Западной цивилизации в построении системы, обеспечивающей максимально эффективное удовлетворение потребностей человека, сложно переоценить. Именно в этом цивилизационном ареале сформировались системообразующие для современности феномены (часто возникавшие как эпифеномены исторических процессов, типа модернизации): научный метод, экономика свободного рынка, массовая культура; в результате имманентных процессов развития Запада были конституированы такие категории, как демократия (от либеральной до плебисцитарной), разделение властей, общественный договор. Нельзя отрицать, что незападные общества испытали значитель-

ное влияние как в области модернизации в целом, так и в вестернизации – в частности.

Западная наука не единожды (в разные исторические периоды и с различных методологических позиций) рассматривала феномен Запада как исторической и социокультурной общности. Спектр оценок, как и спектр теоретико-методологических установок, довольно широк, даже исследователи одного направления, осмысливавшие социальную реальность в различных социально-политических, геополитических и экономических контекстах, расставляют акценты, подчеркивая специфику и особенности тех или иных сторон Западной цивилизации. В либеральной мысли XIX–XX вв. Западная цивилизация часто определяется как цивилизация свободы, достоинства, инициативы или индивидуализма. Причем этот образ рисуется или как программа развития («образ грядущего»), или как репрезентации реальности («образ реальности»).

Тема места и роли Западной цивилизации в современном мире является центральной в исследованиях современного американского философа Фрэнсиса Фукуямы, к ней же на протяжении научной карьеры не раз обращался австрийский и англо-американский экономист и философ Фририх Август фон Хайек.

Социально-политические и философские идеи американского и австрийского ученых не единожды становились объектом научной рефлексии в отечественной науке, а также широко распространены в общественно-политическом дискурсе.

Актуальность и известность работ Ф. Фукуямы и Ф. фон Хайека, в свою очередь, обусловила формирование широкого спектра оценок их научной деятельности. Однако компаративный анализ взглядов философов на природу и специфику либерально-демократической цивилизации в философской и политической науке еще не осуществлялся.

И Ф. Фукуяма, и Ф. фон Хайек в своих научных изысканиях используют различные интеллектуальные конструкты, определяющие Западную цивилизацию: Запад, Западная цивилизация, страны Запада, Западно-христианская цивилизация, общества «конца истории». С целью избегания неясности для обозначения Запада как социокультурной суперсистемы в рамках статьи будет использован термин «либерально-демократическая цивилизация», который следует понимать как образ (репрезентацию) Западной цивилизации в социально-политических концепциях Ф. Фукуямы и Ф. фон Хайека.

В статье будет предпринята попытка компаративного анализа либерально-демократической цивилизации в социально-политических концепциях Ф. Фукуямы и Ф. фон Хайека.

Для достижения цели предполагается:

- 1) определить факторы, оказавшие влияние на формирование социально-политических идей Ф. Фукуямы и Ф. фон Хайека;
- 2) выявить механизмы формирования либерально-демократической цивилизации в понимании обоих философов;
- 3) обозначить особенности либерально-демократической цивилизации как исторического и социокультурного феномена в трактовке Ф. Фукуямы и Ф. фон Хайека.

Прежде чем перейти непосредственно к компаративному анализу, необходимо отметить, что философские воззрения и Ф. Фукуямы (в большей степени)¹, и Ф. фон Хайека (в меньшей степени) претерпели трансформации, связанные как с изменениями социально-политических, геополитических, экономических и научных контекстов, так и с пересмотром авторами своих собственных взглядов. В статье осмысливается концепция «конца истории» Ф. Фукуямы, разработанная в конце 1980-х – первой половине 1990-х гг., и социально-политические взгляды Ф. фон Хайека конца 1930-х – 1940-х гг., когда им была написана одна из наиболее известных работ «Дорога к рабству», в которой высказаны основные идеи ученого о судьбе Западной цивилизации.

Факторы дискурса, или хвост, который виляет собакой

Фридрих фон Хайек окончил Венский университет; в 1927 г. вместе с Людвигом Фон Мизесом основал Австрийский институт экономических исследований, в 1931 г. переехал в Лондон, где работал в Лондонской школе экономики и политических наук. Принимал активное участие в полемике со сторонниками как коммунизма, так и фашизма. После Второй Мировой войны переехал в США, где преподавал в Нью-Йоркском и Чикагском университетах.

Ф. фон Хайек является одним из наиболее ярких представителей Венской экономической школы, представлявшей позиции классического либерализма в экономике. Несомненно, теоретико-методологические подходы этой экономической школы, а также ее достижения в познании социальной реальности оказали значительное влияние на социально-политические воззрения фон Хайека, например, в наделении ведущей ролью принципов экономики свободного рынка и реализации рыночных механизмов регулирования экономической системы в устойчивости демократической политической системы. «Логоцентризм» социально-политических взглядов ученого целесообразно выразить, используя метафоры «текучесть»,

¹Социально-политическая философия Ф. Фукуямы действительно весьма противоречива и непоследовательна, однако, по-видимому, обладает некоторым внутренним единством.

«спонтанность», «самоорганизация». Так, в его философии права разделяется стихийно возникающее «право» и иерархичное, и относительно стационарное «законодательство», причем философ однозначно отдает пальму первенства первому.

Ф. Фукуяма получил классическое высшее образование в университетах США, входящих в «лигу плюща», стажировался во Франции под руководством Ж. Деррида. В 1980 г. Ф. Фукуяма под руководством С. Хантингтона защитил диссертацию в области политологии по проблемам советской геостратегии на Среднем Востоке. Работал в Государственном Департаменте США, в настоящее время преподает в Стэнфордском университете [1].

Ф. Фукуяма был верным последователем философской концепции Г. Гегеля и его интерпретатора А. Кожева. В целом философия «раннего» Фукуямы может быть осмыслена через конструкт «философия Гегеля – Кожева – Фукуямы», в котором причудливо переплетаются элементы концепций Гегеля и Кожева, а также его собственных философских воззрений. Закономерно, что включение в постнеклассический дискурс социогуманитарного знания, испытывавшего в конце 1980-х гг. значительное влияние междисциплинарных научно-исследовательских программ, постмодернистских и постструктуралистских идей, интеллектуальных конструктов и методологических принципов модерной науки с ее телеологизмом, верой в прогресс и возможность достижения истины, вызвала не только закономерную критику, но и в некоторой степени методологическое неприятие как самого постулирования проблемы (нелинейное или нелинейно-анархическое восприятие истории), так и конкретных путей ее решения.

Таким образом, и Ф. Фукуяма, Ф. фон Хайек рассматривают либерально-демократическую цивилизацию с «удобных» для них теоретико-методологических позиций. Ф. фон Хайек строит свою аргументацию исходя из экономической сферы жизни общества, а Ф. Фукуяма – во всемирно-историческом и философском контексте.

Концепции либерально-демократической цивилизации обоих ученых были сформированы в различных культурных, научных и исторических контекстах. И фон Хайек, и Фукуяма являются носителями

западной цивилизационной идентичности. При этом Ф. фон Хайек был значительно ближе европейской культурной традиции, а Ф. Фукуяма – американской. Однако с большой долей вероятности можно допустить, что они этим контекстом не ограничены. Еще в конце 1990-х гг. в работах П. Бергера и С. Хантингтона был эмпирически установлен более высокий уровень (уровень цивилизации – уровень мировой цивилизации) абстракции идентичности в среде интеллектуалов («клубная культура интеллектуалов») и бизнесменов («давосская культура») [2, с. 14, 17]. Интеллектуал, являясь частью социокультурной суперсистемы, в силу специфики своей трудовой деятельности, в особенности в последние столетия, неизбежно выходит за пределы «своего цивилизационного ареала», неизбежно находясь не только в автохтонном, но и в глобальном контексте. Мы полагаем, что научные контексты разнятся в большей мере, т. е. исследователи изучали социальную реальность исходя из различных парадигм: фон Хайек является представителем постклассической науки, а Фукуяма – постнеклассической; это предопределяет различия как в видении мира, так и в выборе инструментов познания.

Факторы, оказавшие влияние на социально-политические взгляды мыслителей, также существенно отличаются. Ф. Фукуяма формулировал концепцию «конца истории» в условиях триумфа Запада: демократический транзит в странах Центральной и Восточной Европы, дезинтеграция СССР, резкое повышение роли Западного мира в решении мировых проблем и др. Сам исторический процесс как бы «подсказывал» ученому позитивный сценарий для Запада. Все это и предопределило универсалистский и мондиалистский подход к исследованию мира: переход большинства обществ к либерально-демократической модели развития является неизбежным, все не покорившиеся неизбежно станут аутсайдерами, а присоединившиеся смогут стать полноправными членами «земного Эдема», имя которому либерально-демократическая цивилизация. Манифест «нового единого мира» был постулирован Ф. Фукуямой в статье «Конец истории?», опубликованной в журнале «National interest» летом 1989 г. [3] и книге «Конец истории и последний человек», вышед-

шей в свет в 1992 г., в которой более полно и системно излагались взгляды автора [4].

Ф. фон Хайек формулировал основные положения своей социально-политической философии в условиях конфликта глобальных проектов мирового развития и геополитического противостояния с государствами Оси. Являясь последовательным сторонником либерализма, философ критиковал и фашизм, и коммунизм. Истоки парадигмы «дороги к рабству» лежат в его исследованиях 1920-х гг. Однако впервые основные идеи его социально-политической философии были кратко изложены в статье «Свобода и экономическая система», которая была опубликована в журнале *Contemporary Review* в апреле 1938 г., а в 1939 г. перепечатана в расширенном виде в одном из выпусков серии «Брошюр по общественно-политическим вопросам», выпускавшихся под редакцией профессора Г. Д. Гидеонса в Чикагском университете [5, с. 4]. Книга же «Дорога к рабству» была опубликована в 1944 г. Исследования фон Хайека 1930-х – 1940-х гг. носят ярко полемический характер, что объясняется рядом причин. Во-первых, они были осуществлены в условиях распада миропорядка Версальско-Вашингтонской системы, когда сама модель либерально-демократического развития ставилась под вопрос как геополитическими противниками, предлагавшими коллективистские парадигмы развития, так и акторами внутри самого либерально-демократического мира.

Во-вторых, с середины 1940-х гг., когда судьба противостояния во Второй Мировой войне была предрешена, остро встал вопрос о выборе моделей послевоенного мироустройства. Закономерно, что идеи, изложенные в книге «Дорога к рабству», наряду с философией Л. Штрауса стали одной из теоретико-методологических основ «неоконсервативной волны», сыгравшей значительную роль в окончании Холодной войны.

Таким образом, можно утверждать, что в наибольшей степени на формирование социально-политической философии Ф. Фукуямы и Ф. фон Хайека оказали влияние именно социально-политические факторы. Важную роль в становлении воззрений мыслителей сыграли и научно-исследовательские программы, в рамках которых происходило развитие их личностей и способов осмысления ими социальной реальности.

При любом осмыслении истории развития философской мысли ее исследователь сталкивается со старой дилеммой, варианты решения которой предлагались начиная с Аристотеля и заканчивая Р. Бартом и Ж. Дерридой: что и в какой степени оказывает влияние на тексты автора и дискурс, иначе говоря: хвост виляет собакой или все-таки собака хвостом? Можно предположить, что определяющее влияние на формирование социально-политической философии Ф. Фукуямы оказал именно многогранный контекст эпохи, что ознаменовалось попыткой актуализировать идею «конца истории». А «виляние хвоста собакой» вылилось для философа в необходимость кардинального переосмысления своих взглядов уже через десятилетие. Вместе с тем нельзя отрицать уникальность взглядов Ф. Фукуямы, а также влияние его идей на социогуманитарное знание и геостратегию США, в особенности в 1990-е – начале 2000-х гг.

Ф. фон Хайек гораздо последовательнее американского философа. Его базовые подходы к изучению социальной реальности не претерпели фундаментальных сдвигов на протяжении всей его научной карьеры, хотя, конечно же, имманентно эволюционировали. Идеи индивидуализма, экономической свободы, рационального сотрудничества между индивидами являются основой его интеллектуальных изысканий. Поэтому, возвращаясь к метафоре «хвост и его собака», можно сделать вывод, что, с точки зрения Ф. фон Хайека, «хвост собаки» управляется самой «собакой».

Формирование либерально-демократической цивилизации: экономический и идеологический аспекты

Для понимания концепций Ф. Фукуямы и Ф. фон Хайека необходимо четкое задание исходных точек анализа, т. к. именно они детерминируют аргументацию авторов. Необходимо отметить, что для Фукуямы свобода – важнейший конструкт, весь всемирно-исторический процесс может быть рассмотрен как обретение человечеством истинной свободы [3, с. 134]. Философ считает, что конец истории в гегельянском понимании возможен только с той разницей, что смысл всемирно-исторического процесса заключается не в воплощении Абсолютного Духа (в т. ч. и в наилучшей форме прав-

ления), а в полной и окончательной победе либеральной демократии в качестве единственной альтернативы развития мира.

Фон Хайек определяет исходную точку анализа более «материалистично», что характерно для либеральной парадигмы с ее стремлением к рационализации поведения человека. Это индивидуализм. Либерально-демократическая цивилизация, как считает философ, по своей природе индивидуалистичная, но не эгоистичная. Ф. фон Хайек определяет основные черты индивидуализма: уважение к личности как таковой, т. е. признание абсолютного приоритета взглядов и пристрастий каждого человека в его собственной сфере деятельности, сколь бы узкой она ни была, а также убеждение в желательности развития индивидуальных дарований и склонностей [5, с. 12]. Также фон Хайек отмечает, что сознательно не оперирует категорией «свобода», что, по-видимому, связано как с «метафизичностью» конструкта, что создает дополнительные затруднения для исследования в контексте «экономцентричного» подхода, а также с девальвацией понятия «свобода» в общественном и научном дискурсе 1930-х – 1940-х гг. Вместо нее используется категория «терпимость» (толерантность), которая, по мнению ученого, наполнилась смыслом в Новое время, однако в условиях глобальных вызовов коммунизма и фашизма может окончательно исчезнуть. Таким образом, исходные точки анализа Ф. Фукуямы и Ф. фон Хайека довольно близки. Категории «свобода» и «индивидуализм» + «терпимость» позволяют создать широкий «эвристический коридор» для исследования, т. к. несут смысл в экономической, социальной, политической и духовной плоскости.

Фукуяма рассматривает либерально-демократическую цивилизацию во всемирно-историческом контексте, а Хайек – как историческое явление и этап развития Западной цивилизации. Вместе с тем фон Хайек, что следует из анализа его научных текстов, и в особенности публицистических работ, не ставит знака равенства между либерально-демократическим устройством и смыслом и результатом развития Западной цивилизации.

Таким образом, принципиальным отличием социально-политической философии Ф. Фукуямы и Ф. фон Хайека является разный уровень абстракции при исследовании

социальных, политических, экономических, культурных процессов. Ф. Фукуяма абстрагируется до уровня всемирно-исторического процесса, а фон Хайек – до уровня цивилизации (социокультурной суперсистемы).

В результате исследования взглядов Ф. Фукуямы и Ф. фон Хайека построены модели, в которых рассматриваются механизмы формирования либерально-демократической цивилизации. Авторами уже была опубликована модель достижения конца истории в видении Ф. Фукуямы [6, с. 43]. По мнению американского философа, всемирная история начинается ровно в тот момент, когда среди «первых людей» зарождаются отношения господства – подчинения. Весь всемирно-исторический процесс понимается как борьба за обретение свободы для каждого человека, т. к. последняя является его фундаментальным свойством как биологического вида и является таковой исходя из человеческого достоинства.

Необходимо подчеркнуть, что Ф. Фукуяма в исследованиях конца 1980-х – начала 1990-х гг. не осмысливает «материалистическую» природу феноменов свободы, достоинства, признания, определяя их как своеобразные «черные ящики». Основательно проблема природы этих фундаментальных свойств человека будет рассмотрена философом только в последних работах, прежде всего в книге «Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия» (2018) [7, с. 15–22, 23, 54–69]. Наряду со стремлением к свободе драйвером всемирно-исторического процесса выступает и жажда признания, которая в определенной степени соотносится с «яростным духом» (тимосом). Это понятие было впервые введено в научный оборот Платоном и рассматривалось им, наряду с разумным и страстным началом, как часть души. Таким образом, по мнению Ф. Фукуямы, ключевыми факторами, оказывающими влияние на всемирно-исторический процесс, являются свобода, жажда признания и тимос, причем их воплощение, как считает философ, возможно только при либерально-демократическом строе, а с учетом телеологичности истории глобальный триумф либеральной демократии на уровне идей видится закономерным, если не предопределенным.

Идеи воплощаются в мировой истории вполне «материально»: либеральная

демократия возможна благодаря развитию науки и модернизации общества, что актуализирует сам феномен либеральной демократии как воплощение идеи свободы и реализации тимоса и жажды признания во всемирно-историческом процессе. Поэтому для достижения либеральной демократии необходима реализация двух идей: свободы и равенства [4, с. 17], что позволяет определить общественный строй, основанный на

них, как устойчивый. Следовательно, их полная реализация (или воплощение) во всемирно-историческом процессе знаменует окончание всемирно-исторического процесса, т. е. «конец истории».

Механизм перехода к либерально-демократической цивилизации в парадигме «Дороги к рабству» четко локализован в историческом времени – пространстве (рисунок 1).

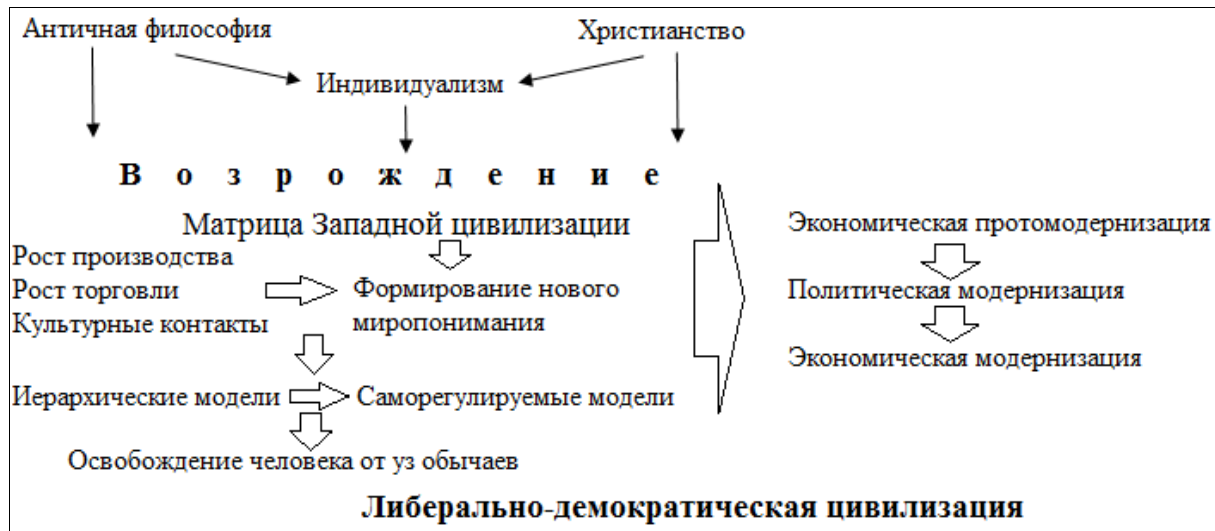

Рисунок 1. – Модель механизма формирования либерально-демократической цивилизации в социальной философии Ф. фон Хайека

Либерально-демократическая цивилизация в понимании Ф. фон Хайека четко локализована в Западной цивилизации. Триггерами формирования ее идеи являются античная философская традиция и христианское религиозно-этическое учение. Индивидуализм полностью утвердился в эпоху Возрождения, изменив сами принципы организации общества, предложив саморегулируемые модели. Таким образом, формировалась система, «при которой люди могли хотя бы пытаться сами организовать свою собственную жизнь, при которой перед человеком открылась возможность познакомиться с разными формами жизни и выбрать между ними» [5, с. 41].

Надо отметить, что Ф. фон Хайек считает Средние века периодом триумфа коллективизма. С точки зрения успехов античности, воплотившихся в индивидуалистической традиции философии и христианском религиозно-этическом учении, этот период является шагом назад. Такая оценка, на наш взгляд, является слишком тенденци-

озной. Так, например, французский историк и философ Ф. Бродель в фундаментальном труде «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.» приходит к выводу, что институционализация капиталистической мир-системы относится еще к Позднему Средневековью, в т. ч. подчеркивает важность индивидуалистической традиции в развитии торговли в первой половине второго тысячелетия нашей эры [8, с. 14–52, 95, 332–339; 9, с. 344, 395]. Известный российский философ А. А. Ивин также определяет средневековую европейскую цивилизацию как синтезную, т. е. включающую элементы как коллективистского, так и индивидуалистического «полюсов» человеческого сознания [9, с. 36, 38, 43].

Становление либерально-демократической цивилизации происходило в несколько этапов. Первый из них («протомодернизация») начался в республиках Северной Италии, а затем начал распространяться на запад и на север, через Францию и юго-западную Германию – в Нидерланды и на

Британские острова. Он затронул только те общества, в которых существовали традиции демократического управления, не было «политической деспотии», развиты были институты экономической сферы [5, с. 42]. Успехи протомодернизации способствовали политической модернизации. Наибольших успехов она достигла в Нидерландах и Англии и впервые получила возможность свободно развиваться и лечь в основу общественно-политической жизни этих стран.

На втором этапе либерально-демократическая цивилизация активно развивалась в Англии и Новом Свете. На протяжении всего этого периода истории общественное развитие шло в направлении освобождения индивидуума от уз, заставлявших его придерживаться в повседневной деятельности форм, предписанных обычаем, традицией или законом. Одним из ярких последствий политической и экономической модернизации стал рост научного знания. Это явление особо акцентируется в концепции «конца истории» Ф. Фукуямы. Таким образом, осознание того, что стихийные, никем не направляемые усилия отдельных людей могут в конечном счете привести к возникновению

сложной, разветвленной структуры экономической деятельности, пришло только после того, как этот процесс продвинулся достаточно далеко.

Несмотря на ряд обозначенных особенностей, и фон Хайек, и Фукуяма считают, что Западная цивилизация развивается в рамках либерально-демократической парадигмы. Ученые очевидно солидарны с мнением О. Конта: «Извечная болезнь Запада: бунт индивидуума против вида» [5, с. 49].

Облик либерально-демократической цивилизации

Произведем анализ образа либерально-демократической цивилизации в социально-политических философиях Ф. Фукуямы и Ф. фон Хайека. Для этого следует выделить и исследовать те элементы, которые делают, согласно упомянутым мыслителям, эту цивилизацию самой собой, детерминируют ее устойчивость и создают ей позитивную программу развития.

Основные элементы, формирующие облик либерально-демократической цивилизации, в концепции Ф. Фукуямы представлены на рисунке 2.

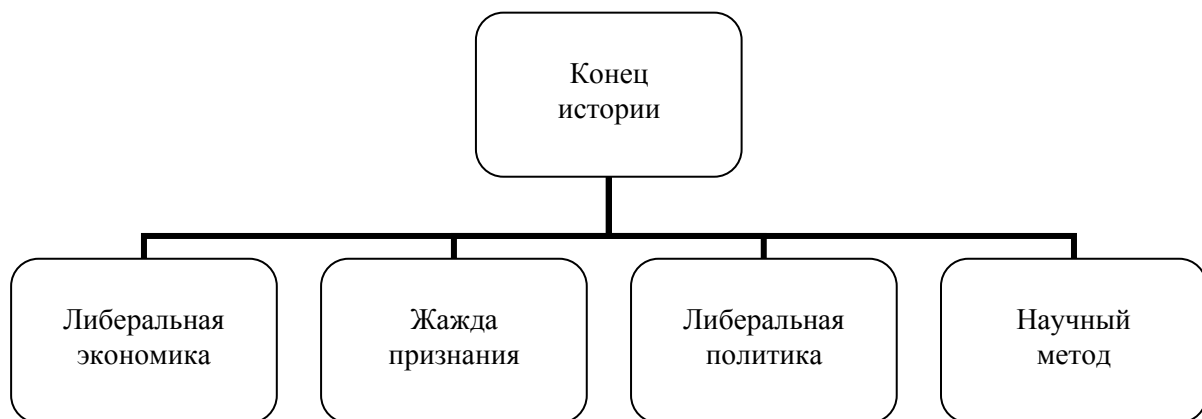

Рисунок 2. – Структура либерально-демократической цивилизации по Ф. Фукуяме

Таким образом, структура либерально-демократической цивилизации включает четыре элемента, которые только в совокупности обеспечивают ей устойчивость.

Под либеральной экономикой Ф. Фукуяма понимает экономику свободного рынка. Философ сознательно не использует категории «капитализм» из-за ее своеобразной коннотации в эпоху Холодной войны, заменяя ее более нейтральным конструктом «экономика свободного рынка». К со-

жалению, в работах исследуемого периода философ подробно не изучает специфики функционирования экономики в рамках либерально-демократической цивилизации.

Основываясь на волне успехов в неоконсервативных реформах и дезинтеграции Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений, Ф. Фукуяма делает вывод, что эволюция в направлении децентрализации принятия решений становится практически неизбежной для любой индустриальной цивилизации.

стриальной экономики, которая надеется стать «постиндустриальной» [4, с. 62]. По мнению Ф. Фукуямы, планирование эффективно в эпоху «угля, стали и тяжелой промышленности», однако перестает быть таковым в информационную эпоху. Корреляция между развивающейся экономикой и переходом к либерально-экономической парадигме, таким образом, очевидна. Во-первых, демократия способна быть посредником в сложной паутине взаимных интересов, создаваемых современной экономикой (функциональный подход). Во-вторых, авторитарные режимы эпохи биполярного мира имели тенденцию к вырождению и кризису, что делает их неэффективными в процессе управления экономикой. В-третьих, успешная индустриализация порождает общества среднего класса, а этот средний класс требует участия в политике и равенства прав.

Под либеральной политикой Ф. Фукуямой понимается либеральная демократия, сочетающая процедурный подход (проведение всех демократических процедур в соответствии с нормами действующего законодательства), эффективные демократические институты, институты гражданского общества и др.

Ф. Фукуяма рассматривает человека как совокупность трех элементов: человека экономического, человека социального и тимоса. По мнению философа, тимос – это сторона личности, которая является основным источником таких эмоций, как гордость, гнев и стыд, и она не сводима ни к желанию, с одной стороны, ни к рассудку – с другой [4, с. 162]. Вместе с тем философ разделяет конструкты «тимос» и «жажда признания». На самом же деле, продолжает Ф. Фукуяма, самоутверждение, возникающее из тимоса, и эгоистичность желаний – это весьма различные явления.

По мнению Ф. Фукуямы, христианство создало все условия, чтобы открыть дорогу к либеральной демократии, в которой все равны и свободны уже в этом мире. Однако путь этой идеи не был бесконечной дорогой триумфа. Логика «конца истории» позволяет сделать следующий вывод. Раб в начале истории отвергает свободу ради жизни в бесчестии, а в «конце истории» вновь достигает статуса свободного. Последний человек подобен первому человеку

тем, что он не рискует жизнью. Для первого человека причина – страх, для последнего – отсутствие смысла. Последний человек знает, что незачем рисковать жизнью ради какой-то великой цели, во имя свободы, идентичности, жизни. Верность флагу, которая вела людей на отчаянные акты храбрости и самопожертвования, последующей историей была квалифицирована как глупый предрассудок. Фукуяма пишет: «Современный образованный человек вполне удовлетворен видением дома и одобрением самого себя за широкие взгляды и отсутствие фанатизма» [4, с. 248]. Более того, в этом аспекте Фукуяма согласен не с кем иным, как с Ф. Ницше. Для Фукуямы последний человек – это человек, который «так выпячивает грудь... ах, даже и не имея груди» [4, с. 251].

Драйвером исторического развития либерально-демократической цивилизации является мегалотимия – стремление человека, которому, чтобы его признали высшим по сравнению с другими, как правило, из-за раздутой и тщеславной самооценки. Однако в конце истории она становится лишней, более того, является угрозой самому «концу истории». Мегалотимия заменяется изотимией – это желание получить признание в качестве равного другим людям. Однако, как отмечает Фукуяма, в долгосрочной перспективе либеральная демократия может быть подорвана изнутри либо избытком мегалотимии, либо избытком изотимии, причем первое будет представлять в конечном счете большую угрозу демократии, чем второе.

Цивилизация, которая предается необузданной изотимии, фанатически стремится исключить любые проявления неравного признания, быстро упрется в пределы, положенные самой природой. По мнению Ф. Фукуямы, нельзя ставить знак равенства между мужчиной и женщиной (наряду с принадлежностью к человеческому роду они имеют ряд специфических черт), здоровым и больным и др. Для философа обществом, в котором абсолютизирован принцип изотимии, является не либеральная демократия, а коммунизм [4, с. 207]. В таком обществе должна работать формула «единство в многообразии». Сама природа и логика всемирно-исторического процесса изживают тотальную изотимию.

С другой стороны, мегалотимия сохраняется в постисторическом обществе либеральной демократии, в эгалитарном и демократическом мире. Фукуяма отмечает, что некоторая степень мегалотимии есть необходимое условие для самой жизни. Цивилизация, лишённая тех, кто желает быть признанным выше других, которая не подтверждает каким-либо образом здравость и добрую природу такого желания, будет бедна литературой и искусством, музыкой и интеллектуальной жизнью. Мегалотимия опасна для либерально-демократического общества. Без мегалотимии ремёсла и промышленность будут косны и неизменны, а технология – второсортна. Наверное, самое важное – она не сможет защитить себя от другой «цивилизации», заражённой мегалотимией в высокой степени, граждане которой будут готовы расстаться с уютом и безопасностью и не побоятся рискнуть жизнью ради господства [4, с. 176].

Необходимо отметить, что Ф. Фукуяма не говорит о конкретных сроках триумфа либеральной демократии, ее полной и окончательной победы: «конец истории – это не то, что уже есть, а то, что должно быть» [11, р. 67].

Образ либерально-демократической цивилизации в социальной философии Ф. фон Хайека несколько более «материалистичен». Либерально-демократическая цивилизация, с его точки зрения, организована вокруг рынка. Хайек отмечает, что экономическая свобода является предпосылкой любой другой свободы. Экономическая свобода – это «свобода экономической деятельности, неизбежно влекущая за собой риск и ответственность, связанные с правом выбора» [5, с. 41]. Вместе с тем либерализм не является системой правил и норм, которые не могут быть изменены. Очевиден, исходя из этого, принцип, что государству необходимо опираться на стихийные силы общества и как можно меньше прибегать к принуждению [5, с. 4–17]. Поэтому в либерально-демократической цивилизации в целях ее сохранения и укрепления необходимо создание системы, позволяющей извлечь максимальную пользу из принципа свободной конкуренции. Даже будучи последовательным сторонником экономического либерализма, фон Хайек допускает применение планирования, особенно в условиях гео-

политических вызовов и военных конфликтов, когда создана серьезная угроза самим основам либерально-демократической цивилизации. Однако когда планирование и регулирование достигает критической массы, экономическое развитие останавливается и эффективность экономической системы начинает снижаться.

Также исследователь отмечает, что «и конкуренция, и централизованное руководство становятся плохими и неэффективными методами, если применяются не в полную силу; это разные средства решения одной и той же задачи, и смешение их приведет лишь к тому, что ни одно не окажется успешным и результат будет хуже, чем при последовательном применении чего-то одного» [5, с. 87]. Таким образом, планирование и конкуренцию необходимо совмещать только тогда, когда планирование будет способствовать конкуренции, а не действовать против нее.

Конкуренция в экономике позволяет сложным экономическим системам эффективно саморегулироваться. Простые системы могут относительно успешно развиваться и в условиях планирования, однако при формировании более сложных механизмов, связанных с экономическим развитием, оно становится неэффективным. В этом и Фукуяма, и Хайек солидарны, однако Фукуяма считает, что планирование эффективно и в индустриальном обществе, а Хайек – только в традиционном. В сложных системах, на взгляд фон Хайека, работает теория неполноты информации. Основным механизмом регулирования экономики в либерально-экономической цивилизации является ценовой механизм. Он позволяет предпринимателям наблюдать за колебаниями сравнительно немногих цен, «как инженер наблюдает за стрелками нескольких индикаторов, и, исходя из них, согласовывать свои действия с действиями остальных» [5, с. 85].

Таким образом, Хайек считает, что капитализм – конкурентная система, основанная на свободном распоряжении частной собственностью. Этот подход разделяет и Ф. Фукуяма. Однако Ф. фон Хайек считает экономическую систему ключевым фактором устойчивости либерально-демократической цивилизации. Ее структура представлена на рисунке 3.

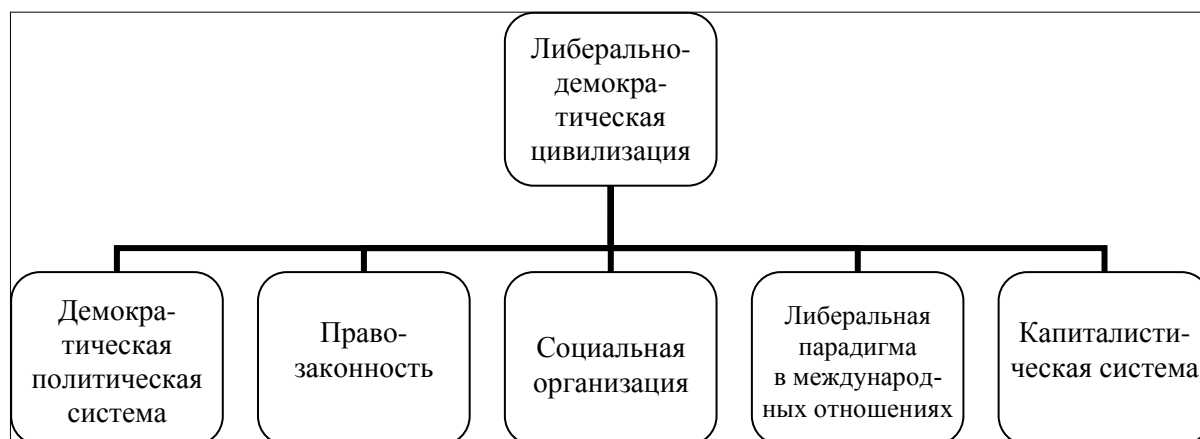

Рисунок 3. – Структура либерально-демократической цивилизации по Ф. фон Хайеку

Концепция правозаконности и ее реализация на практике создает условия для развития экономической системы. Идея правозаконности была институционализована лишь в либеральную эпоху и является одним из величайших ее достижений не только как гарантия свободы, но и как юридическое ее воплощение. По словам И. Канта (а до него практически так же выразился Вольтер), «человек свободен, когда обязан повиноваться не людям, а лишь одним законом» [12, с. 187]. Принцип верховенства права позволяет субъектам экономики строить рациональные маркетинговые стратегии, цивилизованно решать в суде споры и т. д.

Соответственно, демократическая политическая система является не целью, а побочным продуктом экономической модернизации. И по этому вопросу Фукуяма и Хайек занимают противоположные позиции, что объясняется различными методологическими подходами. Демократия, по мнению австрийского ученого, не может быть фетишем, ибо, будучи им, становится уязвимой и склонной к перерождению в авторитарные и тоталитарные формы, причем под демократическими же лозунгами. Гораздо важнее демократические ценности, которые стали основой модернизации.

Социальная сфера либерально-демократической цивилизации основывается на том, что ни один субъект не может охватить все многообразие потребностей людей, которые соперничают за доступ к имеющимся ресурсам, и четко определить значимость каждой из них. Таким образом, каждый индивидуум является «верховным судьей» своих нужд. Идеальной ситуацией будет

следующая: совпадение индивидуальных и общественных целей.

Либерально-демократическая цивилизация – это цивилизация возможностей и риска, однако и в ней существуют определенные социальные стандарты. Фон Хайек отмечает, что в конкурентном обществе у бедных гораздо более ограниченные возможности, чем у богатых, и тем не менее бедняк в таком обществе намного свободнее человека с гораздо лучшим материальным положением в обществе другого типа.

В либерально-демократической цивилизации каждый должен быть уверен, что ему гарантирован определенный минимум средств к существованию и уровень социальных услуг: кров, еда, одежда. Однако это не должно способствовать понижению деловой активности. Более того, эта «подушка безопасности» создает ряд возможностей для повышения уровня деловой активности. Общество будет успешным только тогда, когда подчиняется «безличным силам рынка». Обществу, которое в условиях рыночной экономики ставит под вопрос всевластие рыночных механизмов, по мнению Хайека, придется подчиняться людям, чья власть будет такой же неконтролируемой, как власть рыночных механизмов, т. е. деспотичной.

Формирование либерально-демократической цивилизации предполагает реформирование международных отношений в рамках либеральной парадигмы. Вильсонизм + сильная институциональная основа наднациональных структур и институтов – вот наиболее точная характеристика взглядов фон Хайека на теорию международных отношений. Вместе с тем международные отношения рассматриваются им в

контексте экономического развития, что характерно для экономикоцентричных парадигм. Основная угроза порядку и стабильности в международных отношениях, по мнению фон Хайека, исходит от государств, в которых экономика развивается на основе планирования. Например, фашистские государства, авторитарные режимы, коммунистические режимы. Многие виды экономического планирования осуществимы только при условии исключения всех посторонних влияний (автаркия), поэтому результатом такого планирования неизбежно будет нагромождение всякого рода предписаний, ограничивающих свободу перемещения людей и товаров. Перерастая национальные границы, таким образом могут формироваться региональные парадигмы международных отношений, которые будут пытаться строить альтернативные модели современности [5, с. 174].

В либерально-демократической цивилизации национальное государство продолжит оставаться ведущим геополитическим актором и актором международных отношений. Однако его природа, как считает фон Хайек, создает ряд условий для ограничения свобод человека и прежде всего экономических свобод. Таким образом, в концепции фон Хайека, сочетаются принципы национального суверенитета и создания оптимальных условий для развития экономик различных государств в целях обеспечения их развития и экономического выравнивания уровня жизни граждан.

Таким образом, необходимо оптимальным образом перераспределить суверенитет и властные полномочия между национальным государством и наднациональными институтами. Фон Хайек видит оптимальной формой этого федерацию. Федеративный принцип – единственная форма объединения народов, которая может создать стабильную систему международных отношений, не посягая при этом на законное стремление этих народов к независимости, иными словами, это демократия с четко ограниченными полномочиями. В рамках федерации должен быть создан специальный институт с четко ограниченными полномочиями. Международный орган власти, пишет Ф. фон Хайек, эффективно ограничи-

вающий власть государства над индивидуумом, будет одной из лучших гарантий мира.

Заключение

В статье впервые в отечественной науке осуществлен компаративный анализ социально-философских воззрений Ф. Фукуямы и Ф. фон Хайека на природу и специфику либерально-демократической цивилизации, показан ее генезис и развитие.

В рассмотренных выше концепциях социально-политических философий Ф. Фукуямы и Ф. фон Хайека с различных методологических позиций представлены взгляды на природу, историю и структуру либерально-демократической цивилизации. Теоретико-методологические и философские основания этих концепций определили исходные точки анализа и, соответственно, их структуру.

Ключевой категорией в концепции Ф. Фукуямы является категория свободы, а фон Хайека – индивидуализм. Второе важное отличие заключается в том, что в концепции «конца истории» процесс формирования либерально-демократической цивилизации рассматривается во всемирно-историческом контексте, а в парадигме «дороги к рабству» – в контексте истории европейской цивилизации. Если для Ф. Фукуямы идея свободы является целью всемирно-исторического процесса, то в центре интеллектуального поиска фон Хайека – развитие экономической системы и ее взаимодействие с другими сферами жизни общества.

На протяжении всей истории человек освобождался от различных уз и оков, и только в либеральной демократии создаются условия для его реализации. Человек здесь является свободным. И эта свобода, воплощенная в либеральной демократии, есть смысл и итог всего всемирно-исторического процесса. Свобода велика и прекрасна, считает Ф. фон Хайек, однако ее необходимо эффективно обеспечивать. Именно подчинение человека безличным силам рынка сделало возможным развитие цивилизации, которое в противном случае не могло бы осуществиться, именно таким своим подчинением мы день за днем помогаем возведению гигантского здания, чьи масштабы превосходят все, что способен понять любой из нас.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Francis Fukuyama [Electronic resource] // Encyclopedia Britannica. – Mode of access: <https://www.britannica.com/biography/Francis-Fukuyama>. – Date of access: 12.11.2018.
2. Бергер, П. Многоликая глобализация / П. Бергер, С. Хантингтон ; пер. с англ. В. В. Сапова ; под ред. М. М. Лебедевой. – М. : Аспект Пресс, 2004. – 379 с.
3. Фукуяма, Ф. Конец истории? / Ф. Фукуяма // Вопр. философии. – 1990. – № 3. – С. 134–148.
4. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма ; пер. с англ. М. Б. Левина. – М. : АСТ, 2007. – 588 с.
5. Хайек, Ф. А. фон. Дорога к рабству / Ф. А. фон Хайек. – М. : Новое изд-во, 2005. – 264 с.
6. Жук, С. А. Интерпретация итогов и результатов всемирно-исторического процесса в философии истории Ф. Фукуямы и Г. Гегеля: историко-компаративный анализ / С. А. Жук, А. В. Климович // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2019. – № 2. – С. 37–47.
7. Фукуяма, Ф. Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия / Ф. Фукуяма. – М. : Альпина паблишер, 2019. – 256 с.
8. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. : в 3 т. / Ф. Бродель. – М. : Прогресс, 1986–1993. – Т. 1 : Структуры повседневности: возможное и невозможное. – 1986. – 624 с.
9. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. : в 3 т. / Ф. Бродель. – М. : Прогресс, 1986–1993. – Т. 3 : Время мира. – 1993. – 679 с.
10. Ивин, А. А. Социальная эпистемология: человеческое познание в социальном измерении / А. А. Ивин. – М. : Проспект, 2017. – 349 с.
11. Fukuyama, F. The Origins of Political Order / F. Fukuyama. – New York : Straus & Giroux, 2011. – 585 p.
12. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант. – М. : Эксмо, 2007. – 736 с.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 25.10.2020

УДК 327 + 502.1

Ольга Александровна Посталовская

канд. полит. наук, доц. каф. политологии

Белорусского государственного экономического университета

Olga Postalovskaya

Candidate of Political Science, Associate Professor of the Department of Political Science

Belarusian State Economic University

e-mail: postalovskaya@minsk.edu.by

**ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ:
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ**

Рассматриваются основные тенденции и закономерности в развитии научных исследований теоретических аспектов экологической политики, определяются ключевые подходы к пониманию ее сущности. На основе этого формируется представление об экологической политике в современном обществе как интегративном теоретическом и научно-практическом феномене современных политических отношений, включающем и теорию, и социальную практику. Формулируется вывод о том, что экологическая политика должна анализироваться с позиции комплексного подхода и может рассматриваться в качестве системной социальной технологии – комплекса механизмов и приемов для разрешения противоречий в экологической сфере.

Theoretical Dimension of Environmental Policy: Conceptual Approaches

The paper examines the main trends and patterns in the development of scientific research on the theoretical aspects of environmental policy, identifies key approaches to understanding its essence. On the basis of this, an idea of environmental policy in modern society is formed as an integrative theoretical and scientific-practical phenomenon of modern political relations, including both theory and social practice. The conclusion is made that environmental policy should be analyzed from the position of an integrated approach and can be considered as a systemic social technology – a set of mechanisms and techniques for resolving even a hypothetical possibility of environmental disturbance.

Введение

В современном обществе экологическая политика становится все более важным и необходимым направлением политологических исследований. От эффективности и действенности механизмов осуществления политики в сфере экологии зависит будущее не только каждого государства, но и всего мира в целом. Многие современные политики, общественные деятели, ученые с тревогой отмечают, что не всегда экологическая политика государств отвечает требованиям времени и не в полной мере учитывает имеющиеся серьезные экологические проблемы. По мнению доктора политических наук Е. В. Матвеевой, «современная политика не может иметь будущего, если от нее страдает природа» [7, с. 4]. Вследствие этого возрастает потребность в разработке государствами единых комплексных подходов к ее формированию и реализации, расширяется содержательное поле экологической политики. Поэтому изучение проблем концептуального содержания и направленности экологической политики современ-

ных государств, механизмов ее формирования и реализации в современном политическом процессе становится все более актуальным.

Особенностью современной государственной политики является необходимость повышения ее научной обоснованности во всех сферах, в т. ч. и в области экологии. Только научное знание может стать основой эффективной экологической политики, позволит найти наиболее адекватные способы разрешения имеющихся проблем, предсказать появление новых проблем и предложить варианты их предотвращения. Очень точно подчеркнул данную особенность нашего времени французский философ Б. Латур: «Отношение природы и политики не может быть непосредственным, и единственным, кто может успешно претендовать на роль посредника, является наука» [4, с. 12].

На основании анализа научной литературы, политических и правовых документов по экологической проблематике можно выявить определенные тенденции и зако-

номерности в развитии научных исследований концептуальных оснований экологической политики, а также определить подходы к пониманию ее сущности.

Одним из первых подходов в изучении теоретических оснований экологической политики стал *холистический подход*. Согласно данному подходу под экологической политикой понимается государственная политика по отношению к окружающей среде как к единому целому. Автором этого подхода является американский политолог Линтон К. Колдуэлл, который ввел в научный оборот термин «экологическая политика», а также стал одним из авторов первого в мире Национального закона об экологической политике, принятого в США в 1969 г. Нельзя не отметить тот факт, что некоторые положения этого документа предвосхитили идеи устойчивого развития. Данному исследователю принадлежит ключевая роль во внедрении понятия «экологическая политика» в реальную политику и политическую науку. В своей статье «Окружающая среда: новое направление государственной политики» ученый обосновал необходимость разработки государственной политики по отношению к окружающей среде как к единому целому [18, с. 132–139].

Однако данный подход не получил широкого распространения в научной литературе 70-х гг. XX в.

Дальнейшее расширение сферы применения понятия «экологическая политика» нашло отражение в рамках *экономического подхода* и связано с экономической наукой. Немецкий исследователь Зигфрид фон Сириаси-Вэнтрап подчеркивал, что экологическая политика, или экологическое управление, – это та область, где «встречаются интересы экологии и экономики» [19, с. 36–37]. В экологической политике, по мнению исследователя, следует выделять охранительный и распределительный аспекты. Основу охранительной политики составляет деятельность государства по охране природных ресурсов. Распределительная политика отражает действия государства по распределению материальных ресурсов и связанных с ними выгод и издержек между различными субъектами (государствами, регионами, фирмами и т. д.). Таким образом, деятельность государства в этих двух сфе-

рах является основой государственной экологической политики. В дальнейшем многие исследователи, изучающие экологическую политику, останавливались в основном на ее распределительной составляющей и анализировали соотношение издержек и выгод.

В 1970–80-х гг. было опубликовано множество научных работ, посвященных экологической политике и политическим аспектам экономики окружающей среды. Некоторые работы выдержали многочисленные переиздания и до настоящего времени сохраняют свою актуальность. Одной из таких работ является изданная в 1975 г. коллективная монография американских экономистов Уильяма Дж. Баумола и Уоллеса Э. Отса «Теория экологической политики» [17]. В данной работе экологическая политика тесно пересекается с проблемой внешних факторов в экономике. Экологические проблемы рассматриваются как внешние издержки, которые экономические субъекты налагают на общество в целом. Одним из вариантов выхода из этого положения предлагалось учреждение налога, возмещающего ущерб, нанесенный природной среде. Такое же мнение высказывалось английскими экономистами Альфредом Маршаллом и Артуром Сесилом Пигу еще в первой половине XX в. [13, с. 59–61].

Следует отметить, что на современном этапе развития цивилизации экономическая составляющая экологической политики не утратила своей значимости. Многие современные ученые подходят к анализу экологической политики прежде всего с точки зрения экономики. Так, российский исследователь К. В. Павлов в своей монографии «Экологическое ядро» рассматривает экологическую политику в контексте экономической политики. Автор отмечает необходимость и целесообразность разработки общей теории социально-экономической и экологической политики. А главной задачей, по мнению ученого, является «типологизация проблемных социально-экономических и экологических ситуаций, а также анализ их разрешения» [9, с. 32]. Схожего мнения придерживаются и другие ученые. М. И. Васильева, рассматривая государство в качестве субъекта экологического права, отмечает, что «невозможно решать экологические проблемы вне экономического развития или вопреки ему» [2, с. 3].

Важность экономического подхода и необходимость рассмотрения экологической политики в контексте экономики очевидна. Предотвращение экологических проблем тесно связано с решением экономических противоречий современного мира. Экономика современной цивилизации может успешно развиваться только при условии, если будут учтены экологические факторы.

Однако экономический подход не позволяет в полной мере проанализировать процессы, происходящие в сфере экологии в современном обществе. Рассмотрение экологической политики только как экономической проблемы оставляет за ее пределами политико-правовые аспекты проблемы и прежде всего механизмы принятия государственных и политических решений. При рассмотрении экологической политики на международном уровне в контексте экономики также возникают противоречия. В первую очередь необходимо указать на высокий уровень конкуренции государств в международной торговле. Те страны, которые несут наибольшие потери от экологического регулирования, значительно ослабляют свои позиции на мировом рынке (наиболее актуальной данная проблема является для развивающихся стран). Серьезной проблемой является трансграничный и глобальный характер экологических проблем, что требует коллективных усилий государств и других субъектов современной политики в разработке мер для их решения.

Основу *правового подхода* составляет точка зрения, согласно которой экологическая политика должна рассматриваться сквозь призму права. Внимание ученых, придерживающихся данного мнения, сконцентрировано на анализе экологического законодательства, изучении норм и принципов права, связанных с охраной окружающей среды. Так, известный российский ученый в области экологического права О. Н. Дубовик отмечает, что «от того, как понимается экологическое право и его предмет в данной стране, зависит определение экологической политики и ее приоритетов» [3, с. 15–16]. Обосновывая свою позицию, автор подчеркивает, что понимание предмета экологического права отражается на выборе правовых средств и методов решения конкретных задач, а иногда и лиц, которые принимают решение, например, о ввозе опасных радио-

активных отходов в страну. Кроме того, по мнению исследователя, от решения этих проблем зависят пределы государственного вмешательства в использование человеком окружающей среды.

Важность правовых аспектов экологической политики подчеркивает еще один российский исследователь М. Н. Пчельников. Ученый считает, что необходимо ввести в научный оборот и реальную политику понятие «экологическая правовая политика»: «Экологическая правовая политика – это законотворческая, правоприменительная и правозащитная деятельность, направленная на регулирование экологических процессов в соответствии с национальными интересами, охватывающее отношения собственности на природные ресурсы, природопользование в сфере использования и охраны природы, ответственность за нанесение вреда природной среде» [12, с. 6–7]. По его мнению, в этом и заключается главное предназначение экологической политики государства.

Сторонники правового подхода придерживаются первичности экологического права по отношению к другим мерам государства. Государственная политика в сфере экологии рассматривается как обусловленная правом.

На наш взгляд, такое представление об экологической политике является важным и обоснованным, но при этом все-таки сужающим содержание данной сферы деятельности.

В начале 90-х годов XX в. появилось большое количество исследований, посвященных экологическим реформам и акцентирующих свое внимание на государственной экологической политике. На этом этапе все большим влиянием стала пользоваться *концепция «экологической модернизации»*, предложенная немецкими учеными Мартином Енике и Йозефом Хубером.

Несмотря на сохраняющееся влияние, данная концепция подвергается постоянной критике. С точки зрения критиков теории экологической модернизации она является своего рода «уловкой, позволяющей на словах примирить «непримиримое» – окружающую среду и развитие – и помешать деятельности «настоящих» защитников окружающей среды» [13, с. 58–64]. На наш взгляд, с аргументами критиков теории экологиче-

ской модернізацыі складна не сагласіцца, в т. ч. і потым, што актуальнейшы вярхоўны сучаснага сусвету, магчыма лі дасягненне ўстойлівага развіцця без караных палітыка-эканамічных пераўтварэнняў, застаецца ў рамках гэтага падыходу адкрытым.

С тачкі згляду *палітычнай экалогіі* ў аснове праблемы вызначэння сутнасці экалагічнай палітыкі знаходзяцца ўзаемаадношэнні паміж асяродкам і грамадствам, органамі дзяржаўнай улады, грамадскімі арганізацыямі, паміж прыродай і культурай, навучным ведааннем і аховай прыроды, экалагічнымі тэхналогіямі і прыроднымі рэсурсамі. Акадэмік Н. М. Мамедов адзначае, што «ўключэнне экалогіі ў сферу дзейнасці дзяржавы, грамадскіх арганізацый і ўладных адношэнняў прыдало ёй палітычную арыентацыю» [15, с. 9]. Па меру навукоўца, экалагічная палітыка – адносна новая сфера палітычнай дзейнасці, аднак калі правесці аналіз адношэнняў экалогіі і палітыкі, то можна аднавіць, што любое экалагічнае дзеянне мае адношэнне да палітыкі. Учынюны прапанаваў наступныя варыянты вызначэння экалагічнай палітыкі.

1. «Целенаправленая дзейнасць па забеспячэнні рацыянальнага выкарыстання прыродных рэсурсаў, мінімізацыі забруднення і адходаў і захаванню жыццязабеспячальных функцый біясферы».

2. «Перечень» прынцыпаў і дзеянняў, якімі кіруецца дзяржава, грамадства, ці «аддзяльна ўзятая кампанія з мэтай абароны ці захавання кампанентаў асяродка ці выкарыстання прыродных рэсурсаў на шляху ўстойлівага развіцця» [15, с. 99].

Правомернасць прыдання экалогіі палітычнай нагрукі абасноўваецца ў сваіх працах і эксперт-палітолаг Г. В. Косов. У аснове экалагізацыі палітыкі, па меру навукоўца, з аднаго боку, знаходзіцца «протывоборства экалагічных патрэбнасцей і інтарэсаў, а з другога – стратэгіі, звязаныя з забеспячэннем экабязбядзеннасці». Вследствіе гэтага экалагічная саастанавяючая затрагівае інтарэсы сусветнага грамадства ў цэлым, там самым вызначае сусветны палітычны працэс [6, с. 10]. Аналіз розных крыніцаў паказвае, што дамінуючым падыходам з'яўляецца

падыход, сагласна якому экалагічная палітыка – гэта перада ўсё дзейнасць дзяржавы ў вобласці экалогіі. К прымеру, польскі даследчык Б. С. Паскробко ўтверджае, што экалагічная палітыка – гэта «асознанная і целенаправленая дзейнасць дзяржавы, органаў мясцовага самаўправлення і суб'ектаў гаспадарвання ў вобласці кіравання асяродкам» [10, с. 33]. Там самым ён падкрэслівае, што экалагічная палітыка, яе рэалізацыя – гэта фармуліраванне мэтаў, прынцыпаў і кіравання дзеянняў органаў дзяржавы ў вобласці асяродка.

Пахожай тачкі згляду прытрымліваецца і рускі даследчык Г. М. Федоров, разглядаючы экалагічную палітыку ў якасці аднаго з кіраванняў дзяржаўнай палітыкі. Гэты навукоўца таксама адзначае, што сутнасць экалагічнай палітыкі дзяржавы, як і ўсе другія тыпы дзяржаўнай палітыкі, абумоўлена адношэннямі ўлады [14, с. 6].

Беларускія даследчыкі О. В. Пролесковскі і Л. Е. Крыштаповіч вызначаюць экалагічную палітыку як «дзейнасць дзяржавы па перааважэнні экалагічных угроз, развіццю асобы і грамадства ўнутры краіны, так і ў сістэме міжнародных адношэнняў» [11, с. 501]. Яны акцэнтуюць увагу, перада ўсё, на праблеме экалагічнай бяспядзеннасці краіны, а ва-вторых, на неабходнасці ўплыва дзяржавы на фарміраванне адпаведнага свядомасці чалавека і грамадства.

Калі накіраваную на дасягненне экалагічнай бяспядзеннасці, то ёсць саастанавяючы «заащыщеннасці асяродка, жыцця і здароўя грамадзян ад угроз, узнікаючых ў выніку антрапагенных ўздзеянняў, а таксама фактараў, працэсаў і з'яўленняў прыроднага і тэхнагеннага характара», вызначае экалагічную палітыку і Канцэпцыя Нацыянальнай Бязбядзеннасці Рэспублікі Беларусь [5, с. 4].

Па меру Н. Н. Марфеніна, экалагічная палітыка прадставае сабой «саакупнасць мераў, выкарыстаных для забеспячэння даўгастронкай экалагічнай бяспядзеннасці з улікам эканамічных магчымасцей і саацальных патрэбнасцей грамадства» [8, с. 493].

Рускі даследчык О. Н. Яніцкі вызначае экалагічную палітыку

как «политику государства, направленную на сохранение и воспроизводство здоровой и безопасной среды обитания, на разрешение социально-экологических конфликтов путем постепенной экологической модернизации всех сфер жизнедеятельности общества, начиная от трансформации базовой системы ценностей, соблюдения гражданских прав и свобод и до перестройки промышленного производства на основе расширяющегося использования природосберегающих технологий» [16, с. 30].

На наш взгляд, такое толкование экологической политики приводит к пониманию того, что экологическая политика – это деятельность государства по обеспечению безопасной окружающей среды. В таком аспекте она выступает в роли важнейшей части политики национальной безопасности и тесно связана с экономической, военной, культурной и другими направлениями государственной политики.

Но в последние годы все более явно прослеживается стремление ученых выйти за пределы «государственной субъектности» в экологической политике, расширить перечень ее участников за счет негосударственных субъектов, выражающих интересы тех или иных групп общества.

Российские исследователи О. В. Аксенова и И. А. Халий предлагают расширить число субъектов «экополитики», они считают, что в экологической политике должно происходить «взаимодействие различных экономических, политических и социальных структур, направленных на реализацию стратегии в сфере охраны природы и окружающей среды» [1, с. 550]. В качестве таких субъектов выступают транснациональные корпорации, научные и общественные объединения, группы интересов, бизнес-структуры, партии, СМИ и т. п. С такой точкой зрения трудно не согласиться, поскольку указанные акторы оказывают значительное влияние на формирование и реализацию современной экологической политики и в условиях глобализации их роль возрастает.

Е. В. Матвеева считает, что экологическая политика – это «межуровневое взаимодействие государств, общественных и неправительственных организаций, а также международных организаций в решении проблем в области охраны окружающей

среды на региональном, национальном и международном уровнях» [7, с. 22].

Заключение

Резюмируя концептуальное содержание основных подходов к вопросу определения сущности экологической политики, необходимо отметить, что все они указывают на деятельность по обеспечению рационального использования природных ресурсов, на совокупность мер в целях обеспечения долгосрочной экологической безопасности, на систему юридических, политических, экономических и иных мер, принимаемых государством с целью управления экологической ситуацией и т. д.

На наш взгляд, экологическая политика должна анализироваться с позиции комплексного подхода и может рассматриваться как системная социальная технология управления экологической сферой, а также как деятельность не только государственных, но и иных политических, экономических и социальных субъектов в целях обеспечения рационального использования природных ресурсов и регулирования воздействия общества на природу. Тем самым она становится одним из важнейших направлений деятельности государства и императивом современных политических отношений. На основе этого формируется представление об экологической политике в современном обществе как интегративном теоретическом и научно-практическом феномене современных политических отношений, включающем и теорию, и социальную практику. Поэтому сущность экологической политики целесообразно раскрывать не только с точки зрения государственной политики, но и через деятельность новых политических, экономических и социальных институтов по обеспечению рационального использования и возобновления природных ресурсов, нормальной жизнедеятельности и экологической безопасности человека.

В современных условиях экологическая политика становится масштабной социальной технологией – комплексом механизмов и приемов для разрешения даже гипотетической возможности экологического нарушения. Именно это создает возможности системного взаимодействия многочисленных субъектов экологической политики и на этой основе формируются современ-

ные механизмы и инструменты ее реализации. Поэтому в настоящее время более актуальной становится необходимость в разработке новых теоретико-методологических

подходов к анализу экологической политики, к формированию новых политических практик.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксенова, О. В. Экологическая политика на региональном уровне / О. В. Аксенова, И. А. Халий // Россия: трансформирующееся общество : сб. тр. / Рос. акад. наук, Ин-т социологии ; под ред. В. А. Ядова. – М., 2001. – С. 546–562.
2. Васильева, М. И. Государство как субъект экологического права / М. И. Васильева // Экол. право. – 2008. – № 6. – С. 2–5.
3. Дубовик, О. Л. Экологическое право / О. Л. Дубовик. – М. : Проспект, 2003. – 583 с.
4. Латур, Б. Политика природы / Б. Латур // Неприкоснов. запас. – 2006. – № 2. – С. 11–29.
5. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь : утверждена Указом Президента Респ. Беларусь 9 нояб. 2010 г., № 575. – Минск : Белорус. Дом печати, 2011. – 46 с.
6. Косов, Г. В. Экологическая составляющая политического процесса : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Г. В. Косов. – Ставрополь, 2005. – 37 с.
7. Матвеева, Е. В. Межуровневые взаимодействия в общественной, государственной и мировой экологической политике : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02 / Е. В. Матвеева ; Кемер. гос. ун-т. – Саратов, 2012. – 40 с.
8. Марффенин, Н. Н. Устойчивое развитие человечества / Н. Н. Марффенин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2007. – 624 с.
9. Павлов, К. В. Экологическое ядро / К. В. Павлов. – Мурманск : Кол. науч. центр Рос. акад. наук, 2008. – 230 с.
10. Поскробко, Б. Управление окружающей средой в Польше : пер. с пол. / Б. Поскробко, Т. Поскробко ; предисл. Э. Михневича. – Минск : Белорус. нац. техн. ун-т, 2013. – 433 с.
11. Белорусский путь / О. В. Пролесковский [и др.] ; под ред. О. В. Пролесковского, Л. Е. Криштаповича. – Минск : Маст. літ., 2012. – 558 с.
12. Пчельников, М. Н. Экологическая правовая политика Российской Федерации: институционально-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / М. В. Пчельников ; Рост. юрид. ин-т М-ва внутр. дел Рос. Федерации. – Ростов н/Д., 2009. – 27 с.
13. Саблин, И. В. Теоретические аспекты экологической политики / И. В. Саблин // Молодой ученый. – 2011. – № 6. – С. 58–64.
14. Федоров, Г. Государство, политика: их взаимосвязь и взаимодействие / Г. Федоров // Закон и жизнь. – 2010. – № 6. – С. 4–21.
15. Экологическая политика: основания, уровни, методология реализации : сб. ст. / Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации ; редкол.: Н. М. Мамедов (отв. ред.) [и др.]. – М. : Изд-во Рос. акад. гос. службы, 2005. – 282 с.
16. Яницкий, О. Н. Россия: экологический вызов (общественное движение, наука, политика) / О. Н. Яницкий. – Новосибирск : Сиб. хронограф, 2002. – 426 с.
17. Baumol, W. J. The theory of environmental policy / W. J. Baumol, W. E. Oates. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1993. – X, 299 p.
18. Caldwell, L. K. Environment: a new focus for public policy / L. K. Caldwell // Publ. Administration Rev. – 1963. – Vol. 23, Nr 3. – P. 132–139.
19. Ciriacy-Wantrup, S. V. The economics of environmental policy / S. V. Ciriacy-Wantrup // Land Economics. – 1971. – Vol. 47, Nr 1. – P. 36–40.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 27.10.2020

УДК 321

Владислава Николаевна Семенова*канд. филос. наук, доц., зав. каф. философии
и методологии университетского образования
Республиканского института высшей школы***Vladislava Semenova***Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor,
Head of the Department of Philosophy and Methodology of University Education
of National Institute for Higher Education
e-mail: vl.semenova@gmail.com***ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО В ЭПОХУ ПЕРЕХОДА
ОТ ПОЗДНЕГО МОДЕРНА К ПОСТМОДЕРНУ**

Выявляется специфика теоретической рефлексии политического в традиции, модерне и постмодерне. Осуществляется анализ особенностей политического в эпоху перехода от позднего модерна к постмодерну на рубеже XX–XXI вв. Дается характеристика таких черт политического, как ризоматичность, фрагментарность, анонимность, символичность, медиатизация. Делается вывод о доминировании данных особенностей в политической сфере начала XXI в.

Transformation of the Political in the Era of Transition from Late Modernity to Postmodernity

The author examines the differences in theoretical reflection of the political in traditional society, modernity and postmodernity. Much attention is given to the features of the political in the era of transition from late modernity to postmodernity at the turn of the XX–XXI centuries. It is spoken in detail about such features of the political as rhizomaticity, fragmentation, anonymity, symbolism, mediatization. The conclusion is made that these features are predominant in the political sphere at the beginning of the XXI century.

Введение

Происходящая на протяжении последних десятилетий смена парадигмальных оснований (переход от позднего модерна к постмодерну) затрагивает все сферы, включая политическую, и приводит к структурным, функциональным и содержательным трансформациям последней.

Цель статьи – анализ сущностных трансформаций сферы политического в эпоху перехода от позднего модерна к постмодерну на рубеже XX–XXI вв. Достижение поставленной цели осуществляется посредством решения следующих задач:

1) рассмотрение парадигмальных подходов к пониманию политического (традиция, модерн, постмодерн);

2) выявление специфики методологических подходов к анализу политического на рубеже XX–XXI вв.;

3) анализ особенностей политического в эпоху перехода от позднего модерна к постмодерну;

4) характеристика таких черт политического, как ризоматичность, фрагментарность, анонимность, символичность, медиатизация политического.

Обращаясь к хронологическим рамкам современности (Модерна), исследователи (Э. Гидденс, Ю. Хабермас, Ф. Джеймисон, З. Бауман, У. Бек, А. Дугин и др.) отдельно выделяют последний этап – «поздний модерн» («интенсивный модерн» у А. Дугина, «радикальный (рефлексивный) модерн» у Э. Гидденса), раскрывающий свои принципиальные черты и особенности во второй половине XX в. Однако с учетом происходящих на рубеже XX–XXI вв. радикальных изменений во всех общественных сферах, можно сказать, что западная цивилизация находится на этапе «позднего позднего модерна» и фактического парадигмального перехода к новой эпохе постмодерна, когда все «вечные» вопросы снова актуализировались и заострились. Одним из основных на рубеже XX–XXI вв. снова становится вопрос о сущности политического. Остается ли политическое в эпоху постмодерна все той же сферой, «в которой создаются условия для совместной жизни индивидов, основы человеческого общежития», [1, с. 17] или сущность политического радикально меняется?

В политической теории и практике начала XXI в. политическое рассматривается исходя из различных парадигмальных подходов (традиционного, модерна и постмодерна) и является результатом сложного переплетения (скорее, хитросплетения) различных политических логик: «Логика традиционного общества с естественными иерархиями, логика Модерна с его стремлением к политическим стандартам универсализации и технократизации, наконец, логика постсовременности с акцентированным вниманием к Различию и Иному» [1, с. 17].

Существуют отличия в понимании политического в традиционном обществе и модерне. В традиции политическое тесно взаимосвязано с иными общественными сферами и подчинено метафизическим и религиозным принципам. Одновременно политическое есть сфера актуализации совместных человеческих усилий, а также реализация человеческой природы как микрокосмоса («человек есть политическое животное»).

Переходной фигурой от традиционного понимания политического как обусловленного метафизическими и религиозными факторами к эмансипации политического в модерне по праву считается Н. Макиавелли, основатель новоевропейской политической науки. В работе Макиавелли «Государь» (1532), отмечает российский исследователь Т. А. Алексеева, «произошло расхождение двух традиций познания политического – на нормативную и технологическую, означавшие своеобразный переворот в восприятии социального и политического порядка» (курсив наш. – В. С.) [2, с. 29]. В модерне происходит автономизация политического от иных сфер общественной жизни, оно оформляется в самостоятельную сферу, функционирующую по своим собственным законам: «Постепенно кристаллизуется понятие государственных интересов как управления государством по свойственным ему рациональным законам, которые не выводятся только из естественных и божественных законов, философских и моральных идеалов, а проистекают из особой реальности самого государства» [2, с. 30]. Политическое модерна встраивается в общую сциентистскую канву классической рациональности, соответствуя критериям рациональности и подчиняясь законам логики.

Однако и традиция, и модерн рассматривают политику телеологически, как сферу реализации космических/божественных или общественных/государственных интересов. М. М. Федорова в работе «Философия и политика» точно подмечает специфику именно политического: «Политика – это практика в узком смысле этого слова, но никак не техника, т. е. способы применения имеющихся знаний к чему бы то ни было. Она соотносима именно с общим действием (praxis), подготовлена диалогом (lexis), в ходе которого граждане, собравшиеся в публичном месте (agora), обсуждали общие дела полиса. Тем самым политика мыслилась не по модели техники (techné), интересующейся только выбором средств для достижения конкретной цели» [1, с. 19].

Постмодернистская парадигма нацеливает исследователя, политика и обывателя на технологическое понимание политики. А маркетизация политических процессов, отмечает российский политолог О. М. Михайленок, «усиливает влияние рыночной среды на формирование гуманитарных и демократических ценностей, предполагает коммерциализацию общественных услуг, проникновение рынка в социальную жизнь, маркетизацию политического участия» [3, с. 113], что, на наш взгляд, не способствует достижению неких совместных общественных ценностей и идеалов, а предполагает конкуренцию социальных групп и политических элит, борьбу за власть и отстаивание привилегированного status quo.

Последняя треть XX – начало XXI в. демонстрируют целый спектр различных методологических подходов к пониманию политического, которые можно объединить в три группы.

Первый подход («узкое» либеральное понимание политического) рассматривает политическую сферу в ряду иных равноценных ей общественных сфер (экономической, духовной, социальной). Примат экономики в либеральных теориях фактически минимизирует политическое: политика здесь всегда является отражением экономики и, по существу, не имеет самостоятельного значения. Например, менеджизм пытается свести политику к управленческим теориям и моделям, где политик предстает в роли профессионального топ-менеджера, которому в принципе безразлично, чем уп-

рвать: государством или крупной корпорацией. Так сфера политического теряет свою уникальность и специфичность, превращаясь в подобие экономических и/или управленческих структур. Политическое рассматривается как особый рынок, а результатом применения модели «покупатель-продавец» становится рациональный выбор (по аналогии с рыночным обменом), построенный на взаимной выгоде покупателя – избирателя и продавца-политика.

При «узком» подходе политическое как общественное имеет тенденцию сокращаться и выхолащиваться. В «текучей современности» (З. Бауман) не частное подавляется и поглощается общественным, как кажется на первый взгляд, а, наоборот, общественное вытесняется частным. Социолог З. Бауман, характеризуя интерес, который проявляют обычные люди к политическим и общественным лидерам, общественным проблемам, обсуждаемым на различных общественно-политических talk-show, справедливо отмечает, что «“общественное” колонизировано “частным”; “общественный интерес” уменьшился до любопытства к частной жизни общественных деятелей... “Общественные проблемы”, которые сопротивляются таким изменениям, становятся почти непостижимыми» [4, с. 45]. Политическое как общественное исчезает за лавиной номиналистических частных историй, биографий и сторис в соцсетях.

Критикуя такой либеральный подход, лидер французских «новых правых» Ален де Бенуа отмечает: «То, что называют политическим либерализмом, на самом деле является способом применения к политической жизни принципов, выведенных из этой экономической доктрины. Парадоксально, но именно эта доктрина стремится ограничить, насколько это возможно, политическое пространство» [5, с. 19].

Второй подход («широкий»): «все есть политика». «Широкий» подход, будучи наследником консервативного вектора, гиперболизирует политическое, распространяя его на все сферы: «политика тотальна». В таком предельном расширении присутствует все та же опасность «размывания» и исчезновения политического. Если политическим является практически все: мода, культура питания, гендер, этнос, раса и т. п., – то это приводит к исчезновению политиче-

ского (если нет ничего неполитического, то исчезает само «видовое» отличие политического; если «все есть политическое», то одновременно и «ничто не суть неполитическое»). Одновременно тотальность политического (оборотной стороной которого становится идеологизация политики) является фундаментальным основанием для реабилитации шмиттовского метафизического разделения на «друга» и «врага».

Спектр «широкого» понимания политического связан с традиционным философским осмыслением политического в контексте выявления метафизической (а не политической) сущности политического как пространства, необходимого для актуализации и реализации человеческой природы («человек есть политическое животное»), где одновременно суть и структура политического являются отображением космического или божественного порядка.

Понимание политического в начале XXI в. представляет собой раскачивание маятника от традиционалистского «общего дела» до «либеральной политики» как рынка, где в принципе отсутствует общий интерес и все социальные группы преследуют свои корпоративные интересы, а их представители – только личные интересы. При «узком» подходе метафизическое в политическом отсутствует, само же политическое превращается в политику (real politics) как борьбу различных социальных групп за право быть легитимными [1, с. 24–25], которые используют новейшие технологии манипуляции общественным мнением, информационно-коммуникативные, политические и избирательные технологии для реализации поставленных целей.

С середины XX в. прослеживается еще одна отчетливая тенденция формирования *постполитической парадигмы*, которая, по словам российского автора Д. М. Шевчука, «нивелирует возможность проявления смыслов политического, причину чего можем усматривать в доминировании в политической сфере маркетинговых технологий, механизмов государственного управления и под. (термином «постполитика» описывают ситуацию в США при президентстве Барака Обамы, во Франции – при президентстве Николя Саркози, в Италии – при премьерстве Сильвио Берлускони и др.)» [6, с. 122].

Данные колебания в понимании политического приводят к необходимости «повторения» вопроса о политическом (в хайдеггеровском смысле *Wiederholung*) с учетом всей предшествующей традиции. Рефлексия над его основаниями в эпоху перехода от позднего модерна к постмодерну репрезентирует фрагментарное, децентрализованное, десакрализованное и диффузное политическое.

Можно говорить о радикальной трансформации «нормального политического поля», постепенном уходе политического из традиционного поля парламентских дебатов и государственных структур, чья деятельность в лучшем случае превращается в управленческую. Как точно заметил З. Бауман в работе «Текущая современность» (1999), «что касается власти, она уплывает с улиц и площадей, из актовых залов и парламентов, местных и общенациональных правительств в недостижимую для контроля граждан экстерриториальность электронных сетей» [4, с. 48].

Как в эпоху Возрождения философия ушла из схоластических университетов, так и сегодня политическое «утекает» из штаб-квартир политических партий и государственных структур. Российский исследователь И. А. Ерохов отмечает, что «политика начинается там, где появляются субъекты, которые выходят из тени приватной жизни в публичное пространство отношений, беря на себя ответственность, в качестве «авторов» событий» [7, с. 9]. Политические события на рубеже XX–XXI вв. демонстрируют появление и оформление новых субъектов политики, не только лидеров политических партий, но лидеров и активистов общественных движений (от А. Навального до Греты Тунберг), лидеров мнений, блогеров и создателей телеграм-каналов.

Сегодня политическое присутствует в жизни человека вкраплениями, возникая как бы «из ниоткуда» (например, феномен «твиттерных революций» или политического арт-активизма) и так же незаметно растворяясь и исчезая (превращаясь из политического в социально-экономическое, культурно-идеологическое или даже расовое противостояние). В эпоху перехода от позднего модерна к постмодерну политическое осваивает новые социальные и культурные пространства и захватывает новые социаль-

ные группы (различные меньшинства; демографические группы, не только студенчество, но и школьников, примером чему может служить «революция пингинов» в 2006 г. в Чили). Политическое утвердилось в моде, жизненном стиле, кинематографе, полностью освоилось в интернет-пространстве, создав новый формат политической деятельности в социальных сетях, мессенджерах, блогосфере.

Особенностями политического в эпоху перехода от позднего модерна к постмодерну в конце XX – первой трети XXI вв. становятся следующие характеристики: децентрализация, фрагментарный характер, ризоматичность, анонимность, символический характер, гиперреальность, медиатизация.

1. Децентрализация и фрагментарные анклавы постдемократического политического. В эпоху кризиса представительской демократии важнейшие политические институты XIX–XX вв. перестают выполнять свои традиционные функции. Исследователи политического в эпоху постмодерна отмечают его децентрализацию (выход из-под тотального контроля государства) и, как следствие, усиление центробежности, хаотичности, дискретности характера политических идей, институтов и действий. Российский политолог Ю. В. Ирхин полагает, что «постмодернистский проект связан с серьезной трансформацией социальных институтов в современных условиях. Ослабление централизации, иерархии и дисциплины меняет образ социальной и политической власти, коммуникации. Общество фрагментируется, начинает походить на мозаику, образованную малыми группами. Общественная организация дрейфует в сторону доминирования сетевых структур. Власть и политическая коммуникация приобретают значительную подвижность, гибкость, изменчивость. В массовом сознании укрепляется идея амбивалентности власти: власть может служить источником как порядка и стабильности, так и хаоса и неустойчивости» [8, с. 17–18].

Децентрализация политического проявляется в следующем.

Во-первых, острее социально-политической критики второй половины XX – начала XXI вв. как со стороны левых, так и со стороны правых обрушивается на идею современного демократического государст-

ва. Общим местом стали обвинения в превращении современного государства в бездушный институт, более не ставящий целью достижение «общего блага» (*res publica*).

Левые традиционно рассматривают государство как отчуждающую и порабащивающую человека Систему, обвиняют государство в создании и поддержании тоталитарных форм контроля над обществом и человеком. Традиционалисты и неоконсерваторы, в свою очередь, обвиняют современные западные государства в нарушении естественной иерархии и заигрывании с охлосом.

Во-вторых, в подобном кризисе сегодня находится сама западная представительная демократия, которую все чаще и политические мыслители, и политики, и электорат воспринимают в качестве формального институционального состояния, а не как «процесс взаимодействия людей в публичном пространстве, в котором феноменизируется субъектность, а значит, по большому счету, происходит самообнаружение людьми самих себя» [7, с. 13].

Формальное расширение гражданских и избирательных прав в реальности приводит к снижению «качества» демократичности и даже самой политичности. Широкое распространение институтов гражданского общества, многопартийности, выборов и принципа разделения властей не означает расширение свободы. Как раз наоборот, «расширение» демократии, скорее, является показателем нелегитимности демократии (У. Липман). Выхолащиваются социальные и политические институты современной демократии, что также позволяет вести речь о институциональном кризисе и кризисе нормативности современной политики. Теряют популярность, вынуждены менять организационный формат и осуществлять ребрендинг массовые политические партии. Но даже несмотря на это, не только их идейные платформы, но сам способ их существования и деятельности оказывается все более неэффективным и невостребованным. Место массовых политических партий, представляющих интересы больших социальных групп, занимают даже не кадровые, а картельные и персоналистские партии, выражающие интересы замкнутых олигархических элит. Их отчужденность от населения и больших социальных групп стремительно нарастает. Как справедливо

замечает российский политолог И. А. Ерохов, «политика стала зданием, заселенным политиками» [7, с. 16]. Приватизация политической сферы приводит к стремительной потере легитимности и росту апатии среди большинства населения: «В этом и есть суть кризиса нормативности – монументальный разлом между политикой и разнонаправленными векторами становления культуры» [7, с. 16]. Эта идея стала общим местом в современной политической критике – современная политика перестала быть по-настоящему политикой.

Реакцией на данные процессы становится всеобщее «расколдовывание» (М. Вебер, Р. Генон) сферы политического, новый виток ее дегуманизации и, одновременно, широкая десакрализация и профанизация политики. Фактическая маркетизация политической сферы при одновременном сохранении декораций метанарративности Просвещения вынуждает новых политических субъектов создавать свои правила игры, поскольку на «чужом поле» реальных возможностей реализовать свои социально-политические интересы у них практически нет.

Начав с политической сатиры на номенклатурные политические партии (в 1990-е гг. на постсоветском пространстве), в 2000-х гг. место «петрушечных» парипартий (например, «Субтропической России» или «Партии любителей пива») занимают новые социальные движения, имеющие сетевую структуру и оказавшиеся способными сплотить вокруг себя различные социальные группы (молодежь, левых интеллектуалов, либеральную интеллигенцию, мигрантов и проч.).

2. Ризоматичность политического. Следствием исчезновения метанарративности модерна и десакрализации («расколдовывания») политического становится критика политической иерархии, различных форм тоталитаризма и авторитаризма, структурности и линейности политических процессов. Ризоматичность политического означает, что сегодня власть не принадлежит какому-то отдельному индивиду или группе лиц. Согласно М. Фуко и Ж. Бодрийяру, власть теряет свою субъектность и субстанциональность, деперсонализируется, рассеивается между различными структурами современного общества. Она все чаще реально представлена не только и не столько госу-

дарственными органами и другими традиционными политическими силами (например, политическими партиями), а новыми социальными движениями, уличными протестными выступлениями различных социальных групп (например, широкомасштабные протестные выступления в США в июне 2020 г. движения «Black Lives Matter» под лозунгами против расизма и полицейского произвола, вылившиеся в погромы, агрессию и насилие против белых американцев, полиции и властных структур в целом). Одновременно политическое теряет свою традиционную укорененность, прежде всего в государственной власти. Начало XXI в. изобилует примерами, как традиционные субъекты политики теряют политическую власть, а последняя уверенно закрепляется в «уличной» политике (движения антиглобалистов, «желтых жилетов», «Black Lives Matter», акции протеста экологических активистов в 2019 г. и проч.).

Это не означает полной дезорганизации политического, скорее, его реструктурирование; не отказ от иерархии, а создание иной иерархии, фактически перевернутой (по принципу «позитивной дискриминации», которая является «обратной дискриминацией»). Новые социальные движения антиглобалистов, антифа, радикальных экологов, феминисток и др. так же, как традиционные политические партии и общественные движения, имеют своих лидеров, сеть активистов, организационную структуру, т. е. иерархично выстроены. Не бывает организаций без структур упорядоченности. Однако стратегия и тактика деятельности новых движений существенным образом отличаются от традиционных.

Ризоматичность политического нацелена на уничтожение оснований укорененности и однонаправленности власти. Разрушение традиционной иерархии означает одновременно и обратимость власти, о чем свидетельствует не только выборность и сменяемость демократических политических институтов, но и очень внимательное отношение к институту выборов граждан (избирателей). Сменяемость означает, что принципиального различия между руководителем и подчиненным не существует. Сегодня у власти одни социальные группы, завтра – другие. В эпоху постмодерна власть оказывается невозможно присвоить,

во всяком случае, присвоить (в историческом масштабе) надолго. Релятивность власти не столько опустошает ее, превращая в некий симулятивный объект, сколько вскрывает новые атрибуты власти эпохи постмодерна, делающие ее, по сравнению с традиционным пониманием, гораздо сильнее и, соответственно, опаснее: ее расфокусированность, энтропийный характер, символичность, иллюзорность и потому трудноуловимость. Политическое более не шествует победоносно и не марширует на плацу, а ходит окольными путями. Такими «окольными» путями сегодня становится улица и инфосфера, где политическая власть на исчезает, а распадается на отдельные фрагменты и рассеивается.

Интернет как новый канал коммуникации способствует маргинализации политического. Технологическая революция 1970-х гг. – начала XXI в., породившая лавинообразный поток технологических инноваций, оказала существенное влияние на трансформации политического. Р. Дебре справедливо отмечает, что «инновации являются сразу и случайными в том, что касается их возникновения, и принудительными по своим импликациям. Неразумные, беспричинные и безжалостные, случайные и неумолимые... Они наводняют общества и устраивают в государствах короткие замыкания, а, стало быть, делегитимируют государства. Вероятно, эти последние из всех сил стараются подбодрять себя, перераспределять кредиты, контролировать чрезмерности. Но технически оптимальное постепенно опережает социально легитимное» [курсив наш. – В. С.] [9, с. 331]. Технически оптимальное оказывается эффективным и востребованным. В последнее десятилетие социальные медиа целенаправленно, методично и стремительно вытесняют из сферы политического традиционные медиа (печатную прессу, радио, телевидение). Политика все чаще сегодня делается в Facebook'e и Twitter'e. Усиливающаяся тенденция нескольких последних лет демонстрирует смещение акцентов социальной и политической активности с соцсетей (ВКонтакте, Facebook) на мессенджеры (Telegram) и видеохостинги (YouTube, Tik Tok). Как следствие, «цветные революции» как попытки смены политических режимов осуществляются через социальные сети,

превращаясь в «твиттерные революции» и РЧСС («революции через социальные сети»).

3. *Анонимность политического* проявляется в получивших широкое распространение бюрократических кафкианских «процессах» и одиссеях в духе кафкианского «Замка». Исчезает фокус власти, происходит децентрализация власти. Традиционные «центры принятия политических решений», описанные в учебниках политологии, все чаще оказываются дезориентированы и даже бессильны как при принятии важных политических решений, так и при необходимости нести за эти решения всю полноту ответственности. Примерами здесь могут служить беспорядки в США и странах Западной Европы весной – летом 2020 г., изначально связанные с выступлениями против полицейского произвола, а затем переросшие в организованные погромы против обычных граждан. Показательны в этом отношении действия государственных органов ряда американских штатов (в частности, в штатах Миннесота и Вашингтон), которые сначала оказались в растерянности и нерешительности, а затем не только не приняли решительных мер по защите прав и свобод граждан, но, напротив, потворствовали и даже пошли на «соглашательство» с движением Black Lives Matter, которое за последние полгода превратилось в серьезную политическую силу. Как метко заметил французский социолог П. Бурдьё, «невозможно знать, кто субъект окончательного решения... Место решения – везде и нигде (в противоположность иллюзии о «решателе», лежащей в основе многих частных исследований о власти)» [10, с. 164].

Политическое постмодерна оказывается не Произведением, а самостоятельным Текстом (Р. Барт), независимым от первоначальных интенций политических акторов – «авторов». Политические решения, действия и события все чаще получают далекое от первоначальных импульсов и непредсказуемое развитие. Кто из политических акторов принимает на себя или несет за это ответственность? Ответ все чаще повисает в воздухе, подтверждая анонимизацию политического в эпоху перехода от позднего модерна к постмодерну.

4) *Гиперреальность символического политического*. Постмодерн – эпоха симулякров и приобретающей тотальный харак-

тер симуляции. Виртуализация реальности усиливает данные процессы. Для молодого поколения (так называемых зумеров) эпицентр смысложизненных ориентаций все более переносится в мир социальных сетей, мессенджеров и сетевого мифотворчества. В политической сфере широкое применение технологий создания, внедрения и продвижения фейковых новостей/событий усиливает процессы замены реальности гиперреальностью, подменяя реальные события, вещи и процессы симуляциями. Множатся симуляции как в виртуальной, так и в объективной реальности, приводя к исчезновению чувства реальности и невозможности определить, что реально, а что нет.

Место политической реальности модерна все более занимает виртуальная гиперреальность постмодерна, а само политическое все более приобретает символический характер в виде, например, все большей информации и все меньшей осмысленности. Симулякры распространяются лавинообразно, захватывая все новые сегменты политического: государственная бюрократия, политические партии и общественные объединения, деятельность парламентских групп, политические лидеры. В постмодерне начинают доминировать институты, названные У. Бекком «учреждениями-зомби», которые «мертвы и все еще живы». Мертвы они сущностно и функционально, хотя формально продолжают существовать, являя собой прекрасный пример реликтового изучения.

В разрастающейся гиперреальности реальность сокращается, поглощается и полностью исчезает. Все традиционные точки отсчета, имевшие когда-то онтологический статус (истина, реальность, фактичность), теряют его и становятся явлениями символического порядка.

5. *Медиатизация политического. Политическое как медиадискурс*. Политическое сегодня всегда есть медиаполитическое. Перефразируя расхожую фразу «если вас нет в фейсбуке, вас нет вообще», сформулируем следующую закономерность: политическое событие становится таковым, только если оно представлено в СМИ; посредством СМИ любое неполитическое событие может стать политическим. Посредством СМИ политическое событие получает «путевку» в короткое событийно-информационное существование и всегда опреде-

ленную ідеалагічную інтэрпрэтацыю. В поўнай меры можна гаворыць аб медыятызацыі палітычнага і палітычнай улады ў частнасці. Як заўважыў Балзак, «не ішчыце ўладу ў дварцы Тюільры... Яна пераехала да журналістаў». Аднак сёння традыцыйныя СМІ (печата, радыё, тэлевідыне) перасталі быць эфектыўнымі каналамі камунікацыі, губляючы аўдыторыю праміма на вачах. Дзяржава, умяшчаючыся ў дзейнасць традыцыйных СМІ ў рамках дзяржаўнай інфармацыйнай палітыкі, часцей за ўсё выступае ў якасці неспасобнага канкурента з электроннымі медыя (сацыяльнымі сеткамі, месенджарамі, відэахостынгамі) ні па аб'ёме прадастаўляемага зместу, ні па скорасці перадачы і распаўсюду інфармацыі, ні па разнастайнасці прапанаваных інтэрпрэтацый, ні па эфектыўнасці ўздзеяння на агульнае меранне, ні па функцыянаванні механізмаў зваротнага сувязі з спажывачамі. Сучасныя цяжэлавесныя і рыгідныя дзяржавы губляюць уладныя рычагі ў тым ліку і па прычыне сваёй негнучасці і тэхналагічнага адставання ў інфармацыйна-камунікацыйнай сфера.

У гэтым сэнсе сацыяльныя медыя і інтэрнет-камунікацыі ў цэлым – гэта не толькі сімвал тэхнічнага і тэхналагічнага прагрэсу, але і велікі патэнцыял для новых форм злучэння: «эфект непасрэднасці кожны раз павялічваецца, і гэта ключ да зручнасці і да тэхнічнаму прагрэсу» [9, с. 251]. Рэвалюцыя ў сфера камунікацыі заключаецца ў «новым спосабе апісання свету і распавядання гісторыі, згодна з тэрнарнай (уключаючы медыум), а

ужы не бинарнай, логіцы» [9, с. 266–267]. Вспамінаючы вядомы тэзіс Маклюэна «The medium is the message», Дабрэ бачыць у з'яўленні і шырокім распаўсюду новых каналаў камунікацыі «пераварот у логістычнай сетцы вытворчасці/закладавання/цыркуляцыі знакаў. Існуе ў выглядзе зручэння зручэнняў злучэння, інтэрфейсаў, служачых носьбітамі новых рытуалаў і ўпражненняў і функцыянуючых як вытворцы агульнага мерання» [9, с. 270]. Новыя каналы і тэхналогіі камунікацыі, новая логістыка цыркуляцыі інфармацыі і сэнсаў завойваюць сферу палітычнага, адначасова прадстаўляючы новыя выклікі і пагрозы для агульнай бяспекі, эфектыўныя адказы на якія яшчэ трэба вырабіць.

Заклученне

На рубяжы ХХ–ХХІ вв. ў сфера палітычнага з'яўляюцца сутнасныя змяненні. Даныя змяненні маюць аб'ектыўны і глыбінны характар, яны адпавядаюць агульнаму кантэксту сацыяльна-гісторычных і духоўных трансфармацый, з'яўляюцца на этапе змены парадыгмаў. Яны звязаны з трансфармацыяй разумення самога палітычнага, паступова губляючага рымантычнага ореала «агульнага справы»; паніжэннем разумення палітычнага як прасторы сутыкнення інтарэсаў розных сацыяльных груп; пашырэннем і ўзмацненнем з'яўленняў такіх рыт палітычнага ў эпоху пераходу ад позднага мадэрна да постмадэрна, як рызматычнасць, фрагментарнасць, анонімнасць, сімвалічнасць, медыятызацыя палітычнага.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федорова, М. М. Філасофія і палітыка / М. М. Федорова // Філас. журн. – 2012. – № 2. – С. 17–26.
2. Алексеева, Т. А. Сучасная палітычная думка (ХХ–ХХІ вв.). Палітычная тэорыя і міжнародныя адносіны / Т. А. Алексеева. – 2-е изд., испр. і доп. – М. : Аспект Прэс, 2018. – 623 с.
3. Михайленок, О. М. Маркетызаванне палітычнага як адаптацыя да змяняючыхся сацыяльна-палітычным адносінам / О. М. Михайленок // Расія рэфармуемая : сб. на-уч. ст. – М. : Новы хронграф, 2016. – Вып. 14. – С. 113–132.
3. Бауман, З. Тэкучая сучаснасць : пер. з англ. / З. Бауман ; пад ред. Ю. В. Асочакова. – СПб. : Пітэр, 2008. – 240 с.
4. Бенуа, А. де. Протів лібералізма: к Чвёртай палітычнай тэорыі / А. де Бенуа ; пер. з фр., прадисл. А. Дугіна. – СПб. : Амфора, 2009. – 476 с.

5. Шевчук, Д. М. Философское понимание политики и современная (пост-) политическая ситуация / Д. М. Шевчук // Вестн. Томс. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. – 2014. – № 2 (26). – С. 122–129.
6. Ерохов, И. А. Современные политические теории: кризис нормативности / И. А. Ерохов ; науч. ред. И. К. Пантин. – М. : Праксис, 2008. – 242 с.
7. Ирхин, Ю. В. Постмодернистская методология анализа и проектирования политики / Ю. В. Ирхин // Вестн. Рос. гос. гуманитар. ун-та. Сер. Политология. История. Междунар. отношения. – 2014. – № 1 (123). – С. 13–25.
8. Дебре, Р. Введение в медиологию / Р. Дебре ; пер. с фр. Б. М. Скуратова. – М. : Праксис, 2010. – 368 с.
9. Бурдьё, П. Начала / П. Бурдьё ; пер. Н. А. Шматко. – М. : Socio-Logos, 1994. – 288 с.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 09.11.2020

САЦЫЯЛОГІЯ

УДК 316.422.4

Наталья Леонидовна Балич

канд. социол. наук, зав. отделом региональной социологии
Института социологии Национальной академии наук Беларуси

Natalia Balich

Candidate of Sociological Sciences, the Head of the Department of Regional Sociology
of the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus

e-mail: n.balich@mail.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ МОДЕРНИЗАЦИИ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА БЕЛАРУСИ

Рассматривается понятие агропромышленного комплекса, обосновано изучение модернизации АПК в социологической науке. Рассмотрены государственные программы поддержки модернизации АПК, выделены научные подходы к ее изучению (целевой, типологический, воспроизводственный, системный). Обосновано преимущество системного подхода, объединяющего различные теории и концепции аграрной социологии, социологии села, экономической социологии, региональной социологии, а также экономической теории, что позволяет комплексно исследовать различные аспекты модернизации аграрной сферы Беларуси. В структуре АПК выделены взаимосвязанные организационные структуры: сельское хозяйство (производство продовольствия и сельскохозяйственного сырья); отрасли-посредники между производителем сельскохозяйственной продукции и потребителем (перерабатывающая, заготовительная, транспортная, торговая и др.); отрасли и производства, изготавливающие средства и предметы труда для всех сфер АПК (производство и ремонт всех видов сельскохозяйственной техники и др.). В отдельную сферу АПК отнесена социальная инфраструктура, обеспечивающая жизнедеятельность и быт населения региона, создание условий для удовлетворения социальных, культурных, духовных потребностей населения.

Methodological Approaches to Studying Modernization of Agro-Industrial Complex of Belarus

The article discusses the concept of the agro-industrial complex and the study of the modernization of the agro-industrial complex in sociological science. State programs to support the modernization of the agro-industrial complex are considered, scientific approaches to its study (objective, typological, reproductive, systemic) are highlighted. The advantage of the systematic approach that combines various theories and concepts of agrarian sociology, rural sociology, economic sociology, regional sociology and economic theory has been substantiated, which makes possible to comprehensively study various aspects of the modernization of the agricultural sector in Belarus. In the structure of the agro-industrial complex, independent organizational structures are distinguished: agriculture; branches-intermediaries between a producer of agricultural products and a consumer; branches and industries that manufacture tools and objects of labor for all spheres of the agro-industrial complex. A separate sphere of the agro-industrial complex includes the social infrastructure, which ensures the vital activity and life of the population of the region, the creation of conditions for meeting the social, cultural, and spiritual needs of the population. It is emphasized that regional agro-industrial complexes have their own distinctive features.

Введение

Обоснованность и успешность любого научного исследования зависит от поставленной цели, решения задач, корректности применяемых подходов и методов. Исследование модернизации аграрной сферы в социологической науке опирается на теоретические и практические разработки в рамках экономической социологии, аграрной социологии, социологии села, региональной социологии. Современный этап социально-

экономического развития Республики Беларусь требует также учета реалий рыночной экономики.

Агропромышленный комплекс (АПК) Республики Беларусь – крупнейший межотраслевой комплекс и сложная система, объединяющая различные отрасли народного хозяйства: сельское хозяйство, обслуживание производства сельского хозяйства, отрасли, перерабатывающие продукцию сельского хозяйства, торговля. АПК харак-

теризуется дифференциацией различных видов деятельности, сложностью взаимосвязей всех субъектов народного хозяйства. Не менее важным для повышения результативности каждой отрасли является создание необходимой инфраструктуры. В условиях научно-технического прогресса, необходимости стратегического планирования модернизации АПК, обеспечения продовольственной безопасности республики необходима разработка практико-ориентированных подходов к исследованию модернизации аграрной сферы Беларуси в соответствии с действующим законодательством, запросами и ожиданиями сельского населения республики.

По справедливому утверждению Н. Е. Лихачева, «противоречивость развития современного агросектора, социальная проблематика накопления и использования человеческого капитала села обуславливают необходимость его систематической социологической экспертизы на основе новых методологических ориентиров» [1, с. 34].

Социологическое изучение модернизации АПК направлено на исследование региональной системы АПК страны и исследование внутрирегиональной структуры с целью изучения и решения региональных проблем.

Государственные программы модернизации АПК

Задачи модернизации АПК как части стратегии обеспечения населения продовольствием путем развития конкурентоспособного аграрного производства определены в Доктрине национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 г. [2], Концепции Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 г.» [3]

Среди основных направлений и мер по укреплению национальной продовольственной безопасности – инновационное развитие сельскохозяйственных предприятий и ускорение темпов технологической модернизации, развитие производственного потенциала АПК:

1) инновационное развитие и комплексная модернизация материально-технической базы организаций, осуществляющих деятельность по производству, хранению и

переработке продукции растениеводства и животноводства;

2) внедрение ресурсосберегающих технологий, обеспечивающих сокращение материальных и трудовых затрат, снижение себестоимости, улучшение качества продукции для обеспечения ее конкурентоспособности на внутреннем и внешнем рынках;

3) создание и внедрение новых технологий глубокой и комплексной переработки продовольственного сырья, методов хранения и транспортировки сельскохозяйственной продукции;

4) внедрение инновационных технологий производства, хранения и сбыта продукции, выведение новых высокоурожайных сортов и гибридов, создание высокого генетического потенциала высокопродуктивных, конкурентоспособных пород и групп сельскохозяйственных животных на основе применения новейших методов селекции и разведения;

5) формирование системы заинтересованности в результатах труда занятых в сельском хозяйстве, совершенствование подготовки кадров для АПК, закрепление кадров посредством стимулирования и собственности [2]. «При разработке доктрины учитывались современные тенденции развития национального АПК, благосостояние населения республики, а также влияние мировой продовольственной системы» [4, с. 60].

Особую актуальность приобретает исследование вопроса технической модернизации АПК Беларуси, которая в соответствии с Декретом Президента Республики Беларусь от 23 ноября 2017 г. № 7 «О развитии предпринимательства» определяется как замена (установка нового) технологического оборудования с выполнением сопутствующих работ по устройству несущих оснований под оборудование, прокладке или замене отдельных внутренних инженерных сетей, связанных с функционированием технологического оборудования, устройству перегородок, отделочных и других работ, производимых внутри здания и не затрагивающих несущую способность конструкций» [5, с. 6]. Исследователи указывают на высокую степень открытости белорусской аграрной экономики, и с учетом «вхождения в Таможенный союз (ТС), Единое экономическое пространство (ЕЭП), а в последующем – и в Евразийский экономи-

ческий союз (ЕАЭС) особое внимание в ближайшие годы надлежит уделить развитию внешнеторговой деятельности АПК» [4, с. 60].

Понятие АПК и подходы к исследованию модернизации АПК

Как научная категория понятие «агропромышленный комплекс» сформировалось относительно недавно – в 1970–80 гг. Формированию АПК способствовали достижения научно-технической революции, агропромышленная интеграция предприятий, обеспечивающая производство и переработку сельскохозяйственного сырья. О. А. Макарова определяла АПК как «сложную многоотраслевую производственно-экономическую систему, содержание которой обуславливается интеграцией сельского хозяйства и связанных с ней отраслей промышленности» [6, с. 3].

Успешное развитие АПК во многом зависит от модернизации, которая нередко рассматривается как необходимое условие устойчивого социально-экономического развития регионов. Исследователи видят в модернизации перспективы импортозамещения по ряду важнейших направлений сельхозпроизводства [7], основу формирования высокотехнологичных ресурсов, эффективное вовлечение в хозяйственный оборот современных разработок. Это требует комплексного развития производственного потенциала, структурной и технологической модернизации экономики, обеспечивающих продовольственную безопасность Республики Беларусь. Академик РАСХН Г. В. Беспалотный обращает внимание на инновационную составляющую модернизации – технологии, определяющие научно-технический прогресс и конкурентность отечественного агропромышленного производства: «Современная модернизация – это не просто замена выбывшей из строя техники, оборудования на новое, но – на качественно новое» [8, с. 7].

В исследованиях по агроэкономическим проблемам выделяют различные подходы к исследованию модернизации, среди которых проанализируем *целевой, типологический, воспроизводственный, системный* и др.

Целевой подход применяется для анализа социально-экономической системы АПК: изучения ее структуры, факторов и

проблем развития с целью разработки предложений по планированию и управлению системой АПК. Целевой подход рассматривают как составную часть системно-структурного анализа. Академик РАН А. И. Костяев сущность целевого подхода в региональных агроэкономических исследованиях сводит к определению целей функционирования и взаимодействия систем разного иерархического уровня, а также в анализе рациональности системы [9].

В контексте региональных исследований АПК целевой подход применим к анализу соотношения и взаимодействия областных, районных, отдельных агропромышленных организаций и наиболее применим в агроэкономических исследованиях.

При разработке региональных социальных программ для комплексного решения различных социальных проблем в среднесрочной и долгосрочной перспективе исследователи указывают на целесообразность применения программно-целевого метода, в основе которого лежит проведение социальной диагностики (анализ экономической и социальной статистики) с использованием комплексного инструментария, методов эмпирической социологии. При данном подходе особое внимание уделяется опросам общественного мнения, на основе которых фиксируются не только наиболее значимые проблемы, но и социальные группы, которым следует уделить преимущественное внимание [10].

Типологический подход востребован в исследованиях дифференциации, тенденций и закономерностей в развитии агропромышленного комплекса путем выделения типологических характеристик объектов и их группировки на основе однородных качественных признаков. Данный подход применим в стратегическом управлении агропромышленного комплекса. Так, при стратегическом управлении агропредприятиями молочной специализации АПК исследователи предлагают типологическую группировку с выделением трех групп стратегий управления на основе взаимосвязи адаптационных, конкурентных, базовых стратегий, предусматривающую «переход от «общего» (базовых стратегий) к «частному» (адаптационным стратегиям) [11].

Типологический подход может быть применим в агроэкономических исследова-

ниях на основе обобщения статистических показателей экономического развития АПК, а также при разработке классификации агропромышленных сельскохозяйственных предприятий.

Воспроизводственный подход направлен на проведение региональных агроэкономических исследований с целью выявления воспроизводственной системы региона (экономических интересов и целей субъектов регионального воспроизводства) с учетом экономико-географических особенностей в системе административно-территориальных образований. Впервые идеи воспроизводственного подхода в рамках региональной экономики были выдвинуты российскими учеными АН СССР Р. И. Шнипером, Б. П. Орловым, В. М. Рутгайзером в конце 60-х – начале 70-х гг. XX столетия на основе исследования закономерностей формирования локальных воспроизводственных циклов, планового управления развитием регионов [12], специфики регионального воспроизводства рынков [13].

Вопросы регионального воспроизводства в 80-е г. XX столетия исследовали сотрудники Института экономики АН БССР в контексте совершенствования хозяйственного механизма на региональном уровне, повышения социально-экономической эффективности производства, разработке Комплексной программы НТП Белорусской ССР на 20 лет [14]. На основе исследования производственного потенциала, территориальной организации и развития социальной инфраструктуры региона в 1989 г. М. В. Никитенко опубликовал книгу «Региональные аспекты социалистического воспроизводства» [15].

Важным аспектом воспроизводства является формирование инновационной среды региона. Обеспечение возможностей социально-экономической системы региона современные исследователи рассматривают за счет инвестиционных источников [16].

В настоящее время возрастает роль системного анализа как метода научного познания, на основе которого устанавливаются и анализируются связи и функции между структурными элементами определенной системы.

При рассмотрении агропромышленного комплекса в качестве сложной организационной многоуровневой системы стано-

вится очевидным, что для комплексного анализа и решения практических задач, связанных с модернизацией аграрной сферы, наиболее предпочтительным является *системный подход*. Его преимущество состоит в том, что создается возможность сосуществования различных теорий и концепций аграрной социологии, социологии села, экономической социологии, региональной социологии, а также экономической теории, что позволяет системно исследовать различные аспекты модернизации аграрной сферы, которые не могут быть разрешены в рамках отдельных дисциплин.

Исследователи системного подхода И. В. Блауберг, В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин методологическую задачу в анализе сложного объекта (системы) видят не только в выявлении структурных элементов объекта, но и в анализе взаимоотношений между ними, поскольку сложный объект – это «иерархическое, полиструктурное, многоуровневое образование, изучаемое с разных сторон различными науками» [17, с. 25].

Системный подход получил широкое распространение во второй половине XX в. Одним из первых «общую теорию систем» представил научному сообществу австрийский биолог Л. фон Берталанфи в 1947–50 гг.

С системными идеями связывают общую теорию знаковых систем, обособленные трактовки которой сложились в различных науках (логике, психологии, социологии и др.), в то время как задача семиотики, по мнению И. В. Блауберга, В. Н. Садовского, Э. Г. Юдина, состоит в том, чтобы «синтезировать эти различные подходы».

Среди различных областей современной науки системная направленность исследований присуща кибернетике, бионике, социальным исследованиям, поскольку для всех их характерно решение системных задач. Не менее важной сферой внедрения идей системного подхода, по мнению авторов, является современная техника, технические сооружения [17, с. 12].

Системный подход – методологическая ориентация анализа объекта исследования, выступающего в виде комплекса (системы) в совокупности упорядоченных по уровням подсистем. Каждый элемент системы вносит вклад в реализацию общей целевой функции системы, ориентированной на конечный результат.

Свойствами системы, обеспечивающими взаимодействие ее элементов, являются: целостность – обладание собственной закономерностью развития, целью; организованность – наличие структуры (взаимосвязанных элементов); структурность – упорядоченность элементов системы (набор и расположение элементов); интегративность – свойства, присущие системе в целом, но не свойственные каждому элементу в отдельности; функциональность (содержание) – проявление определенных свойств при взаимодействии с внешней средой.

Структура и функции системы взаимосвязаны. Изменение содержания (функций) неизбежно влечет за собой изменение структуры, и наоборот.

Системный подход позволяет определять методы решения комплексных задач сельских регионов в контексте модернизации аграрной сферы. Региональный агропромышленный комплекс, с одной стороны, представляет собой подсистему АПК Республики Беларусь, а с другой – систему социально-экономического комплекса соответствующего региона.

Важность исследования модернизации АПК с позиции системного подхода заключается еще и в том, чтобы на основе систематизации знаний из различных областей «сделать экономику социальной (человекомерной) и экологически безвредной по сути, а не по форме, а социальную, культурную и экологическую политику – экономически обоснованной». Один из этапов решения данной задачи белорусский исследователь Р. А. Смирнова видит в «систематическом измерении (мониторинге) социально-экономического развития регионов, в котором используются не только социологические методы сбора информации, но и статистические, экономические, экологические и др.» [18, с. 36]. Социально-экономический мониторинг, по мнению автора, может стать инструментом оценки регулирующего воздействия государства на развитие страны.

Структура АПК

В структуре АПК региона выделяют отраслевые, функциональные, территориальные подсистемы. Они состоят из подсистем первого, второго, третьего порядка.

Так, отраслевыми подсистемами первого порядка выступают:

- 1) производство средств и предметов труда для различных отраслей АПК;
- 2) сельскохозяйственное производство;
- 3) перерабатывающая промышленность;
- 4) производственная инфраструктура;
- 5) социальная инфраструктура;
- 6) наука и подготовка кадров.

Например, «подсистема «производство средств производства для молочно-продуктового подкомплекса» состоит из подсистем более низкого уровня: производство оборудования для животноводческих ферм и комплексов, производство оборудования для переработки молока и производства молокопродуктов и другие» [16].

В агропромышленном комплексе функционируют три взаимосвязанные организационные структуры: сельское хозяйство (производство продовольствия и сельскохозяйственного сырья); отрасли-посредники между производителем сельскохозяйственной продукции и потребителем (перерабатывающая, заготовительная, транспортная, торговая и др.); отрасли и производства, изготавливающие средства и предметы труда для всех сфер АПК (производство и ремонт всех видов с/х техники и др.). Рассмотрим каждую структуру более подробно.

1. Сельское хозяйство. Оно объединяет сельскохозяйственные организации, фермерские хозяйства, личные подсобные хозяйства населения. Сельское хозяйство включает в себя две отрасли – растениеводство и животноводство, каждая из которых подразделяется на ряд подотраслей. В зависимости от методологии подхода в сфере сельского хозяйства может выделяться несколько десятков подотраслей. Так, к отрасли растениеводства относятся овощеводство, льноводство, садоводство, зерноводство, кормопроизводство и др.

К отрасли животноводства относятся птицеводство, свиноводство, пушное звероводство, овцеводство, скотоводство, пчеловодство и др.

2. Отрасли-посредники обеспечивают доведение сельскохозяйственной продукции до потребителя как в чистом виде, так и после переработки. В данном процессе задействованы различные виды пищевой промышленности (мясная, рыбная, молочная,

мукомольно-крупяная) и непищевой (комбикормовая, легкая, торговая и др.).

3) Отрасли, осуществляющие производство и ремонт сельскохозяйственной техники, оборудования и иных средств сельскохозяйственного назначения для всех подразделений АПК. К их числу относятся машиностроение для растениеводства, животноводства, пищевой промышленности,

легкой промышленности, микробиологической промышленности, химической промышленности (производство удобрений, средств химизации, защиты растений и т. п.), сельскохозяйственная авиация.

Агропромышленный комплекс каждой области имеет свои отличительные особенности (рисунок).

Рисунок. – Организационная структура агропромышленного комплекса Беларуси

К отдельной сфере АПК следует отнести социальную инфраструктуру, которая обеспечивает жизнедеятельность и быт населения региона – создание условий для удовлетворения социальных, культурных, духовных потребностей населения.

Социальную инфраструктуру можно условно разделить на социально-бытовую и социально-культурную составляющие.

Социально-бытовая инфраструктура направлена на создание надлежащих условий жизни и быта населения. В нее входят: жилищно-коммунальное хозяйство, бытовые услуги, торговля, общественное питание, пассажирский транспорт, связь и т.д.

Социально-культурная инфраструктура способствует формированию физических, духовных, интеллектуальных качеств индивида как экономически активной личности, соответствующей определенным запросам общества. Данная инфраструктура охватывает образование, культуру и искус-

ство, здравоохранение, физическую культуру и спорт, социальное обеспечение и т. д.

Определение путей развития аграрной сферы требует разработки социологических концепций исследования АПК в контексте модернизации, совершенствования методологии и научных разработок, которые будут востребованы на региональном уровне.

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 5 мая 1998 г. «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Республики Беларусь» и в целях повышения экономической эффективности деятельности АПК, конкурентоспособности отечественной сельхозпродукции и формирования рыночных основ хозяйствования в агропромышленном комплексе разработана Государственная программа развития аграрного бизнеса в Республике Беларусь на 2016–2020 гг. [19].

Реализация Государственной программы направлена в том числе на развитие инвестиционной и инновационной активности сельскохозяйственных производителей, формирование центров опережающего регионального развития, что определено в Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 гг., а также в Директиве Президента Республики Беларусь от 4 марта 2019 г. № 6 «О развитии села и повышении эффективности аграрной отрасли». Разумеется, реализация государственных программ не может быть успешной без модернизационных преобразований в агропромышленном комплексе.

Заключение

Получение значимого результата во многом зависит от исходной теоретической позиции исследователя, т. е. от выбранного подхода к решению научной задачи. Преимущество системного подхода в исследованиях агропромышленного комплекса Беларуси заключается в том, что он объединяет различные теории и концепции аграрной социологии, социологии села, экономической социологии, региональной социологии, а также экономической теории, что позволяет комплексно исследовать различные аспекты модернизации аграрной сферы Беларуси.

Сельское хозяйство – отрасль экономики, формирующая рынок сельхозпродукции и продуктов питания. Она обеспечивает продовольственную и экономическую безопасность государства, трудовой и социальный потенциал сельских территорий. По данным Национального статистического

комитета, сельскохозяйственные земли Беларуси занимают 41 % от общей территории республики. *Доля сельскохозяйственного производства в Беларуси составляет около 6–7 % от объема ВВП* [20]. Численность работников, занятых в сельском хозяйстве, составляет более 280 тыс. человек [21], или 8 % от общего количества занятых в экономике страны [20]. Это жители, потенциально участвующие в модернизационных процессах аграрной сферы, которые без них не могут проходить успешно. Данное обстоятельство обосновывает необходимость проведения социологических исследований, выявление основных задач и проблем модернизации АПК.

Разработка научно обоснованных предложений и практических рекомендаций в сфере модернизации АПК Беларуси – необходимый элемент стратегии развития аграрного сектора экономики.

Анализ научной литературы показал, что тема модернизации АПК в контексте проблем и перспектив внедрения новейших технологий в сельском хозяйстве регионов остается малоизученной. Вопрос вовлеченности в модернизационные практики работников сельского хозяйства с учетом специфики регионов, занятости населения в различных отраслях остается открытым, как в части соответствующей объяснительной модели, так и в части эмпирического исследования, что обуславливает проведение социологических исследований, которые внесут вклад в достижение целей устойчивого развития сельских регионов Беларуси, управление системой АПК.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лихачев, Н. Е. Социология белорусского села: вопросы институализации / Н. Е. Лихачев // Социология. – 2011. – № 4. – С. 34–39.
2. Доктрина национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года, утвержденная Постановлением Совета Министров Республики Беларусь 15 дек. 2017 г., № 962 [Электронный ресурс] // Национальной правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 01.11.2019.
3. Концепция Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года [Электронный ресурс] // Национальной правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 01.11.2019.
4. Гусаков, В. Г. Агропромышленный комплекс Беларуси в условиях трансформационной экономики / В. Г. Гусаков, А. П. Шпак // Белорус. экон. журн. – 2018. – № 4. – С. 54–64.
5. О развитии предпринимательства : Декрет Президента Респ. Беларусь, 23 нояб. 2017 г., № 7 // Национальной правовой интернет-портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=12551&p0=Pd170000-7&p1=1>. – Дата доступа: 26.11.2019.

6. Макарова, О. А. Правовое регулирование сельского хозяйства и система советского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / О. А. Макарова. – Л., 1986. – 17 с.
7. Сысоев, А. М. Модернизация агропромышленного комплекса – основа импортозамещения [Электронный ресурс] / А. М. Сысоев // Междунар. акад. аграр. образования. – Режим доступа: <https://maoogus.ru/images/article/modernizaciya.pdf>. – Дата доступа: 17.06.2020.
8. Беспашотный, Г. В. Проблемы модернизации АПК / Г. В. Беспашотный // Экономика сельскохозяйств. и перерабатывающих предприятий. – 2010. – № 7. – С. 7–10.
9. Костяев, А. И. Региональные агроэкономические исследования и разработки. Методология и методы / А. И. Костяев. – Екатеринбург : Урал. ГСХА, 1999. – 280 с.
10. Кравченко, В. М. Программно-целевой подход к управлению социальным развитием региона / В. М. Кравченко, Р. И. Бунеева, Н. С. Правильникова // Вестн. ВГУ. Сер. История, политология, социология. – 2012. – № 1. – С. 36–41.
11. Усова, А. А. Типологическая группировка стратегий управления на агропредприятиях молочной специализации АПК [Электронный ресурс] / А. А. Усова // Управление экон. системами, 2012. – № 1. – С. 32. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologicheskaya-gruppirovka-strategiy-upravleniya-na-agropredpriyatiyah-molochnoy-spetsializatsii-apk/viewer>. – Дата доступа: 01.05.2020.
12. Воспроизводственные проблемы планового управления регионами / под ред. Р. И. Шнипера и А. С. Новоселова. – Новосибирск : ИЭиОПП СО РАН, 1989.
13. Рутгайзер, В. М. Региональные особенности общественного воспроизводства / В. М. Рутгайзер. – М. : Мысль, 1972.
14. Никитенко, П. Г. Академическая экономическая наука Беларуси: история и современность / П. Г. Никитенко, В. Н. Бусько // Белорус. экон. журн. – 2001. – № 1. – С. 130–138.
15. Никитенко, М. В. Региональные аспекты социалистического воспроизводства / М. В. Никитенко. – Минск : Наука и техника, 1989. – С. 78.
16. Чирков, Е. П. Методологические подходы и методы региональных агроэкономических исследований в системе АПК [Электронный ресурс] / Е. П. Чирков // Вестн. ФГОУ ВПО Брянск. ГСХА, 2014. – № 5. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-podhody-i-metody-regionalnyh-agroekonomicheskikh-issle-dovaniy-v-sisteme-apk>. – Дата доступа: 18.06.2020.
17. Блауберг, И. В. Системный подход в современной науке / И. В. Блауберг, В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин // Системный подход: предпосылки, проблемы, трудности. – М. : Знание, 1969. – 48 с.
18. Смирнова, Р. А. Социально-экономический мониторинг как инструмент оценки регулирующего воздействия государства на развитие страны / Р. А. Смирнова // Социол. альм. – 2019. – Вып. 10. – С. 29–37.
19. О Государственной программе развития аграрного бизнеса в Республике Беларусь на 2016–2020 годы и внесении изменений в постановление Совета Министров Республики Беларусь от 16 июня 2014 г. № 585 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mshp.gov.by/programs/a868489390de4373.html>. – Дата доступа: 01.11.2019.
20. Сельское хозяйство занимает около 7 % ВВП Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doingbusiness.by/selskoe-hozyaistvo-zanimaet-okolo-7-vvp-belarusi>. – Дата доступа: 17.07.2020.
21. Сельское хозяйство Республики Беларусь : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск, 2020. – 179 с.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 18.08.2020

УДК 316.3(051)

Святослав Тихонович Кавецкий

*канд. филос. наук, доц., доц. каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина*
Sviatoslav Kavetski

*Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Assistant Professor of the Department of Sociology and Political Science
of Brest State A. S. Pushkin University*
e-mail: kstbrest@mail.ru

СОВРЕМЕННАЯ АНОМИЯ: СТРУКТУРА, УРОВНИ, КАТЕГОРИИ, ИЗМЕРЕНИЕ

Раскрывается эффективная система социологического измерения содержания, сущности, особенностей и закономерностей проявления аномии через призму углубления изучения теории и практики данного феномена в новых независимых государствах с учетом системной трансформации постсоветских стран и развития глобальной нестабильности.

Modern Anomie: Structure, Levels, Categories, Dimension

The article reveals the purpose is to build an efficient system for sociological measurement of the content, essence, specifics and laws that govern the manifestations of anomie as part of in-depth study of the theory and practices associated with this phenomenon in newly-established independent states with account to system-based transformations in post-Soviet states and increasingly high global instability.

Актуальность нового осмысления феномена аномии обуславливается, с одной стороны, тем, что она имеет глубокие гносеологические корни, а с другой стороны, тем, что глобализация современного мира, наряду с несомненным прогрессом в области технологий, образования, информационной открытости, обеспечивающих людям более долгую, здоровую и качественную жизнь, привела к возникновению принципиально новых вызовов и угроз для общественной стабильности.

Характерной чертой современных обществ стала перманентная нестабильность и неопределенность, в реальной жизни ведущая к увеличению кризисов, скандалов и провокаций на мировом уровне и в повседневной жизни людей. Изучение проблем аномии сталкивается со многими противоречиями и трудностями, что говорит как о недостаточной изученности проблемы, так и о научной ее актуальности.

Ранее в качестве главного фактора возникновения аномии Э. Дюркгейм усматривал рассогласование традиционных и индустриальных идеалов, не учитывая, что аномия предрасположена к «мутации» и способна качественно изменяться с усложнением общества. Р. Мертон мыслил аномию как следствие дисфункциональности

институтов общества, в результате чего возникают противоречия между культурными целями, ориентирующими людей на успех, и институциональными средствами.

Дальнейшее развитие аномии произошло в XX – начале XXI в. Различные аспекты феномена аномии были выявлены в трудах представителей западной социологической мысли (Т. Парсонса, Р. Дарендорфа, Ю. Хабермаса, Л. Сроула и др.). В новейшее время ученые пошли по пути анализа интерференции аномии на другие социальные и культурные реалии (Р. Аслам, Э. Ингдал, И. Карлехеден, Д. Говард-Вагнер и др.), о чем свидетельствуют материалы XVII (Гетеборг, 2010 г.), XVIII (Июкогама, 2014 г.) и XIX (Торонто, 2018 г.) Всемирных социологических конгрессов.

Аномические процессы характерны и для постсоциалистических стран Восточной Европы. Так, Президент Международной социологической ассоциации в 2002–2006 гг. П. Штомпка говорит, в частности, «о концепции социальной травмы», позволяющей рассмотреть и описать многие негативные процессы в социуме.

В советский период общественные науки в целом не демонстрировали заметного интереса к проблемам аномии. Деструктивные поведенческие проявления рас-

сматривались в основном как субъективные категории, связанные с девиацией и аморализмом. Как правило, авторы, редко используя понятие аномии, с разных позиций и в различной интерпретации дают характеристику общественных состояний, имеющих ее явные признаки.

Белорусские ученые (Е. М. Бабосов, А. Н. Данилов, Д. Г. Ротман, Н. А. Барановский, Ю. М. Бубнов, С. П. Винокурова, Г. М. Евелькин, В. А. Клименко, О. В. Кобяк, Е. Е. Кучко, С. В. Лапина, С. А. Шавель, Н. Е. Лихачев, А. В. Рубанов, Г. Н. Соколова, Л. Г. Титаренко, И. В. Левицкая, Ю. Г. Черняк и др.) анализируют аномальные состояния в основном через отклоняющееся поведение и широкий спектр девиации, что присуще для аномальных процессов. Давние традиции изучения аномальных явлений имеют российские исследователи (В. С. Афанасьев, В. М. Быченков, А. Б. Гофман, Я. И. Гилинский, Т. И. Заславская, А. Г. Здравомыслов, В. Н. Кудрявцев, Н. И. Лапин, Ю. А. Левада, В. Г. Семенов).

Новые подходы к изучению социальной аномии и ее производных в 90-е гг. XX – начале XXI в. раскрывают в своих исследованиях Д. Г. Геращенко, С. Г. Кара-Мурза, С. А. Кравченко, В. В. Кривошеев, И. А. Крупский, Н. Н. Мещерякова, Н. П. Нарбут, А. В. Никонова, А. В. Плетнев, Н. Е. Покровский, Ж. Т. Тощенко, О. Н. Яницкий и др.

Украинские социологи Л. Д. Бевзенко, Е. И. Головаха и Н. В. Панина проводят социологический мониторинг аномальных общественных состояний через широкий спектр девиации и недоверия населения к социальным институтам.

Рассматривая структуру аномии на системном и личностном уровнях в более широком или узком смысле, необходимо относить к ее состояниям такие производные, как: 1) социокультурная травма; 2) парадоксальность; 3) кентавризм; 4) концепция фантомов; 5) имитации; 6) феномен молчаливого большинства; 7) рискофобия и рискофилия; 8) кризис легитимности и др.

Большое значение для изучения аномической структуры социума имеет категориальный анализ. Целью данного процесса является концептуализация, систематизация и уточнение видов феномена аномии.

Общественная аномия имеет два вида – экономический и семейный. Экономиче-

ская аномия – это нарушение установленного нормативного порядка, фиксирующего с относительной точностью максимальный уровень материального благосостояния каждого общественного класса. Семейная аномия – нарушение равновесия и дисциплины, обеспечиваемых семьей и семейной моралью. Социальная аномия неразрывно связана с кризисом социальной системы (политика, наука, культура и т. д.). Духовная аномия – потеря людьми смысла человеческой жизни в результате смены общественного строя, революций и войн. Политическая аномия – это трансформация и деградация социальных институтов, посредством которых завоевываются и реализуются властные отношения в обществе. Правовая аномия – это проявление системных и индивидуальных установок на внутреннее неприятие закона, что в итоге при массовом проявлении может повлечь дестабилизацию социальных процессов в обществе, развитие беспорядков, общую дезорганизацию и угрозу национальной безопасности. Криминальная аномия – это преступность, вызываемая социальными патологиями. Аномия социокультурная проявляется, когда возникает дезорганизация, несогласованность, в результате чего деформируются ключевые компоненты культуры. Инновационная аномия – характеристика социокультурной инновации, выражающаяся в дестабилизации в результате «навязывания» ее обществу. Под «нормальной аномией» понимается расширяющаяся совокупность уязвимостей для социума в виде побочных эффектов инновационной, рационально-прагматической деятельности человека.

На основании социологического анализа аномии делается вывод о том, что определение аномии должно включать в себя базовые положения Э. Дюркгейма, социологический, социопсихологический, социокультурный и социоправовой компоненты.

*Аномия (франц. *anomie* – отсутствие закона, организации) – состояние общественного сознания, обусловленное кризисом или трансформацией общества, противоречие между провозглашенными целями и невозможностью их реализовать, что приводит к игнорированию социоправовых и социокультурных норм, к девиации и социальным отклонениям.* На основании социологического анализа отчуждения можно

сделать вывод, что это явление многомерно и многолико. *Отчуждение (микроаномия) – это универсальная социологическая категория человеческого существования, социоэкономическое и психологическое состояние, для которого характерно ограничение творческой деятельности индивида, а сам он подчинен продукту своей жизнедеятельности.*

Современная глобализация, начавшаяся во второй половине XX и продолжившаяся в XXI в., имеет свои экономические, исторические, политические и социокультурные особенности. Одной из причин глобализации является наличие феномена аномии в развитии современного сообщества, что проявляется в мегааномалиях, провоцирующих нестабильность социума.

Мегааномалии – это аномические процессы глобального мира в экономике, политике, культуре, которые несут угрозы человеческой цивилизации.

Анализ глобализационных процессов современного мира дает возможность выявить, классифицировать и систематизировать мегааномалии планетарного социума, а также состояния, им предшествующие и их сопровождающие. Важным является исследование мегааномалий глобального мира в пространстве социологии будущего.

Среди мегааномалий можно выделить следующие: 1) *проблемы войны и мира;* 2) *экологические мегааномалии, связанные с процессами как загрязнения окружающей среды, так и «загрязнения мозгов»;* 3) *зависимость «бедного» Юга от «богатого» Севера;* 4) *международный терроризм, прошедший эволюцию от индивидуального террора до криминально-террористических государств;* 5) *обострившийся миграционный процесс;* 6) *дефицит продуктов питания, необходимых для нормального развития человечества;* 7) *углубление неравенств;* 8) *пандемия коронавирусной инфекции и др.*

Таким образом, анализ глобальной нестабильности как проявления аномичности в развитии планетарного социума дает возможность сделать вывод, что на рубеже XX и XXI вв. сложился глобализационный ряд взаимосвязанных процессов.

Среди основных факторов глобализации современного мира следует выделить следующие: 1) *деятельность транснациональных корпораций (ТНК);* 2) *финансовые операции международных банков, страхо-*

вых компаний и других организаций, способных оказывать давление на национальные государства; 3) *планетарная система торговых сетей;* 4) *компьютерное поле, в первую очередь Интернет, оснащенное новыми технологиями и подконтрольными информационными потоками;* 5) *«вестернизация» социокультурного поля;* 6) *превращение в 1990-е гг. биполярного мира в однополярный;* 7) *зависимость бедного Юга от богатого Севера (из 7,5 млрд населения земного шара лишь один «золотой» – преуспевающий);* 8) *сотрясающие мир кризисы, угрозы и катастрофы – от локальных до вселенских;* 9) *феномен аномии в развитии современного сообщества, проявляющийся в рамках мегааномалий*

Среди некоторых причин распада СССР можно назвать следующие объективные причины: а) экономические; б) последствия войн и революций, гонка вооружений; в) национальные проблемы; г) конфессиональные; д) языковые проблемы; ж) территориальные претензии; з) столкновение геополитических интересов и т. д.

В качестве субъективных причин можно выделить: а) пренебрежение опытом развития народов СССР; б) последствия культа личности И. В. Сталина; в) бытовой уровень национализма (мифы, слухи, прогнозы, анекдоты и т. д.);

Территория Беларуси, ее население в XX в. испытали большинство катаклизмов. Особенно острыми были социальные катастрофы: Первая мировая война (1914–1918 гг.), революции (1905–1907, 1917 гг.), Гражданская война (1918–1921 гг.), раздел страны в 1921 г. по Рижскому договору, сталинские репрессии (1930–50-е гг.), Великая Отечественная война (1941–1945 гг.), распад Советского Союза в конце 80 – начале 90-х гг. XX в., глобальная катастрофа в Чернобыле в 1986 г., пандемия коронавирусной инфекции в 2020 г.

Социологическая диагностика – это способ моделирования социальной реальности. Попытки измерения аномальных явлений на постсоветском пространстве были предприняты в 90-е гг. XX в. Особое внимание было уделено измерению социальной напряженности.

Наиболее системно социологическое измерение социальной напряженности провели Ю. Н. Толстова и Н. Д. Воронина, ко-

торые осуществили ее многоуровневое шкалирование. Интересным представляется проект социологического измерения аномии, который осуществляют в Высшей школе экономики К. Сводер и Л. Косалс, названный ими don't know anomie (DKA).

Анализ аномальных явлений трансформационного периода конца XX – начала XXI в. проводили украинские социологи Л. Д. Бевзенко, Е. И. Головаха, Н. В. Панина и др. Для анализа аномической деморализованности была использована методика изучения социального самочувствия.

Белорусские социологи в течение последних десятилетий проводили комплексные социологические исследования разных сторон общественной жизни в период системной трансформации общества. Важным представляется социологический анализ, проведенный в рамках проекта «Исследование мировых ценностей» в период 1990–2008 гг. Базовой организацией этого проекта стал Центр социологических и политических исследований Белорусского государственного университета (ЦСПИ БГУ, руководитель – профессор Д. Г. Ротман).

Институт социологии НАН Республики Беларусь провел в 2005 г. социологический опрос (выборка – 9 172 респондентов) в рамках исследовательского проекта «Социологический мониторинг состояния и

динамики изменений, происходящих в белорусском обществе» (руководитель – профессор Г. М. Евелькин).

Таким образом, хотя в Беларуси осуществляются крупные социологические проекты, однако системное исследование непосредственно аномических процессов в конце XX – начале XXI в. не проводилось.

В процессе написания статьи, эмпирическую базу которой составили результаты социологических исследований, проведенных лично автором или при его непосредственном участии на национальном и региональном уровнях в течение более чем 25 лет, выявлялись аномальные явления во многих областях общественной жизни.

Постоянный социологический мониторинг дал возможность предложить авторский подход к изучению феномена аномии, получивший название социологический барометр аномии (СБА). Индекс СБА имеет комбинированный характер. Ему предшествовали сравнительные социологические опросы по единой методике 1997, 2005 и 2016 гг., в 2017 г. было проведено экспертное национальное исследование, а в 2018 г. – региональное комбинированное исследование во всех сферах общественной жизни и на личностном уровне. Индекс СБА рассчитывается по формуле:

$$I_{\text{сба}} = \frac{Ax(1) + Bx(0,75) + Cx(0,50) + Gx(0,25)}{N}, \quad (1.1)$$

где $I_{\text{сба}}$ – социологический барометр аномии; А – число респондентов, избравших вариант ответа «недостаточно»; Б – число респондентов, избравших вариант ответа «трудно сказать, достаточно или нет»; В – число респондентов, избравших вариант ответа «достаточно»; Г – число респондентов, избравших вариант ответа «не интересует»; 1, 0,75, 0,50, 0,25 – условные коррек-

тирующие коэффициенты; N – общее число респондентов.

Полученные индексы СБА суммируются и усредняются. При этом необходимо отметить, что при вычислении комплексного индекса СБА на личностном уровне из четырех показателей жизни респондента значимыми являются два (достаточно, недостаточно). Комплексный индекс СБА исчисляется по формуле:

$$I_{\text{сба. комп.}} = \frac{\sum I_{\text{сба.}}}{\Pi}, \quad (1.2)$$

где $I_{\text{сба. комп.}}$ – индекс СБА комплексный; $I_{\text{сба}}$ – индекс СБА по комплексным переменным; Π – число избранных переменных.

Комплексный подход СБА позволил на системном уровне выявить аномические проявления в современном белорусском обществе. При этом необходимо отметить, что

при вычислении комплексного показателя СБА необходимо учитывать его комбинированный и многоступенчатый характер.

Таким образом, можно сделать вывод, что раскрытие содержания, сущности, особенностей и закономерностей проявления аномии в трансформационном постсовет-

ском социуме на рубеже XX – XXI в. сопровождается высокой степенью аномичности в экономической, социально-политической и духовной сферах развития общества.

Сегодня аномия, несомненно, включающая в себя проявления прежних форм социальных патологий, обретает иную, более сложную природу. Речь идет о том, что если раньше аномия носила исторически преходящий характер, то ныне она становится нормой жизни. Одним из проявлений такой «нормальной аномии» являются разрывы преемственности ценностных и нор-

мативных оснований общества, обусловленные разницей восприятия неопределенностей, рисков и угроз представителями разных поколений.

Разработанная автором система социологической диагностики проявления феномена аномии в современном социуме переходного типа требует как использования классических методов (использование статистических материалов, проведение социологических исследований и др.), так и обновления теоретико-методологического уровня.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 14.10.2020

УДК 316.334.56

Елена Викторовна Лебедева*канд. социол. наук, доц., доц. каф. технологий коммуникации и связей с общественностью
Белорусского государственного университета***Elena Lebedeva***Candidate of Sociological Sciences, Assistant Professor,
Associate Professor of the Department of Communication Technologies and Public Relations
of Belarusian State University
e-mail: elena_lebedeva_bsu@tut.by*

ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КАЧЕСТВА ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Дается общее определение термину «городская среда, как взаимосвязанному единству территории (географический ландшафт, архитектурная застройка) и пространства (люди и события). Кратко описывается прошлый опыт социологического исследования качества городской среды, систематизируются существующие подходы к интерпретации и измерению данного феномена (урбанистический, социопсихологический, управленческий и структурно-функциональный). На основании результатов глубинного интервью предлагается структурно-функциональная модель городской среды, раскрывается содержание базовых функций (объединение, восстановление, развитие). С учетом данных функций выделяются основные направления и параметры оценки качества городской среды (мобильность, взаимодействие, экология и культура). Обосновывается субъектно-объектный характер комплексных индексов по оценке качества городской среды.

Prospects of Sociological Research of the Urban Environment

A general definition of the term «urban environment» is given as an interconnected unity of territory (geographic landscape, architectural development) and space (people and events). The past experience of sociological research on the quality of the urban environment is briefly described, the existing approaches to the interpretation and measurement of this phenomenon (urban, socio-psychological, managerial and structural-functional) are systematized. Based on the results of in-depth interviews, a structural and functional model of the urban environment is proposed, the content of basic functions (unification, restoration, development) is revealed. Taking these functions into account, the main directions and parameters for assessing the quality of the urban environment (mobility, interaction, ecology and culture) are identified. Subject-object nature of complex indices for assessing the quality of the urban environment is substantiated.

Введение

Несколько десятилетий назад урбанизация представлялась как «важнейший инструмент использования социальных резервов, активизации человеческого фактора» [1, с. 6], а развитие городов осуществлялось на основании детально разработанных градостроительных планов, которые в достаточной мере финансировались государством. Современный город живет в совершенно других условиях. Преобразования часто осуществляются на основании разобщенных локальных решений, а судьба проектов, связанных с развитием городской инфраструктуры, зависит от наличия должного финансирования, что значительно тормозит, а то и вовсе замораживает их реализацию. Все это приводит к возникновению ряда проблем, главной из которых является ухудшение условий жизни в городе, что, в свою очередь, приводит к интенсификации

миграционных настроений горожан (вызывает желание, как переехать в другой город, так и вовсе отказаться от статуса горожанина) или же негативно сказывается на состоянии здоровья и социального самочувствия тех, кто не имеет возможности уехать. А между тем городская среда является одним из факторов конкуренции городов за человеческий капитал. Сегодня происходит переосмысление ключевых ресурсов, определяющих городское развитие – природные и материальные богатства постепенно отходят на второй план, тогда как роль человеческого фактора (высокий образовательный уровень горожан, их способность к сотрудничеству, инновационная активность, организаторские способности и пр.) растет [2].

Представления о качестве городской среды и в городской социологии, и в урбанистике довольно расплывчаты. Специалисты по городскому планированию опирают-

ся на утвержденные нормативы градостроительного проектирования (минимальные расчетные показатели обеспечения благоприятных условий жизнедеятельности человека: плотность жилищного фонда, наличие предприятий социального обслуживания, процент озелененной территории и т. д.). Однако принимая решение о переезде в другой город, человек чаще опирается не на нормативные показатели, а на свои ощущения (комфорт, благополучие, хорошее самочувствие). Определенные сдвиги в этом направлении есть: в «Стратегии социально-экономического развития Москвы на период до 2025 года» появляется идея «Уютного города», для которого характерны «максимальная близость к природе, соединение места работы и жительства, доступность ключевых транспортных коридоров, сохранение ландшафтов... разнообразное и динамичное использование территории» [3, с. 47]. Вместе с тем четкого, операционального определения предложенный термин не имеет, критерии измерения «уютности» городской среды отсутствуют. Популярное словосочетание «комфортная городская среда», которое часто используется в текстах территориального или стратегического планирования, также довольно субъективно и не дает возможность однозначной эмпирической интерпретации (комфорт у каждого свой).

Отчасти данная проблема решена в российском индексе качества городской среды [4]. В нем оцениваются шесть типов городских пространств (жилье, озелененные пространства, общественно-деловая инфраструктура, социально-досуговая инфраструктура, улично-дорожная сеть и общегородское пространство), каждый из которых также оценивается по шести критериям (безопасность, комфорт, экологичность, идентичность и разнообразие, современность и актуальность, эффективность управления). На пересечении каждого типа пространства и критерия появляется индикатор (например, «безопасность дорожной сети», которая оценивается как «количество погибших в дорожно-транспортных происшествиях»). Такой подход упрощает возможности эмпирических замеров городской среды, однако имеет ряд недостатков, один из которых – значительная сложность организации замеров. По этой причине основная информация для расчета индекса берется из

открытых источников (статистические данные, показатели геоинформационных систем и т. п.), выводя за рамки непосредственных «пользователей» городской среды – горожан.

Для того чтобы критерии измерения качества городской среды могли использоваться в ходе регулярных социологических мониторингов, они должны соответствовать следующим условиям:

1) должны быть статистически измеримыми и при этом достаточно простыми, легко интерпретироваться в любом социальном контексте и обеспечивать доступную (технически и экономически) процедуру измерения городской среды;

2) должны сочетаться с другими критериями (составлять комплексные индексы) и давать возможность проводить релевантные повторные замеры, чтобы отображать тенденции;

3) должны измерять фундаментальные характеристики городской среды, выделять ее ключевые акценты;

4) должны своевременно информировать о существующих и потенциальных проблемах.

Исходя из этого, целью данной статьи является разработка системы параметров и критериев, релевантных для социологического анализа качества городской среды.

Задачи статьи: 1) систематизировать существующий опыт социологического исследования качества городской среды и выделить основные подходы; 2) выделить конкретные параметры и критерии эмпирического анализа качества городской среды; 3) описать общие принципы и пути составления комплексных индексов для анализа качества городской среды.

Методологической основой исследования выступает структурно-функциональный подход, согласно которому городская среда представляет собой взаимосвязанное единство разнообразных форм, представленных как в территориальном (географический ландшафт, архитектурная застройка, доступная инфраструктура), так и в пространственном ракурсах (история, культура, образ, событийное наполнение и пр.). Соответственно, качество городской среды также относится к амбивалентным явлениям, имеющим как объективную, так и субъективную природу – комфортный город пред-

ставляется и как удобный, благоустроенный, красивый, и как приветливый, открытый, уютный. Эмпирической основой стали тексты глубинных интервью (N = 25), собранных в шести городах (два крупных города с населением свыше 1 млн человек, два средних (от 300 до 900 тыс. человек) и два малых (от 50 до 200 тыс. человек)). Сферы для рекрутинга информантов были разделены на три группы: досуг и отдых, здоровье и безопасность, образование и развитие. В ходе интервью информантам предлагалось описать дружественную либо недружественную городскую среду (с указанием конкретных случаев дружественности или недружественности).

Практика социальных исследований, сфокусированных на качестве городской среды, имеет достаточно давнюю историю. Возникнув на рубеже веков в Европе в начале XX в., социологические исследования качества городской среды получили массовое распространение в США (например, изучение жилищных условий семей рабочих, мигрантов и этнических групп в Чикаго [5], лонгитюдное обследование, проведенное в период с 1909 по 1914 г. командой Пола Келлога в Питтсбурге, посвященное описанию образа и условий жизни, а также качества жилища рабочих в сталелитейной промышленности [6], Спрингфилдское обследование под руководством Шелби Харрисона, которое затрагивало целую область социальной политики города: общественное здоровье, образование, социальные службы в их многочисленных видах [7]). Наиболее широкое распространение такие исследования получили в работах представителей Чикагской школы, которые видели главную задачу социологии в содействии городским реформам. Роберт Парк впервые ввел в научный оборот термин «городская среда» [8] и в 1915 г. организовал первый в США центр городских исследований.

Первые работы данной тематики российских социологов датируются 20 гг. XX столетия (исследовательский интерес был обусловлен, во-первых, высокими темпами урбанизации и, во-вторых, необходимостью в краткие сроки реализовать на практике озвученные новой властью принципы социалистического общежития). Уже тогда обозначились представления о сис-

темном характере городской среды, о тесной взаимосвязи ее составных элементов, о ее двойственной, субъектно-объектной природе, обладающей синергетическими свойствами («не только описать город, как красивую плотность, но и почувствовать, как глубокую, живую душу») [9, с. 10]. Н. П. Анциферов одним из первых предложил рассматривать город как сложный социальный организм, представленный тремя структурами: анатомия (структура городского пространства), физиология (функции города, социальный состав его населения) и психология («душа») – пейзаж города, его историческая судьба, характер населения [10, с. 17].

Классические советские социологические исследования проблем города оценивали качество городской среды с точки зрения накопленного «общественного богатства города», которое «расширяет, обогащает и облегчает условия жизни и труда населения города» [1, с. 87]. При этом критерием оценки общественного богатства города должны быть не только показатели экономической эффективности основных производственных фондов города, но и степень их влияния на самих трудящихся (например, состояние здоровья горожан, проживающих в районе какой-либо фабрики или завода). Ранним постсоветским работам (например, «Минчане в начале XXI века: социально-экономический и психологический портрет» [11]) также свойственно стремление искать критерии оценки качества городской среды в русле «общественного богатства» (удовлетворенность сферой услуг и работой системы общественного транспорта, развитие городской инфраструктуры и т. д.). Устойчивая экономическая база развития города важна, но необходимо обратить внимание и на субъективные факторы (городской досуг, событийное наполнение городской жизни, воспринимаемый образ города и пр.).

Современные представления о качестве городской среды характеризуются разнообразием и эклектичностью. Кратко обозначим основные подходы.

1. *Урбанистический подход* – сборное название множества различных практик исследования города, общим для которых является смещение фокуса на анализ архитектурного пространства как градообразующей социокультурной составляющей городов.

Урбанистические исследования делают акцент на физических, территориальных характеристиках городской среды, придавая первостепенную важность масштабу городской застройки, экологии и возможностям для мобильности (зеленые насаждения, доступные объекты инфраструктуры, освещенность, удобные для перемещения улицы). Так, по мнению Яна Гейла, известного датского архитектора и урбаниста, дружелюбный город («город для людей») должен быть «живым, безопасным, привлекательным, устойчивым и здоровым» [12, с. 6–7]. Канадский журналист и урбанист Чарльз Монтгомери, автор книги «Счастливый город», понимает дружелюбность городской среды через призму возможностей для свободной мобильности – «Что нужно человеку для счастья? Ему нужно движение, как птице небо» [13, с. 10].

2. *Социо-психологический подход* концентрируется на изучении процессов взаимодействия окружающей среды и особенностей личностного становления и развития, появления устойчивых, повторяющихся моделей поведения, формирования новых смыслов и ценностей в городском социуме. Город в данном случае воспринимается прежде всего как пространство социализации, как объектно-субъектные условия, в которых происходит непосредственное становление личности. Качество городской среды в данном случае интерпретируется через призму детского благополучия (роль детей в местных сообществах; признание за ними права голоса; обеспечение безопасных мест для игры; активное участие в заботе о детях соседских сообществ; наличие необходимой инфраструктуры для семей с детьми, в т. ч. возможностей для творческого развития и самореализации) [14].

3. *Управленческий подход* во главу угла ставит состояние гражданского общества как специфику взаимодействия локальных сообществ, государства и бизнеса. Данный подход лежит в основе различных международных инициатив и программ, ориентированных на поиск возможностей объединить усилия городских властей и локальных сообществ (к примеру, инициатива «Город, дружелюбный детям» или же «Глобальная сеть обучающихся городов», созданная под эгидой ЮНЕСКО).

4. *Структурно-функциональный подход* рассматривает качество городской среды с позиции реализуемых функций и удовлетворения индивидуальных потребностей [15]. Российский философ Б. В. Сазонов полагает, что корень существующих проблем, связанных с качеством городской среды, заключается в несовпадении отраслевой структуры производства городских услуг и структуры индивидуальных потребностей горожанина. Повышение качества городской среды в практическом ракурсе чаще всего интерпретируется количественно – как уменьшение/увеличение каких-либо нормируемых параметров (например, увеличение площади зеленых насаждений). При этом нормативное соответствие или даже превышение нормативной обеспеченности горожан определенными ресурсами (например, озелененными территориями) может никак не влиять на субъективную оценку конкретного человека (в том случае если в пешей доступности от его дома отсутствуют благоустроенные зеленые массивы, выполняющие экологическую и рекреативную функции) [16]. Чтобы устранить данное противоречие, высокое качество городской среды должно пониматься как *возможность удовлетворения определенных потребностей индивида* [17]. Структурно-функциональный подход, в отличие от отраслевого, дает возможность максимизировать субъективную полезность городских преобразований, поскольку вместо формального повышения количественных показателей концентрируется на реализуемых городской средой функциях.

Иными словами, высокое качество городской среды обеспечивается реализацией трех базовых функций – *объединение* (потребность в общении), *восстановление* (потребность в безопасности) и *развитие* (потребность в труде).

Функция *объединения* описывает процессы конструирования городской социальности – доступные возможности для социального взаимодействия, его преимущественный характер (преобладание кооперации или конкуренции); инклюзивность городской среды, а также участие горожан в общественной жизни, в создании и преобразовании городской среды. *Рекреативная функция (восстановление)* говорит о биологической, психологической и социальной

безопасности города. В нее входит доступность инфраструктуры для сохранения и укрепления здоровья, поддержания активного образа жизни; благоприятная экология, использование «зеленых технологий»; отсутствие психологической и социальной угрозы; способность города вызывать положительные эмоции. Если первые две функции говорят скорее о сохранении человеческого капитала, то *функция развития* понимается как способность городской среды участвовать в его приращении. Речь в данном случае идет о культурно-образовательной и социализирующей роли города (способность закреплять определенные нормативные и поведенческие установки; формировать круг социальных контактов, развивать коммуникативные навыки, участвовать в конструировании коллективной территориальной идентичности).

Определившись с теоретическими рамками измерения качества городской

среды (структурно-функциональный подход), сформулируем общие направления её эмпирической оценки.

Параметры оценки качества городской среды были получены на основе анализа текстов экспертных интервью с использованием стратегии обоснованной теории. Анализ состоял из нескольких этапов.

На первом этапе из цитат информантов были выделены первичные (открытые) коды, представлявшие собой субъективное восприятие комфортной городской среды (т. е. конкретные примеры и случаи «дружественности» города по отношению к людям). Затем полученные открытые коды были укрупнены и объединены в четыре общие категории: «*мобильность*», «*взаимодействие*», «*экология*» и «*культура*», – каждая из которых соответствовала какой-либо базовой функции городской среды (рисунок).

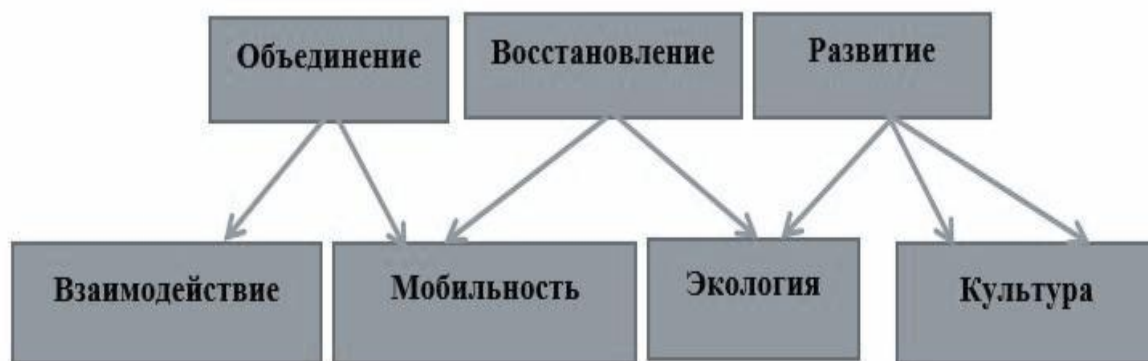

Рисунок. – Взаимосвязь параметров качества городской среды с ее функциями

На заключительном, третьем, этапе происходило наполнение сгруппированных категорий содержательными характеристиками,

выступающими в роли эмпирически измеряемых единиц (таблицы 1–4).

Таблица 1. – Единицы измерения для категории «мобильность»

Пешеходная доступность	Транспортная доступность	Навигация
Удобные пешеходные дорожки и тротуары, соответствующие популярным маршрутам горожан; безопасное пересечение пешеходных путей с автомобильными и/или велосипедными; безбарьерная среда; развитая инфраструктура в пешеходных зонах.	Соответствие маршрутов общественного транспорта потребностям горожан; удобное расположение автомобильных парковок; доступность шеринговых сервисов (прокат автомобилей, велосипедов).	Простота навигации, доступность информации, позволяющей самостоятельно перемещения по городу (в том числе детям и лицам с ограниченной мобильностью).

Таблица 2. – Единицы измерения для категории «экология»

Использование «зеленых технологий» и экологическое сознание горожан	Чистота городской территории	Социальный комфорт и психологическая безопасность
Инфраструктура для раздельного сбора мусора; популярность практик осознанного потребления; информационная и визуальная поддержка экологической модели поведения (наружная реклама социально-экологической тематики, экологический дизайн городской среды).	Отсутствие мусора на городских улицах; отсутствие существенных источников загрязнений, экологической угрозы (хорошее качество воды, воздуха); возможность контакта с природой.	Отсутствие на городских улицах видимых форм отрицательной девиации; отсутствие чувства угрозы, агрессии со стороны других горожан.

Таблица 3. – Единицы измерения для категории «взаимодействие»

Кооперация	Социальная инклюзия
Преобладание среди горожан взаимопомощи, а не конкуренции; готовность оказывать помощь незнакомцам, оказавшимся в трудной ситуации; достаточный уровень доверия горожан друг к другу; готовность совместными усилиями решать общие проблемы, сотрудничать, объединяться для решения общих задач.	Отсутствие дискриминации по любому признаку; отсутствие страха или неприязни к незнакомцам и/или людям, внешне отличающимся от большинства; доступные механизмы участия в городской жизни/преобразовании городской территории (как непосредственного, так и косвенного); возможность бесконфликтного совместного использования одной и той же городской территории.

Таблица 4. – Единицы измерения для категории «культура»

Эстетика городской среды	Культурно-образовательный потенциал
Привлекательность, ухоженность внешнего облика города; наличие единого стиля, дизайн-кода; гармоничное сочетание архитектурных элементов с естественной природной средой.	Наличие и доступность культурных объектов (инфраструктуры для развития, творчества, самореализации); популярность практик неформального образования как способа проведения свободного времени в городе; достаточное количество разноплановых культурных событий, доступность информации о них.

Как видно из предложенных таблиц, в полной мере оценить качество городской среды можно только при совмещении объективных и субъективных единиц измерения. Следовательно, разрабатываемые эмпирические критерии должны быть релевантными для замеров как физических характеристик городской территории (благоустроенность, привлекательный внешний вид, наличие необходимой инфраструктуры и пр.), так и специфики социальной жизни, протекающей на ней (отсутствие агрессии горожан по отношению друг к другу, сплоченность, готовность к взаимовыручке). При этом тексты экспертных интервью показали *равновесность объективных и субъективных показателей для общего восприятия качества городской среды.*

По мнению информантов, не всегда объективно плохое состояние городской

среды вызывает не-удовлетворенность собственным городом, как и наоборот (примеры цитат из интервью: «Тут во дворе, казалось бы, ничего особенного, обычный советский двор – лавочка и парочка простеньких детских качелей, но вечером все соседи собираются, общаются, дети вместе бегают, всем хорошо. Зачем нам центр, чего мы там не видели?», «Хотя тут рядом и парк есть, и погулять есть возможность, но все изолировались семьями, не выходят куда... мы соседей вообще не знаем – наш район дружественным точно не назовешь»).

Исходя из этого, при составлении комплексных индексов оценки качества городской среды следует руководствоваться следующими условиями: во-первых, *обеспечивать равномерное присутствие как объективных, так и субъективных параметров;* во-вторых, *присваивать объектив-*

ным и субъективным критериям качества городской среды равные весовые коэффициенты. Если объективные характеристики городской среды могут изучаться при помощи уже существующих агрегированных баз данных (статистические показатели, геоданные и пр.), то субъективные оценки должны измеряться при помощи *регулярно проводимых опросов горожан, основанных на корректно составленном опросном инструментарии*.

Поскольку качество городской среды – это межотраслевая проблема, применение комплексных критериев ее оценки будет способствовать переходу от отраслевого планирования к интегральному, основанному на потребностях человека, на базовых функциях городской среды, которые могут стать новым, социологическим основанием для принятия проектных решений.

Заклучение

Основным принципом при выборе методологии исследования качества городской среды должна стать ориентация на ее общественную пользу, выраженную в удовлетворении генерализованных потребностей (реализации базовых функций). Важнейшими социальными функциями городской среды являются *объединение* (поддержание городской социальности), *восстановление* (сохранение человеческого капитала) и *развитие* (приращение человеческого капитала). Параметры, характеризующие качество городской среды, должны отображать возможности и состояние реализации каждой из этих трех функций. Анализ тек-

стов экспертных интервью с использованием стратегии обоснованной теории позволили выделить четыре параметра эмпирического измерения качества городской среды. К ним относятся *мобильность* (возможность для свободного перемещения в границах города), *взаимодействие* (специфика городской социальной жизни), *экология* (комплексная безопасность городской территории) и *культура* (эстетический, социализирующий, образовательный потенциал городской среды). Составляя комплексные индексы оценки городской среды, следует стремиться к равновесному использованию как объективных (мобильность, экология), так и субъективных (взаимодействие и культура) параметров.

В завершение отметим, что структура индикаторов качества городской среды – это не самоцель, а всего лишь инструмент, способ обратить внимание на существующие и возникающие острые социальные проблемы. Город представляет собой сложное, многоаспектное территориально-культурное образование, находящееся в непрерывном движении, подверженное влиянию огромного количества различных внешних и внутренних факторов. Управление городом и городской жизнью – исключительно сложный процесс. Следовательно, универсальная и адаптивная система показателей качества городской среды даст возможность лицам, ответственным за формирование политики, влияющей на качество жизни горожан, принимать управленческие решения с наименьшим риском негативных последствий и осложнений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Социологические исследования проблем города и жилища (1970–1980 гг.) : сб. ст. / отв. ред. Б. П. Кутырев. – Новосибирск : Наука, 1986. – 175 с.
2. Валдайцева, М. В. Влияние крупного города на развитие человеческого капитала [Электронный ресурс] / М. В. Валдайцева // Науч. журн. НИУ ИТМО. Сер. «Экономика и экол. менеджмент». – 2013. – № 2. – Режим доступа: <http://www.economics.ihbt.ifmo.ru>. – Дата доступа: 28.08.2020.
3. Стратегия социально-экономического развития Москвы на период до 2025 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.msses.ru/fgu/strategija_razvitija_moskvy_do_2025_proekt_versija_09.08.2012.pdf. – Дата доступа: 26.08.2020.
4. Об утверждении методики формирования индекса качества городской среды (с изменениями на 5 ноября 2019 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/553937399>. – Дата доступа: 03.09.2020.
5. Sophonisba, P. B. Chicago's Housing Problem: Families in Furnished Rooms / P. B. Sophonisba, E. Abbot // American Journal of Sociology. – 1910. – Nr 16. – P. 297–455.

6. The Pittsburgh District. Civic Frontage. Edited by Paul Underwood Kellogg. – New York : Survey Associates., 1914. – 554 p.
7. The Springfield Survey. A Study of Social Conditions in an American city / ed.: S. M. Harrison. – New York : Russel : Sage Foundation, 1920. – 449 p.
8. Парк, Р. Город как социальная лаборатория / Р. Парк // Социол. обозрение. – 2002. – Т. 2, № 3. – С. 3–12.
9. Колокольчикова, Р. С. Теоретико-методологические основы изучения города в трудах И. М. Гревса, Н. П. Анциферова, Н. К. Пиксанова // Вестн. Череповец. гос. ун-та. – 2014. – № 6. – С. 24–26.
10. Анциферов, Н. П. Пути постижения города как социального организма: Опыт комплексного подхода / Н. П. Анциферов. – Л. : Сеятель, 1926. – 151 с.
11. Минчане в начале XXI века: социально-экономический и психологический портрет / А. В. Рубанов [и др.]. – Минск : Юнипак, 2005. – 164 с.
12. Гейл, Я. Города для людей / Я. Гейл. – М. : Альпина Паблишер, 2012. – 276 с.
13. Монтгомери, Ч. Счастливый город. Как городское планирование меняет нашу жизнь / Ч. Монтгомери. – М. : Манн : Иванов и Фербер, 2019. – 368 с.
14. Child-friendly Community Indicators. A Literature Review [Electronic resource]. – Mode of access: https://s25924.pcdn.co/wp-content/uploads/2017/11/Child-friendly-Community-Indicators-a-Literature-Review_2008.pdf. – Date of access: 29.08.2020.
15. Лебедева, Е. В. Дружественность городской среды в ракурсе структурно-функционального анализа / Е. В. Лебедева, А. Г. Филипова // Журн. БГУ. Философия. Психология. – 2019. – № 2. – С. 44–53.
16. Чернова, Е. Б. Социологические аспекты качества городской среды [Электронный ресурс] / Е. Б. Чернова // Управление развитием территории. – 2015. – № 2. – Режим доступа: <https://urtmag.ru/public/395/>. – Дата доступа: 29.08.2020.
17. Сазонов, Б. В. Системная организация социальных исследований на территории [Электронный ресурс] / Б. В. Сазонов // Российское общество: социологические перспективы. – М., 2000. – Режим доступа: <http://www.lab1-3.narod.ru/saz00-c.htm>. – Дата доступа: 28.08.2020.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 27.10.2020

УДК 316.33

Анатолий Иванович Лысюк¹, Мария Григорьевна Соколовская²¹д-р полит. наук, канд. филос. наук, доц., доц. каф. политологии и социологии

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

²ст. преподаватель каф. политологии и социологии

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Anatolij Lysiuk¹, Maryia Sokolovskaya²¹Doctor of Political Science, PhD in Philosophy, Associate Professor,

Associate Professor of Department for Political Science and Sociology

of Brest A. S. Pushkin State University

²Senior Lecturer of Department for Political Science and Sociology

of Brest A. S. Pushkin State University

e-mail: ¹ailysiuk@list.ru; ²llogos@list.ru**КОНЦЕПЦИЯ ЛЮБВИ В ТВОРЧЕСТВЕ ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА**

Исследуется концепция любви, разработанная русским философом В. Соловьевым на основе идеи Всеединства, методологическую базу которой составили Священное Писание и труды Платона. Указывается, что свой высший расцвет любовь переживает в жизни отдельного человека. Ее основополагающей характеристикой является преодоление им своего эгоизма и признание безусловного значения другого. В любви между мужчиной и женщиной значимыми составляющими являются по нисходящей три компонента: религиозный, нравственный и физиологический (эротический пафос). Своим самым важным результатом любовь имеет соединение в одно целое мужского и женского начал и последующее творческое преобразование индивида. Идеальная любовь во всей своей полноте и глубине в концепции В. Соловьева является воплощением образа Софии как одновременное сочетание божественного и земного, духовного и эротического, воплощенного в конечном счете в облике любимого человека. Объективная сила любви в реальности выступает как потенция, предполагающая умение у индивида этим даром воспользоваться, что выступает его великой жизненной задачей.

The Concept of Love in Work of Vladimir Solovyov

The article studies concept of love, developed by the Russian philosopher V. Solovyov on the basis of the idea of unity, the methodological base of which was Holy Bible and works of Plato. It is indicated that love experiences its highest flowering in the life of an individual. Its fundamental characteristic is overcoming of egoism and recognition of an unconditional meaning of another individual. In love between man and woman, three components are important downward: religious, moral and physiological (erotic pathos). The most important outcome of love is combination of masculine and feminine principles into united body and subsequent individual creative transformation. An ideal love in its fullness and depth in the concept of V. Solovyov is embodiment of the image of Sofia as a simultaneous combination of divine and earthly, spiritual and erotic, which can be possible in the form of beloved. The objective power of love in reality acts as a potency, which implies the ability of an individual to use this gift, which is his great life task.

Введение

Владимир Сергеевич Соловьев является одним из выдающихся русских мыслителей второй половины XIX в. Его идеалистическая философская система является многогранной и разносторонней и основана на идее Всеединства, предполагающей наличие Единого в той или иной степени во всем сущем.

Тема любви, ее проблематика играет в его трудах основополагающую, интегративную роль. Русский мыслитель Н. Бердяев отмечая, что философское познание чаще всего основано на эротическом пафосе,

подчеркивает, что все творчество В. Соловьева пронизано великой силой любви, познанный на личном опыте, а его «Смысл любви» – самое глубокое, самое проникновенное из всего, что писалось людьми на эту тему [1, с. 237]. Русский философ и общественный деятель Е. Н. Трубецкой указывает на принципиальную важность понимания феномена любви в трудах В. Соловьева: «Здесь открывается жизненный нерв его философии... Эрос есть именно то, чем она живет, откуда она черпает все свои краски, источник всего его воодушевления и творчества... С юных лет и почти до кон-

ца своих дней Соловьев провел большую часть жизни в состоянии эротического подъема» [Цит. по: 2, с. 583].

Значимость идеи любви в творчестве В. Соловьева обусловлена, как минимум, четырьмя важными факторами. Во-первых, личностными обстоятельствами, тем, что он был способен страстно и глубоко погружаться в любовные отношения, обладая повышенной влюбчивостью и сензитивностью, рассматривая, правда, создание собственной семьи как нечто второстепенное по сравнению с той социальной миссией, к которой он призван. Во-вторых, принципиальное значение имеет его религиозное (христианское) мировоззрение, основополагающим постулатом которого является принцип «Бог есть любовь», – его личная, индивидуальная любовь во многом носила мистический характер. В-третьих, очевидно его стремление в рамках идеи Всеединства обнаружить скрепляющие элементы (скрижали) бытия, в которых воедино сливаются высокие духовные энергии и личная жизнь человека, что, по его убеждению, достижимо через утверждение, укоренение любовных интенций, поскольку любовь выступает ключевым компонентом мироустройства. В-четвертых, проблематика любви выступает и важнейшей частью его поэтического лирического гения.

Несмотря на принципиальную значимость темы любви в трудах В. Соловьева, тем не менее отсутствуют специальные научные работы по изучению этой части его научного творчества. Даже в более чем 700-страничной монографии А. Лосева «Владимир Соловьев и его время» эта проблематика находится на периферии внимания исследователя.

Существует также необходимость очищения творчества В. Соловьева от адресованных ему и страдающих односторонностью обвинений (В. Розанов, Н. Бердяев и др.) в чрезмерном платонизме его интерпретаций любви и об игнорировании им важности эротического компонента, представленного в любовных отношениях между мужчиной и женщиной.

Требует и содержательного уточнения взаимосвязь определения любви Платона и В. Соловьева, так как последний ее выстраивал и обосновывал в значительной степени опираясь не только на священные

(христианские) тексты, но и на наследие древнегреческого философа.

Целью данной статьи является системный и критический анализ концепции любви В. Соловьева сквозь призму ее соотносительности с другими, тематически родственными теориями и подходами.

Владимир Соловьев о смысле любви и ее роли в жизни человека

Не оспаривая социального значения половой любви и определяя ее как влечение одного человека к другому для взаимного соединения и осуществления совместной жизни, В. Соловьев убежден в том, что в священной истории, как и в общей истории, она «не является средством или орудием исторических целей... и прямого действия на исторический процесс не оказывает: ее положительное значение должно корениться в индивидуальной жизни» [3, с. 501]. Именно в личной сфере она переживает свой высший расцвет и формирует важнейшие смыслы бытия человека.

Самый главный из них связан с преодолением эгоизма индивида. В. Соловьев отмечает, что «смысл человеческой любви вообще есть *оправдание и спасение индивидуальности чрез жертву эгоизма*». По своей природе любовь заставляет «нас во внутреннем чувстве и жизненной силе признать для себя безусловное значение другого» [3, с. 505, 507]. Любовь всегда персонифицирована и влюбленный нацелен на формирование определенных отношений с конкретным лицом. Через подобное самоотрицание собственного «я» и утверждения в своей личности другого индивид не только не вступает в стадию личностного разрушения, но осуществляет свое «высшее самоутверждение» [4, с. 704]. Подобная позиция способна стать абсолютным демиургом его мотивации, деятельности, жизненного пути.

Любовь между мужчиной и женщиной в понимании русского философа обладает преимущественно нравственным и религиозным характером. В «Оправдании добра» нравственность своей полноты достигает именно в любви, проявляясь в таких трех моральных феноменах, как стыд, жалость и благоговение, составляющих ее эмоциональную основу. Стыд не позволяет человеку стать рабом чрезмерных чувственных, животных наслаждений, учитывая

тем более важность в любовных отношениях эротического пафоса. Жалость означает сострадательное (альтруистическое) отношение к человеку, отождествление, в частности, для русского человека понятий «жалеть» и «любить». В свою очередь, благоговение выступает как восхищение любимым человеком, проявление к нему особенной симпатии и его непреходящая идеализация.

Религиозный компонент любви основан на убеждении в том, что индивид обладает наряду с материальной, физиологической природой также природой идеальной, духовной, мистической, связывающей его с образом Божиим, а через него – с абсолютной истиной. Эта духовная стихия не является абстрактной величиной; она в любви познается в конкретных жизненных стихиях и является тем краеугольным камнем, который кладется во главу угла «храма любви». Бердяев подчеркивает, что В. Соловьев глубже всех понял то обстоятельство, что «мистическая тайна полового соединения в том и заключается, чтобы не попасть в рабство безличного родового инстинкта, не поддаваться хитрости греховной природы, а найти органическое дополнение к своему вечному образу в Боге, осуществить в любви идею Божию, то есть стать индивидуальностью, завоевать бессмертие» [1, с. 253]. Поэтому принципиальное значение для понимания концепции любви В. Соловьева имеет его утверждение, что «дело истинной любви прежде всего основывается на *вере*... Признать безусловное значение за данным лицом или верить в него (без чего невозможна истинная любовь) я могу, только утверждая его в Боге, следовательно, веря в самого Бога и в себя как имеющего в Боге сосредоточение и корень своего бытия» [3, с. 531–532]. Построение гармоничных отношений с Богом позволяет двум ограниченным и смертным существам обрести одну абсолютную и бессмертную индивидуальность, проторить дорогу в вечность. При этом любовный пафос, идеализируя низшее человеческое существо, переносит на него черты высшего, божественного. В этом случае конкретная женщина или вполне определенный мужчина могут отражать лики и образы вечного Божественного сияния и красоты.

Само наличие веры не обеспечивает в автоматическом режиме утверждение свет-

лой и созидательной любви. Со стороны влюбленных, по убеждению В. Соловьева, необходимы не просто вера, но деятельная вера, нравственный подвиг и постоянный труд по укреплению и развитию дара любви. Если у них это получится, то «на выходе» их ожидают неземное блаженство и радость, имманентно присущие любви, даже несовершенной.

Подчеркивается, что христиански ориентированный человек выбирает объект любви не столько на основании чувства и чувствования, сколько «благодаря разумному сознанию».

Сами любовные отношения, как констатирует В. Соловьев, могут приобретать три формы. Во-первых, любовь, которая больше дает, нежели получает, или нисходящая любовь. Во-вторых, любовь, которая больше получает, нежели дает, или восходящая любовь. В-третьих, когда те и другие любовные интенции уравновешены, наблюдается их обоюдность. Эти формы являются отражением, по убеждению А. Лосева, известного космо-антропологического порядка, когда Бог по отношению к человеку проявляет нисходящую любовь, а последний к нему – восходящую, в свою очередь, по этому образцу мужчина демонстрирует к женщине нисходящую любовь, а она преисполнена к нему любовью восходящей.

Своим самым важным результатом любви имеет чудесное преобразование «его» и «ее», что проявляется в некоторых формах. В первую очередь она «может вести к действительному и неразрывному соединению двух жизней в одну, только про нее и в слове Божьем сказано: будут два в одну плоть едину, т. е. станут одним реальным существом» [3, с. 511]. Происходит соединение мужского и женского начал в своем высшем выражении, сохраняющих тем не менее свою индивидуальность, но преображенную и просветленную, что приводит к восстановлению единства и целостности человеческой личности, полноте ее жизни, поскольку между любящим и любимым происходит всестороннее и полное взаимное дополнение друг в друге необходимых для жизни свойств, качеств и энергий. В результате два ограниченных существа (мужчина и женщина), обретая полную и всестороннюю взаимность, совершают

восхождение на более высокие уровни личностного и духовного развития.

Творческая сила любви содержательно нацелена не только на создание нового, более возвышенного человека, но и на преобразование, «одухотворение» окружающей его социальной и природной среды.

Эта объективная сила любви, проявляющаяся через откровение, в реальности у индивида проявляется как потенция, как «зачатки или задатки», что предполагает умение этим даром воспользоваться. По убеждению В. Соловьева, в подавляющем числе жизненных случаев эта потенция не превращается в действительность. Более того, достаточно часто сильная любовь приводит к страданиям и несчастьям и, как крайний вариант, к самоубийству или деформации личности. Поэтому в большинстве ситуаций любовь следует признать «за мечту», иллюзию, на короткое время ставшую частью человеческого естества и однажды исчезающую.

В рамках половой любви провозглашаются недостойными и противоестественными браки между мужчиной и женщиной, основанные исключительно на гражданско-правовых отношениях, либо только отношениях моральных, душевных, но лишенных высшего духовного (религиозного) начала, порождающего любовь.

В любовном пафосе заключена и некоторая слепота, побуждающая воспринимать любимого человека совсем по-другому, нежели его видят другие люди, т. е. его идеализировать. На протяжении жизни чаще всего «предмет любви не сохраняет в действительности того безусловного значения, которое придает ему влюбленной мечтой... Разом или понемногу пафос любовного увлечения проходит... Любовная идеализация... оказывается только приманкой, заставляющей нас желать физического и житейского обладания, и исчезает, как только эта совсем не идеальная цель достигнута» [3, с. 511, 518]. Поэтому перед человеком стоит великая задача – понять ее смыслы и содержания и внести их в собственную жизнь.

Физиологические моменты любви

Отмечая специфику половой любви (влюбленности), В. Соловьев указывает на то, что от других видов индивидуальной

человеческой любви она «отличается особенно нераздельным в ней единством духовной и физической стороны... для влюбленного психическое и телесное существо любимого хотя разным способом, но в *равной степени* интересны, значительны, дороги, он привязан к ним одинаково напряженностью чувства» [5, с. 230]. Правда, телесное должно быть освящено супружеской любовью, истинным человеческим браком. Что касается исключительно духовной любви, без других компонентов, то философ рассматривает ее как личностную аномалию. Он воспринимает отрицание плоти как ложную духовность, будучи убежденным, что истинная духовность заключается в ее (плоти) перерождении, спасении и воскресении.

Естественно, между любящими друг друга мужчиной и женщиной, мужем и женой, как правило, возникают в современном понимании интимные отношения. Но любовь, притом, очень яркая, эротическая, в представлении В. Соловьева, может быть и односторонней, без взаимности, полностью исключая физическую близость. Она же чаще всего не знает переплетения тел и в момент ухаживания, до брака, в котором она призвана получить свое окончательное завершение. Эротический пафос может наполнять любовные переживания и на расстоянии.

В концепции любви В. Соловьева наблюдается скептическое отношение к значимости ее физической, физиологической стороны. Он вполне определенно пишет: «Я называю половой любовью... исключительную привязанность (как обоюдную, так и одностороннюю) между лицами разного пола, могущими быть между собою в отношении мужа и жены, несколько не предпреляя при этом вопроса о значении физиологической стороны дела» [3, с. 511]. Далее он добавляет: «Внешнее соединение, житейское и в особенности физиологическое, не имеет определенного отношения к любви. Оно бывает без любви, и любовь бывает без него» [3, с. 518].

По убеждению русского философа, чрезмерный голос природы в любовных отношениях обеспечивает только временную, внешнюю и иллюзорную связь, разрушая в конечном счете желанную целостность между мужчиной и женщиной и скрывая от них путь должный и истинный.

В. Соловьев, безусловно, осуждает противоестественные для человека половые отношения, основанные на доминировании низшей, животной, чувственной сферы личности человека относительно ее высших содержаний, на «похоти плоти», нацеленной преимущественно на личностное наслаждение, в рамках которого другой человек выступает объектом его удовлетворения.

В его представлении, человеку, охваченному плотским инстинктом и включенному в процессы рождения и неминуемой смерти, чрезвычайно унижительно и нечестиво быть орудием слепой, безжалостной и темной силы природы, поскольку в ее рамках, рождаясь и умирая, люди в историческом процессе аморально сменяют друг друга, в особенности своих отцов.

Но плотское, физическое, физиологическое не является, в понимании В. Соловьева, однозначным злом. В «Оправдании добра» он отмечает, что «естественное отношение между мужчиной и женщиной представляет три стороны: 1) *материальную* – в физическом влечении, обусловленном природою организма; 2) *идеальную* – в той экзальтации душевного чувства, которая называется влюбленностью... 3) естественное половое отношение определяется со стороны своей *целесообразности*, или своего окончательного результата, т. е. деторождения». Но при этом, не исключая иные, «главное значение принадлежит в этом отношении среднему элементу – любовной экзальтации, или пафосу любви» [5, с. 491].

Что касается первого (плотского) элемента, то «в истинном браке естественная половая связь не уничтожается, а пресуществляется», т. е. «брак остается удовлетворением половой потребности, только сама эта потребность относится уже не к внешней природе животного организма, а к природе очеловеченной и ждущей обожествления» [5, с. 491]. В этом случае она необходима для любви как ее окончательная реализация, завершение, своего рода апогей любовных отношений. Сама эта половая потребность относится уже не к удовлетворению потребностей животного организма, а к утверждению образа Божия в человеке.

Деторождение, невозможное, как известно, без физического контакта между мужчиной и женщиной, рассматривается

русским философом в качестве безусловного добра, «спасительного дела» как для матери, так и для отца, участвующих в созидании жизни, делая оговорку, правда, что рождение младенцев отнюдь не является главной задачей любви, тем более осознавая тот факт, что самая сильная любовь далеко не всегда к этому приводит.

В. Соловьев специально подчеркивает тот факт, что изучение конкретных любовных отношений в российском обществе указывает на противоестественное их состояние, поскольку господствующее положение заняли те из них, которые основаны преимущественно на животной физиологической связи. Определенное их число имеют вид социально-нравственного семейного союза. И только немногие люди способны на чистую духовную любовь. Следовательно, «первым условием любви признается то, что должно быть лишь ее крайним, обусловленным проявлением. Это последнее – физическое соединение, поставленное на место первого и лишенное таким образом своего *человеческого* смысла... само неизбежно становится нравственной могилой любви гораздо раньше, чем физическая могила возьмет любящих» [3, с. 536].

Синтетический, «софийный» образ любви

Интерпретация физиологического компонента любви у В. Соловьева, таким образом, далеко выходит за рамки «черной тени, оттеняющей сияние света воздержания» в чем его обвинял известный русский философ В. Розанов [6, с. 208]. Интимная близость влюбленных, обретшая духовное начало, покидает пределы чисто физиологической связи. Она преодолевает барьеры и чисто душевных отношений, которые страдают неустойчивостью и чрезмерной эмоциональностью, а следовательно, временной ограниченностью. В рамках христианского мировоззрения она находится в подчинении идеального, абсолютного, пронизывающего все человеческое бытие, поскольку божественное начало ориентировано на сакрализацию всего сущего, играя «роль действующего, определяющего, образующего или оплодотворяющего элемента» [7, с. 83].

Идеальная любовь во всей своей полноте и глубине в концепции В. Соловьева является воплощением образа Софии – Ми-

ровой души. Как отмечает А. Лосев, «София у Соловьева – это основной и центральный образ, или идея... Ее он мыслил как нераздельное тождество идеального и материального, как материально осуществленную идею или как идеально преображенную материю» [2, с. 210]. София является наивысшей областью бытия, проливающей с небес вселенскую любовь, на которую человек призван ориентироваться, в той или иной степени ее отражая на протяжении всей своей жизни, стремясь таким образом преодолеть свою ограниченность и вписаться в вечность. По убеждению А. Лосева, в этой любви, в интерпретации русского философа, происходит «соединение чувственности и разума, непосредственного ощущения и опосредованного размышления, единичного и общего, или натурально-го и умозрительного... Точное ее определение совершенно невозможно» [2, с. 227]. Это высшее духовное начало имеет своим предметом в т. ч. человеческую половую любовь, отношения между мужчиной и женщиной в их конкретных проявлениях и может приобретать форму личностных, самых глубоких интимных переживаний.

Синтетическим образом Софии является Вечная Женственность, которая, например, в поэме В. Соловьева «Три свидания» одновременно представлена и как высь небес, и как вселенская глубина, и как одухотворенные феномены природы, и как образ любимой, «всепрекрасной» женщины, вызывающей восхищение мужчины, порождающей у него любовные интенции и олицетворяющий высшее духовное (религиозное) начало. Выдающийся русский философ С. Булгаков отмечал, что «Владимир Соловьев является единственным, который не только имел поэтические и философские созерцания относительно Софии, но и приписывал себе еще и личные к ней отношения, принимающие эротический характер, разумеется, в самом возвышенном смысле. Поэтому земную любовь он ощущал для себя... как некоторое падение или измену... У Соловьева София впервые является не только метафизической сущностью, но и ипостасью, конкретной женской личностью» [8, с. 315–316]. И этой личностью в различные периоды жизни В. Соловьева выступали Софья Хитрово, Софья Мартинова и Анна Шмидт. Так, в стихотворении

«Зачем слова?», посвященном Софье Мартиновой, он одновременно видит и «розовое сияние» вечной Софии, и образ любимой женщины, вызывающий в душе страстный огонь. В стихотворных строчках присутствуют пережитые страдания, порожденные ее равнодушием и холодом, но с этой женщиной он не в силах разорвать любовные узы. Поэтому вряд ли можно согласиться с Бердяевым, что «у В. Соловьева... был силен эрос платонический, который направлен на вечную женственность Божью, а не на конкретную женщину» [9, с. 337].

Подобное «софийное» состояние человека, достижимое только через соединение с Богом, позволяет индивиду обрести именно высшую, божественную любовь, объединить мужское с женским, духовное с телесным и благодаря этому стать на путь *богочеловеческий* и развернуться в богочеловеческой личности, что является ее уже новым рождением. Как подчеркивает советский философ А. Гулыга, в этом случае индивид, превратившись в «сверхчеловека», «богочеловека», в состоянии «решить главную задачу любви – увековечить любимое, спасти его от смерти и тлена» [10, с. 44].

При подобной божественной оптике любимая женщина воспринимается совсем по-другому, не так, как она видится внешнему наблюдению и восприятию. В ней для любящего становится очевидным и понятным ее истинная божественная сущность, поскольку человек есть «образ и подобие Божие». Отсюда уже проистекает один шаг к ее «обожению» и одухотворению. Более того, особый (божественный) характер высшего любовного чувства возникает и у женщины по отношению к мужчине, видящей в своем избраннике не только существо, проявляющее к ней максимальную заботу и нежность, но и в религиозном плане «действительного спасителя», который показывает ей, в чем заключается подлинный смысл ее жизни и путь к его осуществлению.

Образ Софии следует отличать от образа женственности Девы Марии, не только потому, что последний исторически и лично персонифицирован, в отличие от первого, но и по той причине, что, как отмечает М. Можейко, «являясь символом единения дольного и горнего миров, Мария... безусловно выступает олицетворением целомудрия... она принципиально асексу-

альна» и «является воплощением отречения» [11, с. 79]. Как уже отмечалось выше, соловьевский «софийный» облик любви при всех очевидных и бесспорных духовных содержаниях обладает и высокой страстностью, и эротическим пафосом.

Концепции любви Владимира Соловьева и Платона: сравнительный анализ

Софийный образ любви, разработанный В. Соловьевым, существенным образом является отражением теории любви Платона. Эти две теории целесообразно сопоставить в этой статье.

В первую очередь, как справедливо отмечал русский философ, Платоном всякая плотская, физическая любовь, «независимо от той либо другой формы, признана им за что-то вульгарное и неизменное, недостойное истинного человеческого призвания» [12, с. 609]. В его концепции любовь выступает как соперничество и противоборство двух устремлений души человека, – высшей и низшей. Низшая проявляется в виде исчезающего временного эротического пафоса, основанного на любви *к телесности*, и по своей природе стремится к бессмысленной «чувственной безмерности», которую невозможно утолить, насытить, наполнить живым содержанием. Подобная любовь, по убеждению древнегреческого мыслителя, лишена смысла, т. к. в конечном счете приводит человека к безобразию, тлению и последующей неминуемой смерти. Именно с эротической теорией любви Платона связано представление о высокой и чистой любви, получившей название платонической и свободной от злоупотребления природной чувственностью. Выше мы уже указывали на скептическое восприятие В. Соловьевым физиологических аспектов половой любви, но его критическая тональность по отношению к ним гораздо ниже, чем у Платона.

В концепции любви Платона ее «софийный» элемент, разработанный В. Соловьевым, обнаруживается и в ее понимании как гармоничного соединения небесного (божественного) и одновременно земного (человеческого) начала. Русский философ указывает на то, что любовь у древнегреческого мыслителя как «сила средняя между богами и смертными» призвана «строить мост между небом и землей и между ними и

преисподнею» [12, с. 611–612]. Вопрос заключается только в том, воспользуется ли человек этой помощью, а если – да, то каким образом? В этом ракурсе различия позиций двух философов наблюдается только по линии интерпретации сакрального источника любви: у В. Соловьева таковой является Мировая душа в виде Софии, у Платона – Эрос как проявление идеи красоты.

Общность понимания любви у обоих мыслителей связана также с указанием на то, что она, поселившись в сердце индивида, вызывает у него колоссальное воодушевление, творческую энергетику, «могучие крылья» и «новую силу бесконечности», что приводит его к радикальному преображению. Однако эта приобретенная мощь физических и душевных сил может быть потрачена на чувственные наслаждения, что прокладывает путь к гибели любви. По убеждению Платона, возможен единственно истинный ее вариант – *«рождать в красоте»* и через это увековечить любимого, избавить его смерти и тления. В представлении В. Соловьева, что собой представляет этот процесс «прямого ответа мы не найдем у Платона». Он «как будто... начинает блуждать по неясным и безысходным тропинкам. Его теория любви, неслышанная в языческом мире, остается недосказанной» [12, с. 613–614].

Со своей стороны, А. Лосев, крупнейший специалист по древнегреческой философии, отмечает, что платоновская просветленная любовь к вечной, бессмертной, *небесной* идее красоты как предельному понятию тем не менее «отражается и в больших, и в малых вещах, и в людях, и в событиях, и во всяких мельчайших моментах жизни» [13, с. 254]. Следовательно, любовь к общей, родовой идее красоты процедируется во всех существующие в мире отдельные красивые предметы, объекты, включая и человеческие образы, конкретные личности, порождающие и эротические, и эстетические чувства.

Подобный подход разделяет и В. Соловьев, в «софийной любви» которого исключительно половая любовь между мужчиной и женщиной является любовью ограниченной. Ее полнота требует того, чтобы воедино сливались любовь к божеству, а через это – и к женщине (мужчине), что получает свое завершение в браке, ценность

которого, правда, согласно Платону, является ограниченной.

Наибольшие же различия между теориями любви Платона и В. Соловьева проходят по линии отношения к однополой любви. Если древнегреческий философ допускает «пестроту» Афродиты», хотя и критично относится к ней, как и ко всякой телесной любви, то для русского философа она является одной из аномалий.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, В. Соловьев настаивает на том, что в истории человечества половая любовь не оказывает какого-либо существенного влияния на социальные процессы.

Во-вторых, свой «высший расцвет» она переживает в личностной, индивидуальной сфере, формируя важнейшие смыслы бытия человека и в первую очередь связана с преодолением его эгоизма. Она призвана наполнять абсолютным содержанием его существование.

В-третьих, любовь между мужчиной и женщиной в понимании русского философа обладает преимущественно нравственным и религиозным характером, а не чувственным пафосом.

В-четвертых, со стороны влюбленных, по убеждению В. Соловьева, необходимы не просто религиозная вера, но деятельная вера, нравственный подвиг и постоянный труд по укреплению и развитию светлого и творческого дара любви.

В-пятых, своим самым важным результатом любовь имеет неразрывное соединение двух жизней и личностей в одну, согласно слову Божьему.

В-шестых, в концепции любви В. Соловьева наблюдается скептическое отношение к значимости ее физической, физиологической стороны. Однако утверждается, что для влюбленного психическое и телесное в любимом *в равной степени* интересны и дороги, рождая эротический пафос. Но при этом они должны находиться в подчинении идеального, абсолютного, сакрального.

В-седьмых, творческая сила любви по своей природе нацелена не только на создание нового, более возвышенного человека, но и на преобразование окружающей его социальной и природной среды, «одухотворяя форму внешних явлений», включая и идеализацию любимого человека.

В-восьмых, идеальная любовь во всей своей полноте и глубине в концепции В. Соловьева является воплощением образа Небесной Софии как одновременное сочетание в отношениях между мужчиной и женщиной божественного и небожественного, сакрального и земного, духовного и эротического, что может быть спроецировано в конечном счете на образ конкретной (любимой) женщины, но подобная способность обнаруживается у немногих людей.

В-девятых, объективная сила любви в реальности выступает как потенция и откровение, предполагающие умение индивида этим даром воспользоваться и его объективировать.

В-десятых, софийный образ любви, разработанный В. Соловьевым, существенным образом является отражением теории любви Платона, в особенности относительно ее духовного измерения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев, Н. Метафизика любви и пола / Н. Бердяев // Русский эрос или философия любви в России. – М. : Прогресс, 1991. – С. 232–265.
2. Лосев, А. Ф. Владимир Соловьев и его время / А. Ф. Лосев. – М. : Прогресс, 1990. – 720 с.
3. Соловьев, В. С. Смысл любви / В. С. Соловьев // Сочинения : в 2 т. – М. : Мысль, 1990. – Т. 2. – С. 493–547.
4. Соловьев, В. С. Критика отвлеченных начал / В. С. Соловьев // Сочинения : в 2 т. – М. : Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 582–831.
5. Соловьев, В. С. Оправдание добра. Нравственная философия / В. С. Соловьев // Сочинения : в 2 т. – Т. 1. – М. : Мысль, 1990. – С. 47–580.
6. Розанов, В. В. Семья и жизнь / В. В. Розанов // Уединенное : собр. соч. : в 2 т. – М. : Правда, 1990. – Т. 1. – С. 207–215.

7. Соловьев, В. С. Лекции по истории философии / В. С. Соловьев // *Вопр. философии.* – 1989. – № 6. – С. 76–137.
8. Булгаков, С. Владимир Соловьев и Анна Шмидт / С. Булгаков // *Русский эрос, или философия любви в России.* – М. : Прогресс, 1991. – С. 315–319.
9. Бердяев, Н. А. Самопознание / Н. А. Бердяев // *Самопознание.* – Харьков : Эксмо, 2005. – С. 259–637.
10. Гулыга, А. В. Философия любви / В. С. Соловьев // *Сочинения : в 2 т.* – М. : Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 33–46.
11. Можейко, М. А. Любовь как феномен европейской культуры: от Афродиты к Марии / М. А. Можейко // *Социология.* – 2016. – № 4. – С. 74–80.
12. Соловьев, В. С. Жизненная драма Платона / В. С. Соловьев // *Сочинения : в 2 т.* – М. : Мысль, 1990. – Т. 2. – С. 582–625.
13. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Высокая классика / А. Ф. Лосев. – М. : Искусство, 1974. – 600 с.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 01.06.2020

УДК 316.347

Александр Владимирович Посталовский
канд. социол. наук, ведущий науч. сотрудник
Центра социологических и политических исследований
Белорусского государственного университета
Alexandr Postalovsky
PhD of Sociological Sciences, Leading Researcher
of the Center for Sociological and Political Researches
of the Belarusian State University
e-mail: postalnio@tut.by

ДОВЕРИЕ К СМИ КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

В условиях медиаконвергенции системы средств массовой информации и общей тенденции возрастания спроса на информационный контент, воспроизводимый в пространстве социальных медиа, особую актуальность приобретают вопросы доверия СМИ. Неупорядоченность информационных потоков, многообразие содержания информационных материалов и не во всех случаях проверенная в фактологическом контексте и в плане достоверности массовая информация требуют от научной общественности обращения к такой проблематике, как доверие к СМИ. Представленная статья посвящена социологическому изучению эмпирических индикаторов доверия аудитории к национальным средствам массовой информации. На основе данных массового опроса населения, проведенного в 2019 г. Центром социологических и политических исследований БГУ по заданию Министерства информации Республики Беларусь, формулируется содержание доверительных оценок к средствам массовой информации в контексте изучения структурных сегментов национального информационного поля: телевидение, печатные СМИ, социальные медиа, сетевые новостные ресурсы.

Trust in the Media as a Sociological Category

In the context of the media convergence of the media system and the general trend of an increasing demand for information content reproduced in the social media space, issues of media trust are becoming especially relevant. The disorganization of information flows, the variety of content of information materials, and not in all cases verified in a factual context and in terms of reliability, mass information require the scientific community to address such issues as trust in the media. The presented article is devoted to the sociological study of empirical indicators of audience trust in the national mass media. Based on the data of a mass survey of the population, conducted in 2019 by the Center for Sociological and Political Research of the Belarusian State University on the instructions of the Ministry of Information of the Republic of Belarus, the content of confidence assessments to the media is formulated in the context of studying the structural segments of the national information field: television, print media, social media, network news resources.

Введение

В условиях неупорядоченного функционирования потоков массовой информации немаловажным аспектом изучения особенностей развития информационного поля выступает анализ показателей доверия национальным средствам массовой информации. Доверие представляет собой социально-психологическую убежденность в позитивном восприятии доверяемому субъекту, в частности, к воспроизводимому информационному контенту. Доверие к СМИ в данном случае – это убежденность потребителей информации в достоверности формируемого информационного контента, оказывающего воздействие на сознание и поведенческие установки.

Достоверность фактологического материала, простота восприятия и инновационные технологии распространения массовой информации во многом обуславливают доверительное отношение аудитории к национальным СМИ. В указанных контекстах представляется необходимым эмпирическое измерение индикаторов доверия аудитории к средствам массовой информации каждого структурного сегмента национального информационного поля. Доверие в данном случае рассматривается как социологическая категория, представляющая собой личностную убежденность в достоверности воспроизводимой массовой информации. Актуальность заявленной проблематики формирует цель настоящей статьи – социологиче-

ский анализ эмпирических данных, отражающих степень доверия населения Республики Беларусь к национальным СМИ.

Анализ показателей доверия национальным средствам массовой информации проводился Центром социологических и политических исследований Белорусского государственного университета (ЦСПИ БГУ) в 2019 г. в рамках научно-исследовательской работы «Разработка комплекса научно-практических рекомендаций, направленных на формирование посредством СМИ поведенческих установок населения в период организации и проведения важнейших общественно-политических мероприятий в Республике Беларусь», выполняемой в рамках договора с Министерством информации Республики Беларусь. В контексте реализации НИР был организован и проведен массовый опрос населения Беларуси (национальная стратифицированная выборка, объем выборочной совокупности – 1 000 респондентов, опрошенных по принципу «лицом к лицу») по вопросам доверия к национальным средствам массовой информации.

Как отмечает Т. А. Рассадина, «доверие возникает при взаимодействии ряда факторов: интересов человека, его установок, эмоциональных реакций и личного опыта. Позитивные результаты действий вызывают доверие к ним и при повторении закрепляют положительную реакцию доверия» [1, с. 61]. Доверие к средствам массовой информации в указанных контекстах предполагает также, помимо убежденности в достоверности транслируемого материала, увеличение частоты обращения к доверяемому информационному ресурсу. Если потребитель информации доверяет конкретному изданию в вопросах достоверности публикуемых материалов, то он будет неоднократно в последующем обращаться за получением сведений о повседневности и

окружающем мире именно в это издание. По мнению А. К. Лариной, «средства массовой информации в этой ситуации есть показатель, подтверждающий или не подтверждающий надежность получаемой индивидом информации» [2, с. 83]. Поэтому эмпирические показатели доверия представляются более эффективными и содержательными в плане анализа рейтинговых показателей востребованности конкретного информационного ресурса, поскольку само по себе доверие – это не только положительное восприятие, но и последующая частота обращения к информации. В связи с этим предполагается рассмотреть показатели доверия в отношении каждого сегмента национального информационного поля.

Согласно результатам многолетних мониторинговых социологических исследований, выполненных ранее ЦСПИ БГУ по заданию Министерства информации Республики Беларусь в 2003–2019 гг., наиболее востребованным и популярным структурным сегментом поля выступает телевидение.

Несмотря на некоторое уменьшение показателей востребованности среди аудитории, а также развитие современных информационно-коммуникативных технологий и рост популярности Интернета, телевизионное вещание, на наш взгляд, еще очень долгое время будет выступать востребованным сегментом национального информационного поля. Аспекты простоты восприятия телевизионного сюжета, визуального эффекта «присутствия» зрителя в экранном изображении и особенностей высокого психоэмоционального информационного воздействия на аудиторию выступают в качестве категории, позволяющей объяснить высокую степень востребованности телевидения.

В таблице 1 представлены показатели доверия телевизионным каналам («Каким телевизионным каналам Вы доверяете?»).

Таблица 1. – Показатели доверия населения Беларуси телевизионным каналам, %

Телеканал	
ОНТ	42,4
БТ-1	39,9
НТВ	22,3
РТР	18,3
БТ-2	16,5
СТВ	8,7
БТ-3	6,3
Euro News	4,6

Окончание таблицы 1

БТ-4	3,8
Мир	3,3
БТ-5	3,3
БТ-24	1,8
Россия-1	1,3
БТ (без указания)	1,1
Белсат	0,5
Не смотрю телевизор	26,7

Согласно представленным в таблице 1 данным, наиболее востребованными телеканалами в контексте доверия телеаудитории выступают белорусские телевизионные каналы. Телеканал ОНТ (42,4 %) подтвердил репутацию многолетнего лидера отечественного телевизионного сегмента национального информационного поля. Именно этот телеканал, начиная с 2003 г., занимает лидирующие позиции среди потребителей информации. Второе место в плане доверия занимает телеканал Беларусь-1 (39,9 %). В ранее реализованных ЦСПИ БГУ исследовательских проектах в рамках исполнения НИР «Особенности функционирования информационного поля Республики Беларусь

в современных условиях (социологический мониторинг)» в 2003–2017 гг. второе и третье места по востребованности и частоты обращения занимали телеканалы НТВ-Беларусь и РТР-Беларусь соответственно. Как показал массовый опрос населения, проведенный ЦСПИ БГУ в 2019 г., телеканал Беларусь-1 существенно повысил свои показатели в плане доверия воспроизводимому информационному контенту, отодвинув НТВ и РТР на третью и четвертую позицию.

Также представляется актуальным рассмотрение массива эмпирических данных в контексте возрастных социально-демографических групп.

Таблица 2. – Показатели доверия населения Беларуси телевизионным каналам по возрастным группам, %

Телеканал	18–29	30–44	45–59	60 и старше
ОНТ	27,8	39,9	43,6	56,9
БТ-1	21,3	32,0	44,3	60,1
НТВ	11,7	20,9	23,5	32,0
БТ-2	7,8	13,8	14,8	28,9
Россия (РТР)	6,5	13,8	20,1	31,6
БТ-4	3,9	3,6	3,4	4,3
СТВ	3,0	6,7	14,0	10,3
БТ-5	0,9	3,6	3,8	4,7
БТ-3	1,7	7,1	4,2	11,9
БТ-24	0,4	2,0	1,1	3,6
Белсат	0,4	1,6	–	–

Как показывают представленные в таблице 2 данные, практически в отношении всех телеканалов наблюдается зависимость снижения показателей доверия телевизионному контенту от возраста аудитории ТВ. Как правило, молодежная аудитория (18–29 лет) в меньшей степени склонна доверять телеканалам, нежели старшее поколение. Только у телеканала Беларусь-4 не наблюдается существенных расхождений показателей в разрезе возрастных групп.

Молодежная аудитория телеканала ОНТ (27,8 %) превышает показатели аудитории канала Беларусь-1 (21,3 %). Однако

если рассматривать эмпирические показатели в разрезе старшей возрастной группы (60 лет и старше), то аудитория Беларусь-1 (60,1 %) в количественном плане будет превышать аудиторию ОНТ данном случае (56,9 %). Для телеканала Беларусь-2 характерен условный паритет в плане доверия телевизионному контенту в возрастных группах 30–44 и 45–59 (13,8 и 14,85 % соответственно).

Резюмируя показатели в контексте национальной принадлежности информационного контента, необходимо отметить, что белорусский национальный телевизионный

продукт в целом пользуется доверием со стороны аудитории.

Доверие информационному контенту в контексте исследования медиапотребления печатных СМИ имеет свои особенности в плане содержания. Если телевидение воздействует на массовое сознание и поведенческие установки посредством визуального и психоэмоциональным управлением бессознательного, то в случае с газетами на первый план выходит аналитическое усвоение текста. Телевизионный эффект воздействия

имеет ярко выраженную эмоциональную составляющую, содержание которой определяется режиссером и оператором, а при ознакомлении с материалами газет читатель «включает» аналитическое восприятие и критическое мышление. Вследствие этого в эвристическом плане доверие, формируемое в контексте усвоения печатного текста, приобретает более осознанный характер по сравнению с телевидением.

В таблице 3 представлены показатели доверия печатным СМИ.

Таблица 3. – Показатели доверия населения Беларуси печатным СМИ, %

Печатное издание	
Региональная газета	23,8
СБ-Беларусь Сегодня	15,0
Комсомольская правда в Беларуси	6,7
Аргументы и факты в Беларуси	5,0
Вечерний Минск	1,5
Друг пенсионера	1,1
Звезда	1,0
Республика	1,0
Народная воля	0,7
Не читаю газеты	58,0

Согласно представленным в таблице 3 данным, наиболее рейтинговым изданием в плане доверия выступает издания «СБ-Беларусь Сегодня» (15,0 %). Вместе с тем тройка лидеров печатного сегмента национального информационного поля («СБ», «КП в Беларуси», «АиФ в Беларуси») заметно уступают собирательному (сумма показателей) эмпирическому показателю региональных печатных СМИ. Аудитория может не читать центральные газеты, при этом регулярно обращается за достоверной информацией в региональные печатные издания, что уже отмечалось в рамках реализации ЦСПИ БГУ других исследовательских проектов совместно с Министерством информации Республики Беларусь. Также не-

обходимо отметить высокий показатель респондентов (58 %), которые в принципе не читают газет, что выступает отражением общей тенденции снижающегося интереса к печатным СМИ как источнику получения массово-политической информации.

Интернет-ресурсы в контексте исследования медиапотребления белорусской аудитории в 2019 г. стали в один ряд с телевидением как наиболее востребованные сегменты национального информационного поля [3, с. 114]. Изучая показатели конкретных сетевых ресурсов в социологическом измерении, необходимо отметить наличие явного лидера в плане доверительного отношения к воспроизводимому информационному контенту (таблица 4).

Таблица 4. – Показатели доверия населения сетевым ресурсам (интернет-сайтам), %

Сайт	
Tut.by	39,2
Yandex.ru	8,4
Onliner.by	7,6
Google.com	3,4
Mail.ru	2,2
Youtube.com	1,2
Chapter97.org	1,1
Lenta.ru	1,0
SB Беларусь Сегодня	0,8
Не пользуюсь Интернетом	26,3

Согласно представленным в таблице 4 данным, доминирующим ресурсом в контексте доверия выступает портал «Tut.by» (39,2 %). Данный портал значительно опережает в плане доверия другие информационные ресурсы. Необходимо также отметить, что другие рейтинговые ресурсы, в частности «Yandex.ru» и «Google.com», являются преимущественно поисковыми системами, в то время как «Tut.by» является полноценным информационно-аналитическим порталом.

Средства сетевой виртуальной медиакommunikации (ССВМК), или социальные

медиа, представляют собой сетевое онлайн-пространство, основной задачей которого выступают визуализированные социальные отношения, межличностное общение между интернет-пользователями, формирование интерактивных форм самопрезентации, а также возможность индивидуального создания и последующего распространения информационного контента. Представленные в таблице 5 данные отражают структуру потребления социальных медиа в контексте доверия к воспроизводимому информационному контенту.

Таблица 5. – Показатели доверия населения социальным медиа, %

Социальные сети	
Вконтакте	16,9
Одноклассники	10,2
Инстаграм	7,6
Facebook	6,2
Telegram	2,6
Не пользуюсь социальными сетями	32,4

Наиболее востребованными ресурсами в социальных медиа выступают сети «Вконтакте» (16,9 %), «Одноклассники» (10,2 %), «Инстаграм» (7,6 %). В целом основным мотивом пользования социальными медиа выступают коммуникация и досуг. Установление межличностных связей между пользователями социальных медиа, просмотр видео, музыки являются основными целями, которые преследуют потребители массовой информации, использующие данные ресурсы. Доверие к размещенному информационному контенту – это реакция аудитории на воспроизводимую информацию. В социальных медиа прежде всего реализуется коммуникативная и досуговая функция, а также возможность индивидуальной самопрезентации. На практике в социальных медиа доверие информационному контенту определяется посредством репостов и инструментов визуального социального одобрения в сетевом пространстве («лайки», «классы», отметка «мне нравится»).

Заключение

Таким образом, рассмотрев эмпирические показатели доверия к национальным средствам массовой информации со стороны аудитории, необходимо отметить следующее. Доверие как социологическая ка-

тегория выступает эффективным инструментом востребованности конкретного СМИ, поскольку предполагает социально-психологическую убежденность потребителя информации в достоверности контента, которая выступает гарантом последующего обращения зрителя, читателя или пользователя социальных медиа к указанному информационному ресурсу.

Региональные печатные издания в целом в плане доверительного отношения к воспроизводимой информации более востребованы, нежели центральные печатные газеты. В печатном сегменте национального информационного поля в контексте доверия лидирует издание «СБ-Беларусь Сегодня», что свидетельствует о высокой степени конструктивного восприятия аудитории государственных средств массовой информации.

В телевизионном сегменте национального информационного поля наиболее востребованными телеканалами являются ОНТ и Беларусь-1. Указанные результаты подтвердили тенденции многолетнего изучения национального информационного поля в мониторинговом режиме, проводившегося ранее в 2003–2017 гг. В рамках заявленных медиаисследований телеканал ОНТ выступал в качестве лидера национального теле-

визіоннага прастранства в плане востребованности и доверия.

В сегменте сети Интернет доминирующее положение занимает новостной портал «Tut.by». При этом в структуре доверительного восприятия информационного контента вслед за «Tut.by» идут преимущественно поисковые системы, в то время как указанный сетевой ресурс по своему содержанию выступает в качестве как информационно-аналитического портала и соцмедийного ресурса с визуализированной реакцией зарегистрированных пользователей. В пространстве социальных медиа указанные каналы воспроизводства информационного контента воспринимаются скорее как ин-

струмент коммуникации, нежели как доверительный источник воспроизводства массовой информации.

В целом доверие как социологическая категория представляется эффективным инструментом медиаизмерения эффективности функционирования конкретных средств массовой информации в контексте воздействия на аудиторию. Убеждение в достоверности информации формирует поведенческие установки на последующее и неоднократное обращение к конкретным СМИ, что, в свою очередь, повышает их востребованность на медийном рынке.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рассадина, Т. А. Доверие к средствам массовой информации в условиях «общества риска» (на примере российских провинциальных городов) / Т. А. Рассадина // Изв. высш. учеб. заведений. Поволж. регион. Обществ. науки. – 2012. – № 1 (21). – С. 61–70.
2. Ларина, А. К. Доверие к СМИ: методы исследования и возможности трактовки имеющихся данных / А. К. Ларина // Актуальные вопросы современной науки : сб. науч. тр. – Новосибирск : ЦРНС-Сибпринт, 2009. – Вып. 8. – С. 81–86.
3. Посталовский, А. В. Современные тенденции функционирования национального информационного поля Республики Беларусь / А. В. Посталовский // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. – 2020. – № 1. – С. 110–118.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 27.10.2020

УДК 316.74:069.1(476)

Смыкова Евгения Юрьевна

канд. социол. наук, ст. науч. сотрудник отдела социологии культуры
Института социологии Национальной академии наук Беларуси

Yevgeniya Smykova

PhD in Sociology, Senior Researcher of Department of Cultural Sociology
of Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus

evgsmykova@gmail.com

СОВРЕМЕННЫЙ МУЗЕЙ БЕЛАРУСИ: ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ И ПОТРЕБЛЕНИЯ МУЗЕЙНЫХ УСЛУГ

Обоснована необходимость использования социолого-статистического анализа в вопросах изучения феномена музея. В основной части на основе статистических данных изучены основные показатели развития музейного дела в Беларуси (численность, территориальная представленность, количество организуемых мероприятий, уровень посещаемости и др.). Результаты социологического исследования позволили разработать социально-демографический профиль посетителя музея и выявить особенности потребления населением музейных услуг. Сделан вывод, что именно системный анализ статистических и социологических данных позволит создать целостное представление относительно общей картины развития музейного дела (на примере музеев системы Министерства культуры Республики Беларусь), а также характерных черт потребления музейных услуг.

Modern Museum of Belarus: Features of Development and Consumption of Museum Services

In the introduction the relevance of the problem under study is indicated. The necessity of using sociological and statistical analysis in the study of the museum phenomenon is substantiated. The author on the basis of statistical data studied the main indicators of the development of the museum in Belarus (number, territorial representation, the number of events organized, the level of attendance and etc.) in the main part. In addition, the results of a sociological study made it possible to develop a socio-demographic profile of a visitor to the museum and to reveal the characteristics of consumption of museum services by the population. In conclusion, the author comes to the conclusion that it is a systematic analysis of statistical and sociological data that will make it possible to create a holistic view of the general picture of the development of museum as well as the characteristic features of the consumption of museum services.

Введение

В обществе современного типа музей занимает устойчивое место в сфере культуры. Объясняется это в первую очередь интенсивным развитием музейной сети, расширением направлений деятельности и в связи с этим – спектра организуемых мероприятий. На фоне положительных тенденций, характерных для отдельных показателей развития музейной сферы, – роста количества проводимых культурных мероприятий, численности посещений актуальным остается вопрос востребованности музеев среди населения, поскольку, как показывает практика, высокие статистические показатели, характерные для конкретных направлений функционирования музеев, в полной мере не отражают качественную составляющую их деятельности, степень соответствия современным тенденциям и культурным запросам общества. В связи с этим актуальным представляется социолого-стати-

стический анализ особенностей развития музеев и потребления музейных услуг.

Музейная сеть в Беларуси представлена музеями, находящимися в подчинении различных структур, таких как Министерство культуры, Министерство образования, другие ведомства, в нее также включаются учреждения частной формы собственности либо учреждения, созданные общественными объединениями.

Данное исследование посвящено изучению одного из секторов отечественной музейной сферы – музеев, находящихся в подчинении Министерства культуры Республики Беларусь.

Музейная сеть учреждений системы Министерства культуры Республики Беларусь по данным на конец 2019 г. представлена 203 государственными музеями, из них 151 – музеи централизованного управления и 52 филиала (здесь и далее представлены статистические данные из Госу-

дарственной информационной системы «Отраслевой интегрированный банк данных учреждений культуры»).

В динамике, начиная с 2008 г., наблюдается интенсивное развитие музейной сети. Государственная музейная сеть расширяется за счет появления новых музеев, а также и открытия филиалов на базе существующих. В результате за последние 11 лет количество музеев выросло на 16,7 % и составило в числовом выражении 203. Фиксируется достаточно неравномерный рост численности музеев в различные временные периоды – кардинальные изменения произошли в 2010 г. и 2014 г. Начиная с 2015 г. наблюдается постепенное сокращение численности учреждений (таблица 1).

Распределение музеев по территории страны достаточно неравномерное. По регионам наибольшая концентрация музеев фиксируется в Витебской области – 43; в Брестской области функционируют 34 учреждения, в Минской – 32, в Могилевской – 29. Несколько ниже показатели в Гомельской (26) и Гродненской (20) областях. Столичный регион представлен 19 музеями (по состоянию на конец 2019 г.).

По охвату населения музеями лидирующую позицию занимает Витебская область – 26,4 тыс. человек (по состоянию на конец 2019 г.); Могилевская и Брестская области – 35,3 и 39,6 тыс. человек соответственно. Промежуточное положение по данному критерию занимает Минская область (46 тыс. человек). Чуть более чем 50 тыс. человек приходится на один музей в Гродненской (51,3 тыс. человек) и Гомельской (53,3 тыс. человек) областях. Крайнюю позицию в зависимости от степени охвата населения музеями страны занимает г. Минск (таблица 2).

Современное музееведение оперирует несколькими системами классификаций музеев. Наиболее широко используемой считается классификация, разработанная на основе профильной направленности учреждения. В целом музейная сеть страны представлена учреждениями разнопрофильной направленности. Основной массив учреждений (60,6 %) относится к комплексному профилю, 23,6 % – исторические, 8,9 % – литературной направленности, 5,9 % – художественные музеи. Меньшего всего в му-

зейной сети представлены учреждения природоведческого профиля (0,9 %) (по состоянию на конец 2019 г.) (рисунок 1).

Обозначенные выше показатели развития музейного дела дают общую характеристику относительно специфики функционирования данной сферы. Дополнить и расширить представление об изучаемом феномене позволяет анализ ключевых направлений деятельности музеев, к которым относится организация экспозиций, экскурсионное обслуживание, культурно-образовательная деятельность. По данным направлениям музеи, используя предметы фонда, активно реализуют коммуникационную и образовательную функции в обществе.

Из года в год музеи стремятся продемонстрировать высокие показатели касательно численности организуемых культурно-образовательных мероприятий, выставок и проведенных экскурсий. Начиная с 2008 г. наблюдается положительная тенденция увеличения количества выставок на 76,7 %, экскурсий на 51,5 %, культурно-образовательных мероприятий – на 47,8 %. По итогам 2019 г. фиксируется падение показателей по количеству проведенных экскурсий чуть более чем на 4 тыс. и незначительное сокращение организуемых культурно-образовательных мероприятий (таблица 3).

По регионам плане по выделенным выше основным направлениям функционирования музеев были зафиксированы следующие особенности. Первое место в зависимости от количества организуемых музеями экскурсий занимает г. Минск (25 712) и Минская область (25 291), наиболее низкие показатели характерны для Могилевской области (7 839) (по состоянию на конец 2019 г.).

Вместе с тем Могилевской области принадлежит лидирующая позиция по организации культурно-образовательных мероприятий – 6 050. Достаточно невысокие показатели по количеству проводимых культурно-образовательных мероприятий (1 167) и выставок (325) демонстрирует Гродненский регион. Наибольшее количество выставок было организовано в Гомельской области (1 137).

Таблица 1. – Динамика численности государственных музеев системы Министерства культуры Республики Беларусь с учетом филиалов

	Год											
	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Общее количество музеев	174	174	197	194	205	207	212	210	208	208	201	203

Таблица 2. – Распределение численности населения на один музей области (по состоянию на конец 2019 г.) [1]

Область	Количество жителей	Количество музеев	Количество жителей на один музей
Витебская	1133,4	43	26,4
Могилевская	1023,0	29	35,3
Брестская	1347,0	34	39,6
Минская	1472,0	32	46
Гродненская	1025,8	20	51,3
Гомельская	1386,6	26	53,3
г. Минск	2020,6	19	106,3

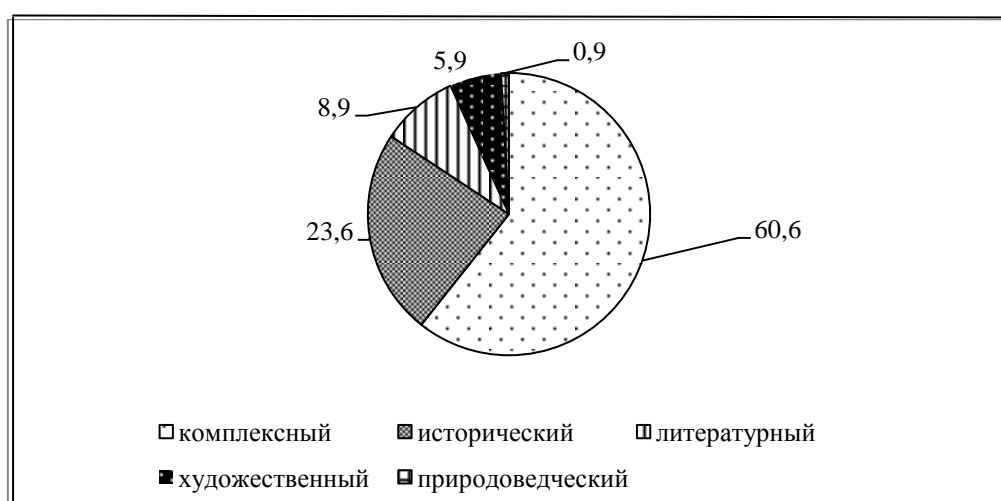

Рисунок 1. – Профильная направленность музеев системы Министерства культуры Республики Беларусь с учетом филиалов (по состоянию на конец 2019 г.), %

Таблица 3. – Динамика численности мероприятий, организуемых музеями (2008–2019 гг.)

Год	Выставки	Экскурсии	Культурно-образовательные мероприятия
2008	2583	81662	15656
2009	3289	82063	16531
2010	3441	98497	18669
2011	3549	102725	18745
2012	3746	99867	18893
2013	3861	111855	20443
2014	3960	123649	20625
2015	4199	124547	20148
2016	4345	127008	22300
2017	4340	120806	22968
2018	4228	127865	23164
2019	4565	123478	23138

Однако на практике показатели, характеризующие число проводимых меро-

приятий, не всегда могут свидетельствовать об эффективности деятельности музея. Це-

лесообразно в аналитических целях оперировать данными относительно количества посещений музея в целом и каждого мероприятия в отдельности.

Статистические данные демонстрируют устойчивый рост количества посещений музеев в отношении числа экспозиций, выставок и культурно-образовательных мероприятий. В процентном выражении по сравнению с 2008 г. показатели посещаемости конкретных мероприятий – экспозиций, выставок выросли на 55,5, культурно-обра-

зовательных – на 99,8 % соответственно. Однако в некоторые временные периоды зафиксированы незначительные сокращения количества посещений, в частности, по итогам 2013 г., 2017 г. – экспозиций, выставок, 2014 г., 2017 г., 2019 г. – культурно-образовательных мероприятий, 2017 г. – снизился общий показатель посещаемости музеев. В совокупности посещаемость музеев за анализируемый период (2008–2019 гг.) увеличилась на 63,3 % (рисунок 2).

Рисунок 2. – Общее количество посещений, в том числе количество посещений в зависимости от вида мероприятия

Для более детального анализа показателей посещаемости музеев населением целесообразно в дополнение к другим использовать коэффициент посещаемости, который вычисляется как отношение количества посетителей к численности населения региона, где располагается музей¹. Показатель посещаемости музея входит в число «базовых критериев оценки вклада музея в культурное развитие общества» [2, с. 18]. Таким образом, на основе расчета коэффициента посещаемости следует, что наиболее высокий показатель зафиксирован среди музеев Гродненской области (0,85) (по состоянию на конец 2019 г.). Достаточно высокие данные были получены в Брестской (0,76), Минской (0,74) и Витебской (0,71) областях. Несколько ниже показатели демонстрирует г. Минск (0,69) и Гомельская об-

ласть (0,59). Крайнюю позицию по данному показателю занимает Могилевская область (0,48) (таблица 4).

Проанализировав более подробно статистические данные, следует заключить, что в региональном плане мероприятия различной направленности посещаются достаточно неравномерно. Оказалось, что наиболее востребованными в отношении выставок, экспозиций оказались музеи Минской области, численность посещений которых составляет 947,4 тыс. человек (по состоянию на конец 2019 г.). Что касается культурно-образовательных мероприятий, то высокие значения по данному показателю демонстрируют учреждения г. Минска – 481,3 тыс. человек. Низкие показатели посещаемости культурно-образовательных мероприятий зафиксированы в Гродненской области (51,2 тыс. человек), а в Могилевской области (324,3 тыс. человек) – экспозиций, выставок.

¹Чем больше значение коэффициента, тем выше рейтинговое место области по данному показателю.

Что же касается популярности учреждений, то, опираясь на статистические данные за 2019 г., был составлен перечень музеев системы Министерства культуры Республики Беларусь, которые характеризуются наиболее высокими показателями посещаемости. Первое место по данному показателю занимает Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны, количество посещений которого превысило 577 тыс. человек. Последующие позиции занимают Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой» – 474 тыс. человек и Национальный историко-культурный музей-заповедник «Несвиж» –

426 тыс. человек. На четвертом месте расположился Национальный исторический музей Республики Беларусь – 386 тыс. человек; далее следуют Гомельский дворцово-парковый ансамбль – 338,0 тыс. человек, Замковый комплекс «Мир», Государственный мемориальный комплекс «Хатынь» и Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник (329, 250 и 247 тыс. человек соответственно). Замыкают список учреждений Гродненский государственный историко-археологический музей – 195 тыс. человек и Гомельский областной музей военной славы – 131 тыс. человек [3].

Таблица 4. – Коэффициент посещаемости музеев (по состоянию на конец 2019 г.) [1]

Область	Население, тыс. человек	Количество посещений, тыс.	Коэффициент	Рейтинг
Гродненская	1 025,8	868,0	0,85	1
Брестская	1 347	1 024,4	0,76	2
Минская	1 472	1 089,2	0,74	3
Витебская	1 133,4	802,1	0,71	4
г. Минск	2 020,6	1 404,5	0,69	5
Гомельская	1 386,6	819,7	0,59	6
Могилевская	1 023	488,7	0,48	7

Таким образом, выше были рассмотрены основные показатели развития музейного дела в Беларуси, основанные на анализе статистических данных относительно численности учреждений, их профильной и территориальной представленности, количества организуемых мероприятий, а также уровня посещаемости музеев, его конкретных направлений работы и в целом популярности учреждений среди населения.

Статистические показатели, характеризующие в целом современные тенденции развития музейного дела, позволяют представить лишь одну сторону исследуемой проблематики. Расширить представление о феномене музея возможно на основе анализа специфики потребления населением музейных услуг. Изначально следует остановиться на досуговых практиках населения, для того чтобы проанализировать их структуру и определить место музейных практик.

Согласно данным социологического исследования, проведенного в 2019 г., подавляющее большинство населения Беларуси (87,2 %) отдает приоритет домашним формам досуговых практик. На фоне интенсивного развития современных информаци-

онных технологий наблюдается рост численности респондентов, которые выбирают в качестве возможной формы досуга проведение свободного времени в Интернет-пространстве, т. е. если в 2013 г. данный показатель был зафиксирован на уровне 38,6 %, то уже в 2019 г. – 58,8 %². Половина опрошенных респондентов отметила в качестве приоритетных досуговых практик занятие любимым делом (50,7 %) и выезд на природу (49,1 %). Все большую популярность, особенно среди молодежи, набирает такая альтернативная форма проведения досуга, как посещение торговых, торгово-развлекательных центров, которая, по данным исследования, актуальна для 35,7 % респондентов. Что же касается культурных практик, к примеру, посещения учреждений культуры, спорта, а также культурных площадок, событий, то данный пункт отметил каждый пятый респондент. Самообразование, в частности, прохождение различного

²В качестве эмпирической базы выступали результаты социологических исследований, проведенных Институтом социологии НАН Беларуси в 2013, 2019 гг. Объем выборочной совокупности составил 1 545, 1 947 человек соответственно.

рода курсов, тренингов и т. п. в свободное время востребовано среди 17,7 % опрошенных. Крайнюю позицию среди досуговых практик занимает участие в мероприятиях, проводимых общественными или политическими движениями, организациями (5,3 %).

В условиях активного развития городской инфраструктуры количество пространственных площадок для удовлетворения досуговых потребностей стремительно растет, в т. ч. за счет появления инновационных форм организации досуга. Как показывают результаты исследования, внедомашние формы проведения досуга, в частности, посещение учреждений культуры, спорта актуальны для пятой части респондентов. Однако востребованность каждого из них по отдельности существенно различается. Со-

гласно полученным данным, к числу наиболее популярных мест проведения досуга относятся развлекательные учреждения – парки отдыха, парки с аттракционами (67,1 %) и кинотеатры (56 %). Чуть меньше половины опрошенных предпочитает посещать концертные залы (48,9 %). Спортивный зал, бассейн, а также театры и музеи находятся в пределах 42,2–45,1 %. Для трети респондентов досуг ассоциируется с проведением свободного времени в залах библиотеки. Практически четвертая часть респондентов отдает предпочтение в сторону инновационных форм досуговых практик, в частности, антикафе, арт-центров и др. В числе менее популярных оказались клубы, где проходят занятия по интересам (18,6 %) (таблица 5).

Таблица 5. – Посещаемость учреждений культуры и спорта (2019 г.), %

Музей	45,1
Театр	44,4
Кинотеатр	56,0
Библиотека	33,3
Антикафе, арт-центры	23,6
Парк отдыха	67,1
Спортивный зал, бассейн	42,4
Концертный зал	48,9
Клуб, где проходят занятия по интересам	18,6

В структуре учреждений культуры и спорта музей по популярности среди населения располагается на четвертой позиции. В динамике наблюдаются некоторые подвижки в сторону увеличения уровня посещаемости музея – в 2013 г. показатель был зафиксирован на уровне 40,2 %, в 2019 г. – 45,1 %. В целях более детального анализа профиля посетителя музея остановимся на ключевых социально-демографических характеристиках. Преобладающее большинство посетителей музеев составляют женщины (63 %) и только 37 % – мужчины. В целом посещающая музей часть населения представлена всеми возрастными группами: практически треть составляют респонденты в возрасте 25–39 лет (32,4 %), 40–54 лет – 24,8 %, до 24 лет включительно – 22,3 %; каждый пятый относится к группе 55 лет и старше.

Что же касается уровня образования, то следует отметить, что 33,4 % посетителей имеет высший уровень образования, 29,5 % – среднее специальное, 26,7 % – общее среднее и только 10,4 % респондентов

закончили профессионально-технические учреждения³. С целью изучения типа занятости посетителей были выделены три группы: работающие, неработающие (пенсионеры, домохозяйки, безработные) и обучающиеся (учащиеся, студенты). В результате оказалось, что основную часть посетителей музеев составляют работающие респонденты (65,1 %), 17,0 % относится к категории неработающих, 14,3 % – обучающиеся. Таким образом, социально-демографический портрет посетителя музея выглядит следующим образом: преимущественно женщины, треть которых составляют респонденты в возрасте 25–39 лет, с различным уровнем образования, относящиеся к категории работающих.

³Выборка разбита на 4 группы: общее среднее образование (неполное базовое или базовое образование + неполное среднее или полное среднее образование), профессионально-техническое образование, среднее специальное образование, высшее образование (I ступень + II ступень + послевузовское образование).

Посещают музеи респонденты с различной частотой, начиная от одного раза в неделю и заканчивая реже, чем один раз в год, что в совокупности составляет 45,1 %. Преобладают в основном среди населения те, кто посещает музей реже чем

один раз в год (22,8 %). 10,7 % ходят в музей 1–2 раза в год, 6 % – 1–2 раза в полгода, 3,3 % – 1–2 раза в квартал, 1,6 % – 1–2 раза в месяц, 0,7 – раз в неделю. В целом не посещают учреждения подобного рода 54,9 % респондентов (рисунок 3).

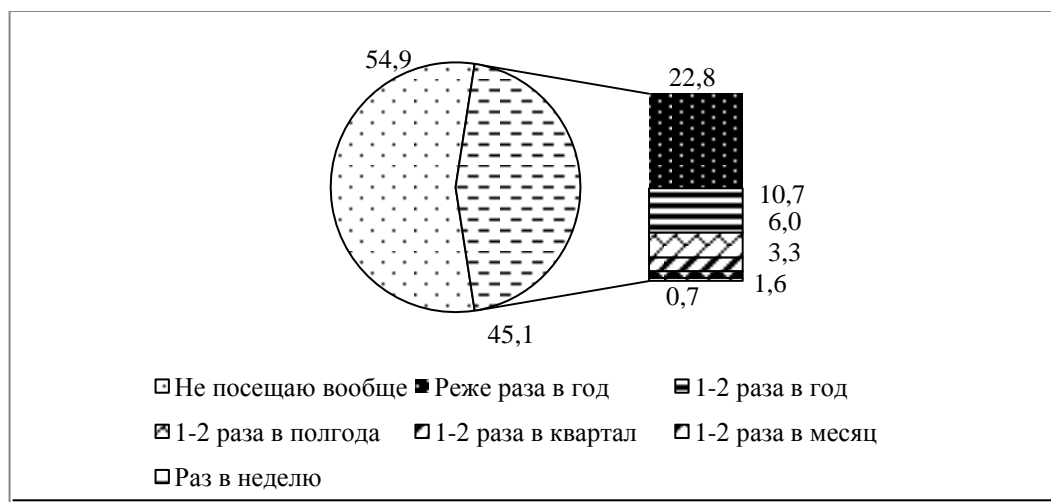

Рисунок 3. – Частота посещения респондентами музеев, % от числа ответивших

К числу важнейших характеристик музейных практик посетителей следует отнести формы посещения разнообразной направленности. Согласно полученным результатам, наиболее востребованной, по мнению респондентов, является групповая экскурсия с гидом, которую используют чуть больше половины опрошенных (52,5 %). Посещение культурных мероприятий музея в виде музейного праздника, бала или концерта, индивидуальная экскурсия с гидом, а также посещение экспозиции музея без экскурсовода отметило в пределах

28,1–30,4 % респондентов. К принципиально новой форме посещения музея – виртуальной экскурсии на основе использования сайта учреждения – прибегает 14,5 % посетителей. С аудиогидом посещает экспозицию музея 14,1 % респондентов. Культурно-образовательные мероприятия традиционного содержания, в частности, лекции, занятия на основе использования музейных фондов, коллекций актуальны для 12,2 % опрошенных (таблица 6).

Таблица 6. – Формы посещения музейных учреждений, % от числа ответивших

Групповая экскурсия с гидом	52,5
Посещение экспозиции/выставки музея без экскурсовода	30,4
Индивидуальная экскурсия с гидом	28,6
Посещение иных культурных мероприятий музея	28,1
Виртуальная экскурсия по музею	14,5
Посещение экспозиции музея с аудиогидом	14,1
Традиционное культурно-образовательное мероприятие с использованием музейных фондов/коллекций	12,2
Другое	1,6

Посещение музея или организованного им мероприятия, как показывает практика, зависит от факторов объективного (стоимость билета, режим работы) и субъективного характера (привычка, советы знако-

мых и др.). Ценовая доступность (54,0 %), а также советы ближайшего окружения (53,8 %) относятся к числу основных факторов, которые влияют на решение посещения респондентами культурного учрежде-

ния. Чуть больше трети опрошенных отмечает важность территориальной доступности учреждения (36,5 %), личную привязанность, привычку (35,1 %), в т. ч. качество оказываемых учреждением услуг (34,0 %). Четверть респондентов ссылается на важность при выборе учреждения удобного режима работы музея, а также желание следовать семейным традициям. В пределах

11,1–14,7 % в качестве побуждающих факторов отмечается эксклюзивность, престижность мероприятия, наличие публикаций в СМИ, участие популярных личностей. Менее значимыми факторами респонденты считают следование модным тенденциям (7,2 %) и наличие широкой рекламной компании мероприятия, учреждения (6,7 %) (таблица 7).

Таблица 7. – Факторы, влияющие на решение посетить культурное мероприятие/учреждение, %

Ценовая доступность	54,0
Советы друзей, знакомых	53,8
Территориальная доступность	36,5
Личная привязанность, привычка	35,1
Качество предоставляемых услуг	34,0
Удобный график, режим работы	27,7
Семейная традиция	25,4
Участие в мероприятии популярных исполнителей	14,7
Публикации в СМИ о предстоящем мероприятии	13,7
Престижность мероприятия	13,6
Эксклюзивность мероприятия	11,1
Следование модным тенденциям	7,2
Широкая рекламная кампания учреждения	6,7

Заключение

Таким образом, на основе изученных статистических и социологических данных осуществлен анализ основных показателей, характеризующих особенности функционирования музея (численность, территориальная и профильная представленность, уровень посещаемости и др.), а также ключевых аспектов их деятельности, в частности, количество культурно-образовательных мероприятий, выставок, экскурсий. Данные социологических исследований позволили разработать социально-демографический профиль посетителя музея, который выглядит следующим образом: преимущественно женщины, треть которых составляют рес-

понденты в возрасте 25–39 лет, с различным уровнем образования, относящиеся к категории работающих.

Музейные практики посещающей части населения носят эпизодический характер, как правило, связаны с выбором групповой формы посещения музея с гидом и детерминированы ценовой доступностью и советом ближайшего окружения. В итоге следует заключить, что полученные результаты позволяют оценить положение современного музея в белорусском обществе и обозначить перспективные направления его дальнейшего развития с учетом обратной связи от населения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Численность населения по областям и г. Минску [Электронный ресурс] / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://belstat.gov.by/-ofitsialnaya-statistika/socialnaya-sfera/naselenie-i-migratsiya/naselenie/godovye-dannye/>. – Дата доступа: 12.09.2020.
2. Музей і наведвальнік: сацыялагічнае даследаванне на базе Нацыянальнага мастацкага музея Рэспублікі Беларусь / І. Р. Голубева [і інш.] ; пад навук. рэд. І. Р. Голубевай ; Бел. дзярж. ін-т праблем культуры. – Мінск : БелППК, 1999. – 51 с.
3. ТОП-12 самых посещаемых музеев Беларуси. 2019 [Электронный ресурс] // Факультет коммерции и туристической индустрии. – Режим доступа: <https://fcti.by/2020/04/21/top-10-посещаемых-музеев-беларуси/>. – Дата доступа: 12.09.2020.

ПАМ'ЯТІ УЧЕНОГО

ГЕОРГИЙ ПЕТРОВИЧ ДАВИДЮК (05.07.1923 – 10.11.2020)

10 ноября 2020 г. ушел из жизни Георгий Петрович Давидюк – первый учитель белорусских социологов. Очень много людей, вспоминая Георгия Петровича, искренне, от всей души говорят своему учителю простое человеческое «спасибо», восхищаясь его жизненным подвигом, подвижничеством, человеческой отзывчивостью и участием. Несмотря на жизненные невзгоды, трудности и лишения военного лихолетья, Георгий Петрович никогда не изменял своим принципам, был целеустремленным и настойчивым в отстаивании правды жизни, никогда не терял присутствие духа, стремился жить с радостью, заряжать окружающих оптимизмом.

Жизнь Георгия Петровича – настоящий учебник по истории Отечества. При жизни это был человек-легенда: ни одно важное событие в жизни страны не прошло мимо него. Георгий Петрович Давидюк родился в белорусской крестьянской семье д. Камень-Шляхетский Кобринского повета

(ныне Кобринский район Брестской области). С малых лет на собственном опыте он познал тяжелый крестьянский труд, в школу ходил, когда позволяла работа. До войны окончил шесть классов польской общеобразовательной школы. В неполные двадцать лет командовал ротой в партизанском отряде, был трижды ранен. После войны одновременно работал и учился: закончил Минский государственный педагогический институт имени М. Горького, работал в партийных структурах Брестской области, ЦК КПБ, затем окончил Академию общественных наук в Москве, защитил кандидатскую диссертацию, работая в Институте философии и права АН БССР. В 1969 г. Г. П. Давидюк защитил докторскую диссертацию по философским наукам, с 1970 г. – профессор.

С 1972 г. жизнь Георгия Петровича была связана с Белорусским государственным университетом, куда он был приглашен руководить кафедрой философии гуманитарных факультетов, где создал сектор прикладной социологии, организовал систему социологических исследований на предприятиях страны, создал условия для подготовки кадров для эффективной работы заводской социологии, руководил Проблемной научно-исследовательской лабораторией социологических исследований, ставшей впоследствии широко известной в стране и далеко за ее пределами.

Георгий Петрович попал в первую «волну» социологов. В 1960-е гг. многих руководителей надо было убеждать в важности этой науки, доказывать ее практическую значимость. Но трудности никогда не останавливали Георгия Петровича. Белорусским социологам сильно повезло, что за возрождение социологии взялся именно Георгий Петрович. Пройдя через все испытания, он достойно выполнил свою миссию – создал белорусскую социологическую школу. Себя он никогда не щадил, никому не жаловался на трудности и непонимание, просто делал что мог, отдавая всего себя любимому делу.

Георгий Петрович «поставил на крыло» первое поколение профессиональных социологов в Беларуси, многое сделал для утверждения социологии в Академии наук БССР, Белорусском государственном университете, высшей школе в целом, на промышленных предприятиях республики. Его высокий научный авторитет был основан на его профессионализме, принципиальности и ответственности. Даже в самых высоких кабинетах он умел держаться на равных. И всегда добивался своего. Такая была эпоха, и такие были люди.

По инициативе профессора Давидюка было создано Белорусское отделение Советской социологической ассоциации, которое Георгий Петрович возглавлял долгие годы. Он автор первых учебников по прикладной социологии, под его редакцией вышел первый в СССР «Словарь прикладной социологии». Он принимал активное участие в развитии социологического образования, открытии первого в стране социологического отделения – кафедры социологии в Белорусском государственном университете.

Профессор Г. П. Давидюк вывел белорусскую социологию на международный уровень. Своим примером он показал важность развития научного сотрудничества с другими странами, необходимость обмена опытом, эффективность совместных исследований и изданий коллективных монографий. Многим сегодня успешным исследо-

вателям он открыл дорогу в большую науку, всячески поддерживал их стремление к достижению международного признания.

Характер Георгия Петровича был под стать эпохе: строг, но справедлив, всегда проявлял исключительно бережное отношение к людям, их здоровым амбициям и потребностям. Все его ученики, давно повзрослевшие и вполне сформировавшиеся, всегда добрым словом вспоминают своего учителя и ту творческую атмосферу, царившую во время совместной работы. Их много, а если считать с учениками учеников, то это практически вся белорусская социология.

Георгий Петрович всю жизнь трудился на родной белорусской земле, любил свою малую родину – Брестчину, стремился по возможности бывать на местах былых боев, встречаться со своими учениками – молодыми социологами, студентами. А когда полностью вышел на пенсию, переехал из столицы в город-спутник – старинный белорусский город Заславль. Его крестьянская натура не позволяла засиживаться в городской квартире: Георгий Петрович много трудился на своей загородной даче и всегда гордился прекрасными урожаями.

Сегодня мы прощаемся с классиком социологической науки, создателем белорусской социологической школы, нашим учителем. Светлая память о Георгии Петровиче Давидюке навсегда останется в наших сердцах.

Александр Николаевич Данилов

*доктор социологических наук, профессор,
член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси*

Святослав Тихонович Кавецкий

*кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина*

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Матэрыялы прадстаўляюцца на беларускай, рускай ці англійскай мове ў двух экзэмплярах аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкаванага аркуша, у электронным варыянце – у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc; *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармату А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадкавы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, якія ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзнак вымярэння (СВ). Пажадана пазбягаць скарачэнняў слоў, акрамя агульнапрынятых. Спіс літаратуры павінен быць аформлены паводле Узораў афармлення бібліяграфічнага апісання ў спісе крыніц, якія прыводзяцца ў дысертацыі і аўтарэфераце, зацверджаных загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 25.06.2014 № 159 у рэдакцыі загада Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 08.09.2016 № 206. Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках ([1–4], [1; 3], [1, с. 32], [2, с. 52–54], [3, л. 5], [4, л. 60б.]). Не дапускаецца выкарыстанне канцавых зносаў.

Матэрыял уключае наступныя элементы па парадку:

- індэкс УДК (выраўноўванне па левым краі);
- ініцыялы і прозвішча аўтара (аўтараў) (выдзяляюцца паўтлустым шрыфтам і курсівам; выраўноўванне па цэнтры);
- звесткі пра аўтара/аўтараў (навуковая ступень, званне, пасада);
- назва артыкула (друкуецца вялікімі літарамі без пераносаў; выраўноўванне па цэнтры);
- анатацыя аб'ёмам 100–150 слоў на мове артыкула (курсіў, кегль – 10 pt.);
- звесткі аб навуковым кіраўніку (для аспірантаў і саіскальнікаў) указваюцца на першай старонцы артыкула ўнізе;

➤ асноўны тэкст, структураваны ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАКа да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў (Уводзіны з пастаўленымі мэтай і задачамі; Асноўная частка, тэкст якой структуруюцца падзагаловак і назва раздзела «Асноўная частка» не друкуецца); Заключэнне, у якім сцісла сфармуляваны асноўныя вынікі даследавання, указаная іх навізна);

➤ спіс выкарыстанай літаратуры; спіс выкарыстанай літаратуры дубліруюцца ў лацінскім алфавіце (References), пры гэтым колькасць крыніц, прыведзеных у спісе, і ў References, павінна супадаць.

➤ рэзюмэ на англійскай мове (курсіў; да 10 радкоў, кегль – 10 pt.): назва артыкула, прозвішча і ініцыялы аўтара/аўтараў, тэзісны пераказ зместу артыкула; у выпадку калі аўтар падае матэрыял на англійскай мове, рэзюмэ – на рускай ці беларускай.

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- звесткі пра аўтара на мове артыкула і англійскай мове (прозвішча, імя, імя па бацьку поўнаасцю, вучоная ступень і званне, месца працы (вучобы) і пасада, электронны адрас і кантактныя тэлефоны);
- выписка з пратакола пасяджэння кафедры, навуковай лабараторыі ці ўстанова адукацыі, дзе працуе/вучыцца аўтар, завераная пячаткаю, з рэкамендацыяй артыкула да друку;
- рэцэнзія знешняга ў адносінах да аўтара профільнага спецыяліста з вучонай ступенню, завераная пячаткаю;
- экспертнае заключэнне (для аспірантаў і дактарантаў).

Рукапісы, аформленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегіяй не разглядаюцца.

Аўтары нясуць адказнасць за змест прадстаўленага матэрыялу.

Карэктары *А. А. Іванюк, Л. М. Калілец*

Камп'ютарнае макетаванне *С. М. Мініч, Г. Ю. Пархац*

Падпісана ў друк 31.12.2020. Фармат 60×84/8. Папера афсетная.

Гарнітура Таймс. Рызаграфія. Ум. друк. арк. 20,23. Ул.-выд. арк. 15,75.

Тыраж 100 экз. Заказ № 393.

Выдавец і паліграфічнае выкананне:

УА «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы, распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/55 ад 14.10.2013.

ЛП № 02330/454 ад 30.12.2013.

224016, г. Брэст, вул. Міцкевіча, 28.